

Андрей Величко
Эмигранты

Терра Инкогнита – 1

«Эмигранты»: АЛЬФА-КНИГА; М; 2011
ISBN 978-5-9922-0998-3

Аннотация

Романтика южных морей, острова в океане, аборигены, пираты, мушкетеры и

конкистадоры... Как все это не похоже на серую жизнь, которую ведет молодой учитель истории! И как ему хотелось бы хоть одним глазком увидеть подобное! Талантливый ученый, несмотря на смертельную болезнь, успел закончить главную работу своей жизни, но умирать ему все равно не хочется. Так, может, рискнуть, ведь шанс есть? Бывший фронтовик, а ныне кое-как доживающий отпущенный ему срок пенсионер не жалеет ни о чем в прошлом и почти ничего не ждет от будущего. Хотя, конечно, ему интересно было бы повидаться с исчезнувшим двадцать лет назад другом.

А на свете, оказывается, есть место, где желания этих троих могут пересечься. Оно называется...

Но лучше не будем забегать вперед.

Андрей Величко

ЭМИГРАНТЫ

Пролог

Сэр! Посылаю вам краткое резюме доклада об объекте «Опытное хозяйство 13-27», фигурирующем у нас как «Школа медиумов».

Итак, на основании тщательной проверки, произведенной в рамках международной программы «Байкал-92», можно утверждать следующее.

С момента своего образования в 1981-м году «ОХ 13-27» являлся совместным проектом КГБ и АН СССР, предназначенным для дезинформации вероятного противника. С точки зрения наших специалистов, в нем производилась только видимость исследований. Результаты, зафиксированные в журналах экспериментов, на имеющейся аппаратуре воспроизведены быть категорически не могут. Сведений о наличии какой-либо иной аппаратуры, кроме осмотренной, не найдено.

Ориентировочно в середине 1987 года приоритеты в работе объекта изменились. Не прекращая попыток нашей дезинформации, персонал объекта явно начал заниматься тем же самым и в отношении своего руководства. Судя по всему, в целях личного обогащения. Заведующий второй лабораторией доктор физ. мат. наук И.А. Баринов исчез 25 мая 1991 года. Якобы утонул, катаясь на лодке по Байкалу, но ни тела, ни лодки найдено не было. Прибывшая комиссия зафиксировала значительные нецелевые траты, но ее работа была прервана в августе, в связи с общеизвестными обстоятельствами, и более не возобновлялась. К моменту приезда нашей группы все научные и инженерные кадры объекта уже уволились, функционировала только охрана.

Вывод:

Дальнейший мониторинг «ОХ 13-27» предлагаю прекратить. В связи с планируемой приватизацией мной ориентирована фирма «Тенком», бывший кооператив «Дары Байкала», на приобретение аппаратуры объекта, после чего операцию «Школа медиумов» можно будет считать законченной.

Глава 1

– Иди сюда, хвостатый, ну что ты там опять изображаешь из себя старую развалину, – попенял я своему коту Ньютону. – Не буду поднимать, на стол ты прекрасно можешь запрыгнуть и сам, а у меня что-то опять радикулит разыгрался. В конце концов, день рождения сегодня не только у тебя, но и у твоего хозяина. Будешь кочевряжиться – про все блюда не гарантирую, но вот икру точно съем без остатка, ее тут немного. И лососем закушу.

Где-то с минуту кот оценивал серьезность моих намерений, а потом, укоризненно муркнув, одним махом взлетел на стол. Не так легко, как в молодости, но все же.

– Не смущайся, – пододвинул я к нему миску со сливками. Впрочем, вот уж чего-чего, а излишней деликатности в Ньютоне не наблюдалось с первых дней его долгой жизни. А сегодня ему стукнуло двадцать лет. Для кошек – весьма солидный возраст. Ну, а мне –

восемьдесят пять, для людей это тоже много. Очень много, я никогда и не надеялся столько прожить. Однако вот как-то получилось, сижу теперь тут с котом и праздную двойной юбилей. Впрочем, скорее всего в последний раз. И не потому, что собираюсь в ближайшее время помереть, или, упаси господь, ожидаю такой подлянки от Ньютона. Просто скоро нам с хвостатым предстоит дальний путь.

Первый шаг к нему был сделан двадцать лет назад, когда скромный пенсионер Алексей Романцев, то есть я, сел в поезд «Россия» и поехал в Иркутск. Да, на самолете было бы быстрее, но в те далекие времена для приобретения железнодорожного билета не требовалось показывать паспорт, что имело определенное значение. Не то чтобы я ехал нелегально, но оставлять какие-либо отметки об этом вояже было нежелательно. Чего я там забыл? В общем-то ничего, но меня попросил о помощи мой старый друг Илюха Баринов.

Познакомились мы с ним под Кишиновом в сентябре сорок четвертого года. Оба после школы пошли в армию и оказались в одном и том же БАО, где и служили до конца сорок седьмого года. Потом наши пути разошлись – я поступил в Горьковское военное училище техников связи, а Илья демобилизовался и вскоре стал студентом физфака МГУ.

Следующие двенадцать лет мы почти не встречались, но в шестидесятом капитан Романцев попал в «миллион двести». Помню, было даже немного обидно, но не так чтобы очень. Я вернулся в Москву, к родителям, и с помощью Ильи, к тому времени ставшего физико-математическим кандидатом, устроился работать инженером в ФИАН, где и проторчал до самой пенсии.

Я пополнил собой ряды пенсионеров в приснопамятном восемьдесят пятом году. Вообще-то можно было продолжать работать, но сын сказал мне, что это следует делать только в том случае, если она работа мне безумно интересна и жизни без нее я не мыслю. Если же речь идет о разнице между пенсией и зарплатой ведущего инженера, то он готов ежемесячно выделять мне вдвое большую сумму просто так, из благодарности, что я в свое время принял участие в появлении его на свет. Если же я решу помогать ему в его многотрудных занятиях, то тут речь пойдет уже совсем о других деньгах.

Он был радиомастером в телеателье, и, кроме того, весьма неплохо подрабатывал на левых ремонтах импортной техники.

Потом началась перестройка. От ремонтов и изготовления аппаратуры на заказ мы плавно перешли к торговле малазийскими видеомагнитофонами, затем помаленьку занялись компьютерами, так что к моменту развала Союза мой сынуля был уже весьма обеспеченным человеком. Но незадолго до этого события случился тот самый мой вояж в Иркутск, на котором надо остановиться подробнее.

В феврале девяносто первого года в Москву приехал Илья Баринов. Он с начала восьмидесятых работал в каком-то жутко секретном месте, являясь в столицу только в отпуск, да и то не каждый год.

– Леш, нужна твоя помощь, – сразу сказал он мне. – Тут такое дело... в общем, я могу рассказать более или менее подробно, но сразу предупреждаю – поверить будет непросто. Так мне рассказывать или просто сообщить, чего я от тебя хочу?

– Совсем ты там одичал в своей тайге, – попенял ему я. – Рассказывай, и, может, мне водку достать?

– Если только тебе. У меня лейкемия, и с той дрянью, которой мой организм пичкают медики, водка никак не сочетается. Да погоди ты строить сочувствующее выражение лица! Лучше налей себе чая, раз уж в одиночку пьянствовать не хочешь, и слушай.

Не знаю, отчего Илья решил, что мне трудно будет поверить в его рассказ. Разумеется, если бы подобное сообщили по телевизору, то реакция была бы однозначной – брехня. А тут... подумашь, изобрел человек машину времени. Почему бы и нет, если с мозгами у него все порядке. Так что я спокойно его выслушал и спросил:

– А меня с собой почему не приглашаешь?

– Да потому, что сейчас все забросы идут наобум! Вероятность успешного завершения процесса чуть меньше половины. Мне все равно не протянуть больше двух лет, так что меня

и десять процентов устроило бы, но рисковать твоей жизнью я не могу и не буду.

– И чем же тебе перспектива помереть через те же два года, но в прошлом, кажется более привлекательной?

– Слушай дальше. На крысах совершенно точно установлено, что перемещение туда приводит к полному оздоровлению организма. Если в прошлое забрасывалась старая крыса, то она там довольно быстро молодела примерно до годовалого возраста, то есть самого расцвета сил. Больная, даже раком – выздоравливала. Причем одна крыса прожила там полгода и практически не постарела за это время. Обратный же переход действует наоборот, так что это в любом случае дорога в один конец.

В общем, выяснилось, что имеющаяся аппаратура умеет посылать примерно лет на триста назад, более точно выяснить не удалось. Потому как приемлемая наводка получается только при использовании центра Земли в качестве ориентира и строго на другую сторону шарика, а определить точную дату посреди океана не так просто. Поначалу были случаи, что перебрасываемый объект оказывался на километр выше или ниже поверхности воды, но сейчас удалось добиться приемлемой точности порядка двух метров по вертикали.

– И последнее, – подытожил свою речь Илья. – То, что я сейчас рассказал, хоть и носит гриф секретности, но считается мистификацией. А вот то, что объект, на котором я сейчас работаю, предназначен исключительно для дезинформации вероятного противника – это я тебе разглашаю совершенно секретную информацию. Почти все мои сотрудники уверены, что результаты экспериментов – подтасовка, как, собственно, и задумывалось при создании объекта. Но это еще не все. Последнее время в наш центр закачиваются просто ненормально большие средства, которые потом неизвестно куда исчезают. И оказаться замешанным вот в это мне кажется весьма и весьма опасным. Так что, если соберешься мне помогать, подумай, как сделать это незаметно.

У меня действительно получилось не привлекая особого внимания привести в порядок купленную Ильей большую моторную лодку и даже кое-как подготовить ее к океанскому плаванию, для чего пришлось настелить палубу, приделать шверт и установить мачту. И утром двадцать пятого мая я остался на берегу, а лодка отчалила, удалилась от берега примерно на полкилометра и исчезла. Я осмотрелся – вокруг безлюдно, вряд ли кто-нибудь заметил только что случившееся исчезновение. Когда вызванная им небольшая волна достигла берега, я разобрал и зачехлил удочки, накинул рюкзак и пошел в сторону Листвянки, до которой было километров пятнадцать. Оттуда ходил автобус в Иркутск.

Вернувшись в Москву, я получил отправленную в багажном вагоне стиральную машину «Рига-17» – прощальный подарок Ильи. Довольно странный подарок, если не знать, что, несмотря на заводскую упаковку, стирать этот механизм ничего не может.

Дома я вытащил его из обрешетки, открыл крышку, под которой оказался не бак, а нечто вроде пульта с четырьмя тумблерами, тремя реостатами, пятью светодиодами, кнопкой сброса и амперметром на двести ампер. Крайний светодиод горел. Порадовавшись, что друг нормально перенес путешествие в прошлое, я нажал кнопку «сброс», и по идее Баринов сможет принять посланный при этом сигнал. В следующий раз этот светодиод загорится, когда Илья достигнет суши. Ну и потом он время от времени будет активировать этот канал, означающий, что у него там все хорошо. Жалко, что таким путем нельзя организовать оперативную связь, но Илья объяснил, что для уверенного приема аппаратура должна передавать сигнал не меньше недели, да и то в строго определенные периоды.

Но всего каналов связи было три. Сигнал по второму будет означать, что ему там удалось настроить маяк и стиральную машину можно использовать по прямому назначению, то есть для путешествия в прошлое, но при этом надо спешить, потому что маяк получился не очень устойчивым. Ну, а активация третьего – это все замечательно, можно не спешить, на подготовку не меньше года. И реостаты, регулирующие размер зоны захвата, можно ставить в максимальное положение, что будет означать параллелепипед размером пятнадцать на восемь на пять метров.

С тех пор первый светодиод загорался каждый год в начале июля, но два других не

подавали признаков жизни. Что же, наверное, организовать нормальную наводку оказалось не так просто, как Илья полагал поначалу.

А жизнь тем временем текла своим чередом. Вскоре после событий девяносто третьего года сын сообщил мне, что к власти в России пришли не те, на кого он ставил, поэтому отсюда надо линять.

– Тебе, – уточнил я.

– Нет, мама тоже так считает, – возразил сын. – И что ты тут будешь делать, когда мы уедем?

– А что я буду делать там? Нет, подобный вариант даже не обсуждается. Отговаривать вас с матерью я не буду, но и сам никуда не поеду. Я, между прочим, ни на кого не ставил, так что вряд ли мне здесь будет что-либо угрожать. Мою квартиру вы, надеюсь, мне оставите?

– Пап, да мы тебе их оставим все три! – возмутился отпрыск, – но ты точно отказываешься ехать?

Это был вопрос на всякий случай, сын хорошо меня знал и сразу понял, что мое решение окончательное. И вскоре я остался один в Москве. Правда, с деньгами от продажи двух лишних квартир, так что бедность ранее чем в столетнем возрасте мне не светила никоим образом. Тем более сын собирался меня материально поддерживать, хоть я и сказал ему, что не вижу в этом особой необходимости.

Шли годы. В две тысячи четвертом я купил дом в заброшенной деревеньке на границе Тверской и Ярославской областей, нанял бригаду таджиков и привел его в пригодное для жилья состояние. Внешне дом оставался почти тем же самым, но внутри он радикально преобразился. В подвале стоял мощный генератор с месячным запасом солярки и батареей из сорока камазовских аккумуляторов, ибо с электричеством в деревеньке было весьма не очень. Ну и все прочее, необходимое для комфортной жизни пожилого одинокого пенсионера, так что с шестого года я появлялся в Москве только наездами раз в год, дешево сдав квартиру троюродной внучатой племяннице жены, которая приехала в Москву учиться.

А полгода назад на стиральной машине вдруг зажегся красный светодиод, причем сразу по третьему каналу. И непрерывно горел с тех пор, подтверждая, что где-то там меня ждут. Но так как можно было не спешить, то за полгода я собрал массу вещей, могущих оказаться полезными в прошлом. Ведь глупо лезть туда пустым и голым, имея зону переноса в шестьсот кубометров! Однако сборы наконец-то закончились, и завтра мы с Ньютоном собирались отправляться в далекое путешествие. Но сегодня к нам мог приехать один гость. Интересно, он действительно приедет или все-таки не рискнет отправляться черт знает куда, да еще и без особых гарантий благополучного завершения пути?

Глава 2

Около шести вечера, когда мы с Ньютоном уже устали поглощать всякие вкусности и праздник понемногу шел к завершению, на улице послышался шум мотора пополам со скрипом разболтанного кузова и лязгом изношенной еще на заре перестройки подвески. Я выглянул в окно. Так и есть, приехал Серега на своем фургоне-автолавке. Район по какой-то программе якобы доплачивал ему за рейсы в деревни наподобие той, где я поселился, а он якобы туда ездил каждую неделю. Но все-таки Серега был честным человеком и у нас появлялся примерно раз в месяц, причем привозил то, что было заказано.

Но сегодня, как ни считай, был не рейсовый день. Значит, Серега привез или мою покупку, или гостя ко мне, или и то и другое разом.

– Михалыч! – заорал он, только заглушив мотор, но не вылезая из кабины. – Ты тут еще жив?

Правильно, чего зря лезть наружу – а вдруг я уже помер? Так что мне пришлось с некоторым трудом встать и выйти на крыльцо.

– Не дожدهшься, – приветствовал я его. – Привез?

– А то чего бы я сюда поперся? – вполне резонно ответил он. – Эй, парень, мы уже на месте, можно выходить!

С противоположной стороны машины хлопнула дверь, и показался Витя Маслов. Значит, все-таки решился, подумал я и, поздоровавшись, предложил ему проходить в дом. Сергей тем временем возился у задней двери своего фургона. Наконец размотал проволоку, которая там была вместо замка, распахнул створку и начал прилаживать три доски из кузова на землю. Обернувшись ко мне, он с видимым беспокойством осведомился:

– Михалыч, ты... это самое... не передумал? А то если у тебя сейчас всех денег нет, так я могу и того... подождать.

– Да куда уж тут раздумывать, – хмыкнул я, – выкатывай свою ласточку, деньги при мне.

Сергея исчез в глубине своего фургона, и вскоре по доскам скатилось тульское изделие с неудобоваримым именем «ТМЗ пять точка девятьсот семьдесят один». То есть трехколесный грузовой мотоцикл повышенной проходимости.

– Не прогадал ты, Михалыч, – возбужденно тараторил Сергей, – хрен сейчас где такое найдешь! Эти, блин, квадроциклы – стоят дороже машины, груз толком положить некуда, а если что сломается – все! А тут... состояние – лучше нового! И полный кузов запчастей, из них еще один такой можно собрать. Работает хоть на бензине, хоть на самогоне! Заводится с полтыка!

Для иллюстрации последнего постулата он лягнул кикстартер, и движок действительно затарахтел.

– А прогреется, так и вовсе с электростартера заведется! – не унимался взбудораженный продавец.

Его энтузиазм был в общем-то понятен, ибо Сергей запросил за это транспортное средство тридцать пять тысяч. По отношению к реальной стоимости сумма была завышена раза в два, если не три, а для здешних мест она являлась и вовсе фантастической. Скорее всего, он просто собирался поторговаться, но я лишил его этого удовольствия, согласившись сразу.

– Держи деньги, – прервал я его излияния, – и отгони свою ласточку к сараю.

– Она уже твоя, – на ходу отозвался он, – сам удивишься, сколько она тебе прослужит! А соберешься зарегистрировать – только скажи, это я мигом организую, у меня свояк в райотделе работает.

Отделаться от Сергея удалось только минут через пять, потому как на радостях от внезапно свалившегося богатства он порывался прямо сейчас обмыть сделку. Но наконец, напоследок взревев прогоревшим глушителем, фургон уехал, и я смог уделить время своему гостю.

Родители Виктора были моими соседями по этажу с семидесятого года, а в восьмидесятом у них родился сын. Очень поздний сын, ведь матери тогда было хорошо за сорок, а отцу – немного за пятьдесят. Естественно, они не чаяли души в своем чаде. И, что столь же естественно, ни малейшей пользы это ему не принесло, а скорее наоборот. Нет, мне, конечно, встречались и более неприспособленные к жизни люди, но далеко не каждый день.

Школу Виктор посещал только до пятого класса. А когда после развала Союза в образовании начались какие-то метания с частными гимназиями, домашними обучениями и прочими экстернатами, предки забрали его из школы, и дальнейшая учеба проходила на дому. Виктору повезло, что его родители дожили до получения своим чадом аттестата, потому как иначе жертве домашнего образования светила бы и вовсе незавидная судьба. Кстати, его следствием образования явилось то, что Маслов-младший не служил в армии. Ведь военкомат заводит карточки на основе школьных списков, а там-то его и не было! То есть про него просто никто не вспомнил и никаких повесток он не получал.

Но парнем он все-таки был довольно способным и ухитрился как-то поступить в Московский педагогический университет, мне более известный под старым именем «МОПИ имени Крупской».

Пока он учился, умер его отец, а через год после получения диплома – мать. Она просила меня позаботиться о Викторе, и это явилось одной из причин того, что сегодня он оказался моим гостем. Вторая была в том, что чадом мало того что являлось учителем истории, так еще и знало французский язык. Причем он утверждал, что знает и его старый диалект, на котором разговаривали всякие Генрихи Валуа, Маргариты Анжуйские и прочие Людовики Бурбоны.

Вообще его коньком была средневековая Франция, а ведь мы и собирались куда-то примерно в конец средних веков. Ну или в чуть более поздние времена, неважно. Правда, на противоположную от Европы сторону земного шара, но лично я вовсе не был уверен, что так и останусь там сидеть до самой смерти. А уж если слова Ильи про омоложение окажутся правдой, то и тем более.

Имелась и третья причина. Одиноким лохматый парень, живущий в двухкомнатной квартире на площади Гагарина, даже в наши сравнительно спокойные времена относится к группе повышенного риска. Пока я был помоложе и жил в Москве, еще имелась возможность как-то помочь в случае чего, но за последние четыре года она сильно уменьшилась, а с моим исчезновением, понятно, пропадет вовсе.

– Вообще-то мы договаривались на четыре часа, – заметил я своему гостю, – а сейчас уже шесть.

– Я писал завещание, – гордо сообщил мне Витя.

– И про что, если не секрет?

– Про квартиру. В случае моей смерти или исчезновения она должна быть продана, а деньги переданы детскому дому в Подольске. Я оставил его на письменном столе.

М-да, подумалось мне. Тяжелый случай. И ведь парень не подозревает, что никому и в голову не придет не то что выполнять им завещанное, но даже задуматься о таком извращении! Впрочем, и я тоже написал нечто в этом роде от его имени. Если не дать отбой, то через два дня на «одноклассниках» появится сообщение якобы от Виктора, где он заявит, что очень опасается за свою жизнь, так как его квартирой заинтересовались нехорошие люди. И даст координаты одного агентства, про которое я знал, что там не брезгают и довольно некрасивыми делами. Правда, конкретно к Витиной квартире они ни сном ни духом, но это неважно. Пусть хоть нервы маленько помочут мерзавцам, и то хлеб. Говорить всего этого Виктору я, понятное дело, не стал. А просто уточнил:

– Значит, ты твердо решил составить мне компанию.

– Конечно, – с энтузиазмом подтвердил Витя. – А вы бы на моем месте отказались? Своими глазами увидеть далекое прошлое – когда у меня еще будет такой шанс? И не надо мне говорить, что это опасно, я уже все обдумал. Когда мы отправляемся?

– Завтра в пять утра.

Это время я выбрал потому, что не хотел травмировать соседей зрелищем исчезновения сарая. Хотя в деревне имелось всего шесть жилых домов и кроме меня тут жили две бабки и Юрка-алкаш из райцентра, которого недавно в очередной раз выгнала жена. Еще два жилых дома сейчас были пусты, дачники из Москвы и Ярославля туда еще не приехали.

Правда, потом народ все равно обнаружит, что мой сарай куда-то делся и я вместе с ним тоже, но тут уж ничего не поделаешь. Скорее всего они решат, что кто-то польстился на кирпичи и доски, которые я закупил якобы для постройки ондатровой фермы. О том, что доски там очень непростые, а кроме них полно и гораздо более интересных вещей, в деревне не знал никто.

– Ужинать будешь? – поинтересовался я у своего гостя и, получив отрицательный ответ, предложил:

– Тогда показывай, что захватил с собой.

Виктор с готовностью расстегнул сумку. С самого верха лежал пакет со сменой белья. Далее на свет божий был извлечен ноутбук. Все правильно, Виктор читал книжки и знает, что без него в прошлое путешествовать просто неприлично. Впрочем, и я их тоже захватил целых шесть – по основному и два запасных мне и Илюхе.

Тем временем из недр сумки появились книги «Самоучитель верховой езды» и «Основы картофелеводства», многофункциональный нож «свис тул спирит», здоровенный кухонный тесак в криво сшитых из дерматина самодельных ножнах, десяток газовых зажигалок, два баллона с газом к ним, бутылка пепси и два сникерса. Потом был вытащен пистолет Макарова. Я на мгновение даже подумал, что настоящий, но быстро разглядел – пневматик. Далее Витя достал три коробки баллончиков и пачку шариков к нему, и на этом содержание сумки иссякло. Набор, конечно, еще тот, но я ведь сам говорил парню, что беру с собой все необходимое и он может явиться хоть голым.

– Никаких лекарств я не взял, – пояснил Виктор, – потому что вы в них разбираетесь гораздо лучше. Но ведь вы не забыли, что я вам говорил про Европу? Как минимум до конца восемнадцатого века там царила жуткая антисанитария!

– Не волнуйся, у меня какие-то задержки со склерозом, так что я все помню. И презервативов, и бензина в сарае достаточно.

– Э... а при чем тут бензин? – смутился парень.

– Ну как же, приплывем мы в Европу, и тебя, например, возжелает какая-нибудь местная герцогиня. Ты что, собираешься ее прямо так пускать в койку? Даму же придется сначала отмыть, и лучше бензина для этой цели пока ничего не придумано. А если кроме шуток, то у нас с тобой полтора кубометра всяких медикаментов на все случаи жизни.

– Да, так все-таки куда мы, по-вашему, попадем? – решил сменить тему Виктор.

– А я знаю? Точка выброса Барина была в океане где-то в районе Огненной Земли, так что, скорее всего, он обосновался на каком-то островов архипелага, их много. Вот там мы и окажемся вместе с сараем.

– Неужели вы так давно готовитесь, что заранее построили эту громадину? – поинтересовался парень.

– Да ты что, ему же лет шестьдесят, если не семьдесят. Когда-то в доисторические времена здесь была конюшня. Ну, а мне пришлось ее только самую малость подремонтировать. Ладно, пора спать, вставать нам завтра рано.

– Как, вы сможете уснуть в такую ночь?

– Не уверен, но попробовать не помешает.

Как ни странно, я действительно продремал часа четыре. Глянул на часы – пора. Минут за десять оделся и похромал на веранду. Виктор, судя по всему, так и не ложился.

– Пошли, что ли, – предложил я ему.

Мы вышли из дома и минут через пять были у сарая, где стоял оставленный вчера трицикл.

– Завести сможешь? – поинтересовался я, – у меня что-то правая нога совсем отказала, а левой это неудобно.

– Если покажете, как, то конечно.

Я вздохнул, показал, и минут через пять Витины усилия увенчались успехом.

– Так, теперь помоги взобраться... все, спасибо. Проход видишь? Бери Ньютона и иди туда, пока не упруешься в старинную стиральную машину.

Подождав, пока Виктор выполнит инструкцию, я аккуратно заехал носом в сарай, где у входа оставался небольшой пятачок как раз под размер трицикла. Собственно, получившееся свободное место и было причиной моей спешной покупки – зачем тащить в прошлое воздух! Там небось и своего хватает.

Затем я с трудом слез с агрегата и, держась за стены прохода, поковылял в центр сарая. Сзади продолжал тарыхтеть движок, выключать я его не стал.

Подойдя к стиральной машине времени, я откинул крышку и перекинул крайний правый тумблер. Стрелка амперметра бодро поползла вправо. Когда она прочно угнездилась посередине зеленого сектора, я перекинул второй. Машина пискнула, что по инструкции означало – она видит маяк в точке финиша. Я вытер со лба холодный пот, подавил непонятно откуда взявшееся желание перекреститься, подмигнул Виктору и рванул на себя третий, самый большой тумблер.

По ушам ударило, словно при не очень далеком разрыве авиабомбы. Фанера под ногами вздрогнула, сверху раздался треск, и нам на головы посыпалась какая-то древесная труха.

– Что это?

Кот на руках у Виктора возмущенно взмякнул и вздыбил шерсть, но желания прыгнуть на пол пока не проявлял.

– Часть крыши вышла за зону переноса, вот ее и обрезало, – пояснил я. – А вообще-то мы уже там, куда и стремились. Пошли посмотрим, что ли.

Через загораживающий выход трицикл было видно, что снаружи идет мелкий дождик. Впереди просматривалось что-то вроде луга, за ним – холм.

Я взобрался на тархтящий агрегат, причем в этот раз ухитрившись сделать это без посторонней помощи, воткнул заднюю передачу и, выехав из сарая, развернулся. После чего обозрел открывшееся моему взгляду прошлое.

Оно выглядело каким-то блеклым, не очень приветливым и совершенно безлюдным.

Глава 3

Убедившись, что прямо сейчас никакой торжественной встречи не будет, я слез с трицикла и вернулся в сарай, где обратился к Виктору:

– Щель между ящиками видишь? Да, именно эту. Суй туда руку и тащи, что там лежит.

Вскоре на свет божий был извлечен складной стул, который я тут же разложил и с облегчением на него плюхнулся, термос с горячим чаем и три бутерброда.

– Один мне, два тебе, – разделил их я и налил чая в пластиковый стаканчик. От всех треволнений сегодняшнего утра у меня что-то разыгрался аппетит, который в обычных условиях проявлял себя не раньше полудня, да и то не каждый день.

– М-мяу! – заорал Ньютон, явно охваченный подозрением, что при дележке еды про него забыли.

– Витя, – перевел я парню кошачий вопль, – там дальше должен быть еще просто кусок колбасы, без хлеба. Отрежь примерно треть хвостатому, будь так добр.

Так я просидел почти два часа. Виктор периодически выскакивал наружу, но там все оставалось как было, то есть и дождь не переставал, и люди не появлялись.

Понятно, что стоять и ждать меня Илья не мог – он же не знал точного времени старта. Но то, что старт будет именно сегодня, я ему просигналил. Где же его носит?

Тут меня осенило – Баринов же не знает, кто такой Виктор, он видел его всего пару раз, да и то ребенком! Вот и думает, что за хмырь сюда явился вместо его старого друга.

Я попытался встать, и с третьей попытки мне это удалось. После чего доковылял до входа, вышел под дождь, помахал рукой и остановился. Если за сараем наблюдают, то вскоре что-то должно произойти. Поскорей бы, а то в моем возрасте прогулки по такой погоде, хоть и в непромокаемой куртке, что-то не радуют.

Но буквально через минуту после моего выхода из-за холма примерно в трехстах метрах впереди появилась фигура. Как-то она мне не очень напоминала моего друга Илью, но на подобный случай у меня был при себе бинокль. Я поднес его к глазам и увидел мощного, почти квадратного мужика. Про рост сказать было трудно, но ширина плеч и объем грудной клетки впечатляли. Лицо такое же, как и фигура, то есть чуть ли не поперек себя шире. И рыжая борода лопатой. А в руке – винтовка. В общем, ничего общего с Илюхой. Э, как бы это не оказалось другим «подобным случаем», на который у меня за пояс был заткнут парабеллум.

Потом я присмотрелся повнимательней. Ё-мое, так Илья в молодости и был почти таким! Это он после сорока пяти начал тощать, так что к девяносто первому году больше напоминал скелет, чем себя прежнего. Точно, это Илья, только поздоровевший до неприличия. Блин, эх его вширь-то разнесло! Он тут что, все двадцать лет подряд занимался исключительно культиризмом?

Илья легкой трусцой бежал ко мне, а за ним следовали еще пять человек. Судя по всему, аборигены, но в серых рубахах, таких же штанах и тоже с ружьями.

Вот уж чего я за собой никогда не подозревал, так это сентиментальности. Однако когда исчезнувший двадцать лет назад на моих глазах друг остановился в шаге от меня, на глаза навернулись слезы, голова закружилась, и я не упал только потому, что Илья меня поддержал. Вот ведь старость проклятая! Такими темпами еще лет десять, и я начну в голос рыдать над дамскими романами.

– Ну, здравствуй, – тормозил меня Илья, – извини, что заставил так долго ждать. Но ты молодец, что дождался, а здоровье у тебя теперь за пару месяцев придет в идеал, а через полгода и вовсе станешь вроде меня. А это кто такой?

– Помнишь, у меня соседи были, Масловы? Так это их сын. Выразил желание сопровождать меня в этой авантюре.

– Будем знакомы, – протянул мой друг руку подошедшему Виктору, – меня зовут Илья Антонович Баринов. Но чего мы тут мокнем? Пошли в мою резиденцию! С вашим сараем ничего не случится, он уже под охраной.

– Пошли? – усмехнулся я. – Сколько до нее километров? И сколько дней я буду туда ковылять, если не окочурюсь по дороге?

– Километра три, – смутился Илья, – это я недодумал. Тогда подожди, я сейчас скажу, чтобы принесли носилки.

– Друг мой, вы тут совсем одичали в своем незнамо каком мохнатом веке? На всякий случай уточняю, что вон тот красно-черный механизм есть самобеглая коляска системы «трицикл», и она может передвигаться, не будучи запряженной лошадью или еще каким-нибудь животным. Витя, заводи движок. Молодец, вот что значит практика! Илья, вытряхни из кузова все, что там лежит, и полезай туда. Виктор, дай руку и помоги влезть. Все, спасибо, можешь тоже грузиться в кузов. Уселись? Илья, говори, куда рулить, и поехали.

Трицикл легко катился по мокрой траве на своих широких дутиках, а я старался по возможности прикладывать поменьше усилий для управления им. Если умеешь, это нетрудно. Дело в том, что при виде Ильи меня охватило какое-то иррациональное беспокойство.

Не знаю, как другие, а я, дожив до своих лет, давно уже был готов к тому, что мое земное существование может в любой момент прекратиться. Ну помру и помру, причем явно не в отдаленном будущем. Так что теперь, отравлять себе последние дни непрерывными мыслями на эту тему? Но после всего увиденного мне вдруг показалось ужасно обидным отбросить копыта прямо сейчас. Во-первых, это будет невежливо по отношению к хозяину. А во-вторых, только теперь я уверился окончательно, что впереди меня может ждать еще очень солидный кусок активной жизни. И поэтому старался по возможности не напрягаться, не волноваться и так далее.

Резиденция Ильи оказалась двухэтажным домом внутри ограды в виде частокола. Друг помог мне слезть с трицикла и под ручку препроводил в свой, как он выразился, малый кабинет.

– Самому начать рассказывать или ты будешь задавать вопросы? – поинтересовался он, садясь напротив меня.

– Давай я помаленьку начну, а ты потом дорасскажешь остальное. Когда это начнется? – я потыкал пальцем в его сторону.

– Уже началось. Ты, кстати, повышенного аппетита не чувствуешь? Но пока ешь осторожно. Все-таки ты еще немолод, начнешь лопать все подряд – на понос изойдешь, это я тебе говорю на основании своего опыта. Где-то с месяц придется осторожничать, а потом желудок и прочие кишки придут в норму. Но главное – та крыса, которую я взял с собой, прожила здесь пять лет. При том, что в момент переноса ей уже было полтора. Так что рассчитывай лет на сто вдобавок к твоим имеющимся, сильно не ошибешься.

– Ох, – мечтательно вздохнул я, – тогда начнем с самого начала. Где мы и когда мы?

– Мы на острове Чатем. У нас тут сейчас утро двенадцатого мая тысяча шестьсот

девятисто первого года.

В процессе подготовки я довольно внимательно изучил карту Огненной Земли, и что-то мне никакой остров Чатем на память не приходил. Хотя их там много, да и называться он мог в разные времена по-разному.

– Этот остров находится примерно в семистах километрах на восток от Новой Зеландии, – продолжил тем временем Илья.

– Не понял, тут что, какая-то другая география? До противоположной Байкалу точки черт знает сколько!

– География та же самая. Просто в момент моего появления тут имел место шторм. И еще ночь, как будто одного шторма мало. Кстати, спасибо, лодка у тебя получилась отличная. Так вот, ночью мне было не до навигации. А к полудню шторм чуть утих, и я смог определить, что меня гонит на запад. Плыть против ветра на моторе я даже не пытался, и так ясно, что просто зря сожгу бензин. Так что поплыл я, куда ветер дует, тем более что окрестности Австралии я тоже рассматривал как возможное место для жительства. В общем, путешествие заняло без двух дней два месяца, и в конце концов я оказался тут.

– Аборигены скушать не пытались, как Кука?

– Вот с ними мне повезло. Тут живут мориори, беглецы с Новой Зеландии. Там их сильно притесняли и к тому же периодически ели, так что в конце концов они не выдержали и наобум подались в океан. Племя мирное, у них в религии даже было что-то вроде запрета на убийство, но вообще-то шаманы тут особым влиянием не пользовались. В общем, жили они на этом острове голодно и бедно, потому как кроме рыбной ловли и собирательства никаких способов добычи пропитания не знали. Кстати, когда я понял, что мое плавание затягивается, я прямо в море зарядил твой инкубатор и включил его. Пять цыплят дожили до берега.

Ага, припомнил я, действительно, в числе багажа был и небольшой термостат с питанием от аккумуляторов, которые подзаряжались динамкой с винтом, использующим движение лодки. Значит, не обманула меня бабка в Листвянке, сказав, что яйца свежайшие, вот только-только из-под несушки.

– А потом выяснилось, – продолжил Илья, – что у мориори была какая-то легенда насчет того, что когда все станет совсем плохо, на небесной лодке приплывет посланец богов и поможет. Почему-то они посчитали им меня. Хотя лодка действительно, если ты помнишь, была синяя, а паруса с голубыми полосами.

Ну да, подумал я, жить захочешь, так и красный водный велосипед признаешь за небесную лодку, а уж синий ботик с бело-голубыми парусами и подавно. Хотя если так, то чем считается только что появившийся сарай – небесным дворцом? Да и наш с Виктором статус вызывает определенный интерес.

– Вы тоже посланцы богов, как и я, – пояснил Илья, – точнее, одного бога, которого зовут Ио, он там на небе главный. Мы, хоть и посланцы, но люди, пусть и немного отличаемся от местных.

– И сколько народу тут сейчас обитает? – поинтересовался я.

– Когда я только появился, их было меньше двух тысяч. А сейчас – чуть больше шести, из них три с половиной тысячи взрослых, то есть которым больше четырнадцати лет. Кстати, почти вся молодежь тут худо-бедно, но говорит по-русски. А некоторые так и вовсе ничего, даже песни поют.

Я не стал спрашивать, какие именно, ибо Илья всю свою сознательную жизнь из песен признавал исключительно частушки.

Вот так и началась наша с Виктором новая жизнь в семнадцатом веке. Квартировали мы пока у Ильи, его дом был достаточно просторным.

Первая неделя запомнилась мне как время черных страданий. Казалось бы, в моем возрасте можно не удивляться тому, что у тебя постоянно что-то болит, но в том-то и дело, что раньше оно болело привычно. А тут вдруг ни с того ни сего начинало ломить какие-то кости, про наличие которых в своем организме я и не подозревал! Кроме того, постоянно

чесалось все тело, и не только снаружи, но иногда даже и изнутри. Наконец, все время просто зверски хотелось жрать. Как-то раз я не выдержал и пошел на поводу у исходящего голодом организма, но кончилось это именно так, как предупреждал Илья. Да уж, как подумаешь, что ему пришлось перенести нечто подобное на утлой лодочке посреди океана...

Впрочем, мне было обещано, что начальная фаза, она же самая болезненная, длится две недели, а потом омоложение пойдет легче.

Поначалу я почти не выходил из дома, общаясь с Ильей, который дорвался до содержимого моего сарая, в основном по рации. Вечерами же я показывал ему тонкости обращения с ноутбуком и рассказывал, что у нас там произошло за двадцать с лишним лет. Впрочем, большого впечатления это на Илью не произвело, та жизнь уже стала для него далеким прошлым.

Теперь же он пребывал в полном восторге, что я взял да и привез ему такую кучу полезнейших вещей. По весу где-то в полтора раза больше, чем он смог двадцать лет назад захватить на своей лодке.

Примерно треть объема сарая занимал набор деталей и материалов для изготовления шхуны «Груммант-58» – двухмачтового деревянного судна водоизмещением в пятьдесят восемь тонн. Кроме парусов там был предусмотрен еще и камазовский движок. На этой посудине мне вроде бы предстояло путешествовать по миру, потому как в прошлое я отправился вовсе не с целью просидеть остаток жизни на небольшом островке посреди океана.

Кроме набора для постройки корабля, в сарае имелись всевозможные инструменты, четыре дизельных генератора, станки, два десятка тонн всевозможного металлопроката и много чего еще, включая два мотовездехода и мотодельтаплан. В подвале под сараем находилось топлиохранилище с двенадцатью тоннами солярки и тремя – бензина. Наличествовал и экологически чистый транспорт, то есть дюжина велосипедов, два из которых были грузовыми трехколесными.

На шестой день своего пребывания в прошлом я отважился прогуляться до берега океана, то есть примерно на полкилометра от дома Ильи, и стал свидетелем интересной сценки, но про это лучше рассказать поподробнее.

Виктор, судя по всему, никаких особо неприятных ощущений, связанных с перестройкой организма, не испытывал, ибо и до путешествия в прошлое был молод и абсолютно здоров. Так что он с первых дней нашего пребывания на острове начал искать свое место в здешней жизни.

Начало вышло строго по поговорке насчет первого блина – парень попытался участвовать в перетаскивании материалов для постройки судна из сарая на верфь, но почти сразу был основательно ушиблен доской. Следующая попытка вышла заметно лучше, хоть и привела к не совсем ожидаемому результату. Маслов решил попробовать себя в рыбной ловле. Вот это я видел своими глазами, однако кульминационный момент все-таки пропустил. Ну скажите мне, как можно перевернуться на катамаране? До сих пор я считал это физически невозможным. А сразу после переворота стало ясно, что заявление Вити о том, будто бы он умеет плавать, лучше рассматривать как гиперболу, то есть художественное преувеличение. Но все кончилось хорошо.

Витя вышел в море на одноместном катамаране, предназначенном для прибрежного лова и принадлежащем одной местной девушке, и успел отплыть метров на сорок. В момент кораблекрушения хозяйка плавсредства находилась на берегу, а я – тоже неподалеку, так что имелась возможность хорошо рассмотреть все ее действия.

Поначалу она ринулась было к воде, но потом, увидев, что перевернутый катамаран не собирается тонуть, а Виктор вынырнул и крепко в него вцепился, чуть подкорректировала план действий. Не без изящества она выскользнула из своей льняной рубахи, потом из штанов, после чего на ней ничего не осталось. Затем девушка вспрыгнула на торчащий из воды здоровенный валун, пару секунд постояла там в красивой позе, а потом рыбкой нырнула с камня и быстро поплыла к спасаемому.

В общем, хотя после этой истории у него и начала помаленьку налаживаться личная жизнь, в профессиональном плане и вторая попытка найти занятие оказалась малоудачной. Видя такие дела, я решил вмешаться.

– Витя, – прошамкал я своему московскому соседу за очередным обедом. Именно прошамкал, потому как у меня начало выпадать то, что оставалось от старых зубов, а на их месте вроде бы собирались расти новые. Во всяком случае, верхний мост выпал этим утром, а нижний явно собирался последовать его примеру не позднее вечера.

Так вот, я как мог сказал парню:

– Витя, да что же ты постоянно пытаешься заниматься не своим делом? Носильщиков тут и без тебя хватает, а уж рыбаков и тем более. Но ведь историк-то ты здесь единственный на тысячи километров в любую сторону! И кому, кроме тебя, писать историю здешнего народа? Собери предания, пока они не забылись, систематизируй, обработай, ну и так далее. А то какой же это будет народ без писаной истории? Огрызок племени, и не более того.

Тут я почувствовал – мои предположения насчет того, что нижний мост протянет до вечера, скорее всего являются совершенно беспочвенным оптимизмом. И постарался закончить как можно более кратко:

– Да и с образованием тут не очень, все же держится на Илье Антоновиче, как будто у него мало других дел. Подойди к нему и предложи свою помощь, ты ведь не только историк, но и профессиональный педагог.

Глава 4

Как и обещал Илья, через две недели мне стало полегче, и я начал принимать более активное участие в здешней жизни. Для начала помог Баринову разобраться с содержимым своего сарая. Начали мы с оружия.

Двадцать лет назад мой друг отправился в прошлое, будучи просто отвратительно вооруженным. Из готовых изделий он вез с собой две мосинских винтовки, причем одну аж девятьсот третьего года выпуска, и три сотни патронов к ним. Дополняли арсенал две дустволки шестнадцатого калибра и одностволка двенадцатого. Кроме того, с войны у него оставался пистолет ТТ, с патронами к которому было совсем плохо. Правда, порох, капсюли и свинец для пуль он смог захватить в достаточных количествах.

В качестве заготовок для производства чего-нибудь стреляющего Илья раздобыл бесшовные трубы из стали 30ХГСА с внутренним диаметром пятнадцать, тридцать и пятьдесят миллиметров и внешним примерно в два раза больше внутреннего. Из них предполагалось при нужде изготовить оружие на месте, что и было сделано. Так что теперь на вооружении островитян состояло пять десятков пятнадцатимиллиметровых кремневых ружей, десятков больших тридцатимиллиметровых и четыре небольших пушки. Причем все это было востребовано, ибо на острове не имелось даже приличного леса, не говоря уж о каких-либо полезных ископаемых. Поэтому за всем приходилось снаряжать экспедиции в Новую Зеландию с ее воинственными аборигенами.

У меня же для подготовки имелось куда больше времени и возможностей, среди которых было и наличие охотничьего билета, да и сарай – он намного вместительней небольшой лодки.

Неудивительно, что вскоре разыгралась сцена, напомнившая мне место в «Таинственном острове», где колонисты с восторгом разбирали содержимое выловленного в океане сундука.

Итак, я сидел на стульчике и объяснял, откуда что тащить, потому как оружие приобреталось мелкими партиями и потом распахивалось по самым неприметным щелям сарая.

Для начала мы извлекли лежащие ближе всего ко входу четыре карабина «Сайга» под промежуточной патрон 7, 62. Не успел Илья впасть в расстройство по поводу малого

количества боеприпасов к ним, как я показал, где копать, и вскоре около карабинов лежали и шесть цинков. Потом я объяснил, что в предпоследней от входа бочке с соляжкой четыре АКМС и один ПКМ с запасным стволом, но прямо сейчас их извлечь не получится, надо сначала слить топливо и немного просушить бочку от паров. А пока продолжался показ того, что было куплено более или менее легально. То есть Илья узрел три карабина «Тигр-01», ружье «ТОЗ-124» и два «ТОЗ-106».

– И это все? – с некоторым разочарованием поинтересовался Баринов. – Хоть патронов к моему ТТ ты привез?

– А как же, они в ящике с шурупами. Там же и для моего «Парабеллума». А так – из готовых изделий почти все, остальное полуфабрикаты. Но зато их много. Например, восемьсот вот таких труб.

– Стволы, – догадался Илья, – а что это на них за выточки?

– Скажи своим, чтобы вскрыли вон тот ящик с уголками. Да, сверху. Видишь? Хорошо, тащите сюда.

Я развернул промасленную бумагу и извлек из нее свое творение.

– Барабанное ружье моей собственной разработки. Главных требований два. Первое – чтобы оно состояло из деталей, которые нельзя было однозначно идентифицировать как детали оружия, иначе я не смог бы заказать их в таких количествах. Второе – оно должно легко собираться не очень обученной рабсильой при минимуме инструментов. Кроме того, я решил, что с гильзами лучше не связываться, и применил безгильзовый барабан. Смотри, как это работает. Затворный рычаг вверх – барабан расклинивается. Рычаг назад – барабан тоже отъезжает на семь миллиметров, а при дальнейшем движении рычага взводится боевая пружина. Рычаг вперед – в начале этого движения барабан проворачивается на один щелчок, а в конце тоже идет вперед и насаживается на выступ ствола. Рычаг вниз – барабан клинится, и можно стрелять. В правом переднем углу ящика должно быть два заряженных барабана, можешь попробовать.

– А чего-нибудь помощнее?

– Есть трубы подходящих диаметров, можно будет что-нибудь сообразить. Кроме того, я по случаю достал ствол от сорокапятки, три гильзы и даже один целый бронебойный снаряд к ней. Правда, не факт, что он рабочий, но это и неважно. Но сорокапятку я собираюсь установить на корабле.

– Правильно, безоружным лучше не плавать. Я бы посоветовал еще и пару гладкоствольных пушек.

– И это тоже будет, но основное оружие моего будущего линкора – вон оно.

Я показал на большие коробки с яркими наклейками и иероглифами в качестве надписей.

– Что там? – изумился Илья.

– Авиамодельные двигатели и аппаратура радиоуправления, причем приемников много, там в глубине еще пять коробок. Про камикадзе ты слышал? Вот и у меня будет то же самое, только очень маленькое, здешним кораблям большого не нужно. Причем я собираюсь делать модели не только самолетов, но и ракет. На первое время хватит, а там посмотрим.

Потом я посвятил несколько дней экскурсиям по острову, благо ноги уже начали работать получше, примерно как десять лет назад.

Основой местного сельского хозяйства являлось куроводство и огородничество, ведь Илья не зря посвятил довольно много времени подбору семян, клубней и саженцев. Урожай картошки и капусты удавалось снимать по два раза в год, более теплолюбивых культур – по одному. Кроме того, возделывались рожь и овес, но в основном на корм для кур, и лен. Рядом с резиденцией Ильи произрастал молодой яблоневый сад.

Как мне объяснил Илья, здешний климат представлял из себя вечную осень. Зима, то есть с мая по октябрь, была похожа на российское начало октября. Лето от нее немного отличалось, его можно было сравнить с концом августа в дождливом году. В общем, в смысле климата мне тут совершенно не нравилось. Кроме того, ко времени нашего прыжка в

прошлое на острове потихоньку начали наблюдаться первые признаки перенаселения, так что Илья уже и сам пару раз задумывался об освоении Австралии. Появление же нас с Виктором, а главное – под завязку набитого сарая, позволяло перейти к конкретным шагам, первым из которых должна была стать постройка «Груманта-58».

Где-то через месяц с небольшим после прибытия на остров перестройка моего организма наконец дала заметный эффект, причем как-то сразу. Я вдруг заметил, что совершенно перестал уставать при ходьбе. Попробовал пробежаться трусцой – получилось, и без особого труда. Взобрался на холм рядом с резиденцией Барина, с которого открывался неплохой вид, и посчитал пульс. Всего восемьдесят! Однако это уже действительно жизнь, а не прозябание.

Так что теперь большую часть дня я проводил на верфи, где заканчивались подготовительные работы, и вскоре мы с выделенной для этой цели бригадой самых способных к столярному ремеслу островитян должны были приступить к сборке корпуса.

Однако еще через неделю организм потихоньку начал напоминать мне, что работа работой, но, кроме нее, должна существовать и личная жизнь. Впрочем, особых трудностей на острове с этим не наблюдалось, потому как женщин было заметно больше, чем мужчин. Илья, например, имел трех жен, причем младшей только-только стукнуло семнадцать, то есть она была даже чуть моложе его старшего сына. Впрочем, первое время я собирался обойтись одной и для экономии времени попросил Илью посоветовать насчет кандидатуры.

– Моя старшая дочь от первой жены про тебя уже спрашивала, – ничуть не удивился он, – могу сказать, что ты не против обратишь на нее свое благосклонное внимание.

– Да сколько же ей лет?

– Шестнадцать, по местным меркам она уже вполне взрослая.

– Знаешь, как-то я не готов так сразу и к таким подвигам. Постарше кого-нибудь нет, лет тридцати примерно?

– Ну, сударь, у вас и запросы. Ладно, поищем, хотя здесь тридцатилетние уже считаются почти старухами, некоторые в этом возрасте и внуков имеют. В общем, у тебя-то все как-нибудь образуется, а вот твоего кота жалко.

Действительно, Ньютон уже успел с огромным разочарованием убедиться, что на всем острове нет ни одной кошки. И вообще он здесь является единственным четвероногим, если не считать небольшого количества мелких ящериц.

Надо сказать, что с подругой мне повезло. Звали ее не то Тиутанги, не то еще как-то вроде этого, но она совершенно не возражала против переименования в Таню. Внешность, правда, не так чтобы потрясала воображение, но и откровенной уродиной она не была. Главное же ее достоинство состояло в строго дозированном знании русского языка. То есть для понимания предложений типа «помой посуду», «прибери в комнате», «приготовь поесть», «постирай» и «ложись», ее эрудиция была вполне достаточна. А для болтовни – нет, что делало ее почти идеальной женой. Во всяком случае, в ближайшее время я не собирался искать никакой другой.

К наступлению нового, тысяча шестьсот девяносто второго года омоложение моего организма в основном завершилось. Теперь из зеркала на меня смотрел даже не инженер, а вообще капитан Романцев, только с более длинной прической и бородой-эспаньолкой. Жил я по-прежнему у Ильи, а вот Виктор отделился и построил себе отдельный домик рядом с резиденцией. Не сам, разумеется, построил, а при помощи многочисленной родни своей невесты. После окончания строительства он подарил им оба своих ножа, три зажигалки и пластиковую бутылку из-под пепси, чему одариваемые весьма обрадовались, и приступил к постижению основ семейной жизни.

Кроме всего прочего, по вечерам он занимался со мной французским. Английский же я более или менее знал и без него.

Новый год мы праздновали в тесной и чисто мужской компании. Правда, Виктор порывался привести и молодую жену, но Илья вполне резонно заметил, что тогда ему надо приглашать всех трех своих, причем с детьми и даже внуками, а такая орава в доме ну никак

не поместится. Тем более что именно празднуется, островитяне все равно не поймут, пока не объяснишь. В общем, мы умеренно выпили, посмотрели фильм «Ирония судьбы» и расставили последние точки в планах на ближайшие два года.

Примерно через месяц в сторону Австралии должен был отплыть большой катамаран, который уже не раз ходил в Новую Зеландию. Его задачей станет основание поселения на месте, где в наше время располагался Мельбурн, то есть у впадения реки Ярра в залив Порт-Филипп. После чего переселенцы останутся там, а катамаран вернется за следующей партией, и так далее. Как только население там возрастет примерно до пятисот человек, можно будет организовать верфь, где из местного дерева будут строиться большие суда, для которых у меня в сарае имелось два тракторных дизеля Д-243. Мы предполагали, что со вводом в строй даже одного такого корабля колонизация Австралии пойдет более быстрыми темпами. «Груманту» же до готовности оставался примерно год.

Правда, некоторым недостатком выбранного места являлось отсутствие поблизости нефти, но зато там имелось все остальное, главным среди которого мы считали лес, уголь, железную руду и золото. Со временем можно будет и организовать добычу нефти с последующей транспортировкой, но для начала у нас имелся рапс, которым аборигены по указанию Ильи уже засадили небольшое поле. Дело в том, что из рапсового масла сравнительно просто получается неплохое дизельное топливо. Потому как мои запасы солянки вовсе не безграничны – во всяком случае, их не хватит до выработки ресурса всех захваченных в прошлое дизелей.

Во время сильных дождей, когда работы на верфи почти замирали, я на настольном универсальном станке создавал невиданное оружие – кремневый револьвер. Потому как первый дальний рейс «Груманта» будет на Филиппины, где уже давно и прочно обосновались испанцы. И у них наверняка есть лошади, овцы, свиньи, а возможно – и кошки. Впрочем, вот этих много не надо, Ньютон и одной обойдется. Покупать всю эту живность мы будем на золото, месторождения которого имелись прямо на территории будущего Мельбурна, но для успеха торговли очень не помешает подарить что-нибудь эксклюзивное местному начальству. Кроме того, не исключено, что испанцы обратят внимание на наши ружья, так пусть думают, что они устроены наподобие этого револьвера.

Так что я увлеченно вспоминал самые нелепые инженерные решения в истории оружейного дела и по мере возможности воплощал их в своем изделии.

Вот в таких мирных, я бы даже сказал – патриархальных условиях и прошел первый год нашего с Виктором пребывания в семнадцатом веке.

Глава 5

Потихоньку выяснилось, что у Ильи имелись и более глубокие задумки по поводу колонизации Австралии, нежели простое разрешение трудностей с жизненным пространством и сыром.

– Понимаешь, – сказал он мне, когда мы очередной раз коснулись данной темы, – у нас появился уникальный шанс. Причем «у нас» – это я говорю в широком смысле, имея в виду все человечество.

– Тогда чего мы сидим в кабинете? – возразил я. – Пошли на кухню, ведь именно там наше поколение и привыкло обсуждать глобальные вопросы. Хотя у тебя все равно водки нет, а без нее это будет не решение мировых проблем, а одна сплошная профанация.

– Ну хорошо, оставим человечество в покое и поговорим о наших потомках. Собственно, реализацию одного такого подобного шанса мы уже видели, это Америка. В течении двухсот лет эта страна принимала у себя самых активных людей со всего мира, чему во многом и обязана своими успехами. Но и тем тупиком, в котором она в конце концов оказалась, тоже.

Я имею в виду потребительство как господствующую идеологию. Твои материалы только подтвердили это, в общем-то ситуация была вполне ясна и в девяностом году.

Произошло же такое вот почему. В процессе войны за независимость молодая страна отвергла исторически сложившуюся систему власти, но свято место пусто не бывает, и вакансию быстро заняла власть денег. Это не есть хорошо, потому как...

В этом месте я протяжно, со вкусом и подвыванием зевнул.

– Ты не выспался или тебе неинтересно? – не понял Илья.

– Про власть денег? Разумеется, я и сам знаю, что это бяка. И, кроме того, я уже уловил твою мысль. Ты хочешь создать страну, которая, наподобие Америки, будет открывать двери самым энергичным и способным людям со всего мира. Но при этом не пустить ее развитие на самотек, а изначально иметь для этого какой-то направляющий механизм. Например, монархию. Так?

– В общем да.

– В принципе неплохо. Правда, врожденным узким местом любой монархии является вопрос преемственности власти, но недостатки есть у всякого общественного устройства. Короче, как стратегическая цель это меня устраивает, так что можете на меня рассчитывать, ваше величество.

– Одно время я думал предложить этот пост тебе, – усмехнулся Илья.

– Но будучи от природы неглупым человеком, вовремя от такого отказался, – продолжил его мысль я. – Спасибо, а то отказываться пришлось бы мне. Твоя идея, тебе и руководить реализацией. Кстати, тут у меня уже возникла одна задумка насчет преемственности. Ведь если присмотреться к истории повнимательней, то станет ясно, что наибольшую опасность для страны представляет собой монарх-тряпка. То есть он может не блистать умом, не являться светочем благородства и честности, но вот бесхарактерным ему быть никак нельзя. И здесь можно ввести довольно простой предохранительный механизм. Хочешь претендовать на престол – сначала соверши подвиг, требующий определенных волевых качеств и связанный с риском для жизни. Тут, конечно, есть вероятность потерять кого-нибудь толкового, которому просто не повезет, но зато появление на троне экземпляров вроде нашего Николая Второго будет практически исключено. Разумеется, это пока так, прикидка, но, кажется, в этом направлении стоит задуматься.

– Интересная мысль. Но ведь тогда первым этот механизм придется опробовать мне, иначе нельзя.

– Сиди, куда разбежался? Ты уже давно совершил все необходимое, да еще с хорошим перебором. Большой прыгнул в неизвестность, потом два месяца плюхал по океану на речной лодке, доработанной самоучкой... в общем, этого на трех королей хватит. Или ты у нас будешь императором? Тогда на двух. Значит, как закончу с револьвером, так сразу займусь изготовлением короны, а то тебе без нее царствовать будет как-то неудобно. А ты, чтобы не сидеть без дела, за это время придумай герб и флаг.

Мое чудо оружейной мысли, то есть кремневый револьвер, было в первом приближении готово через три дня, и я приступил к испытаниям. Почему чудо? Да потому, что в истории таких уродцев не было. Во всяком случае, никакого хоть сколько-нибудь заметного следа в памяти потомков они не оставили.

Разумеется, это был револьвер с безгильзовым барабаном. Он мог только вращаться, поступательного движения не предусматривалось. Изделие было полностью лишено автоматики, то есть не только взвод курка, но и проворот барабана делался вручную.

Итак, для выстрела из данного оружия с уже заряженным барабаном требовалось следующее.

– Ввести курок.

– Провернуть барабан на один щелчок.

– Передернуть рамку порохового резервуара над барабаном, в результате чего на полку подавалась свежая порция затравочного пороха.

– И сразу после этого нажимать на спусковой крючок. В таком случае осечек не случалось. Но если с готовым к стрельбе револьвером просто пройтись минут пять, то после этого осечка была уже вполне возможна. А если его потрясти, то в результате вероятность

успешного выстрела составляла не больше половины.

Это, как ни странно может такое звучать для знатоков оружия, были еще цветочки. Ягодки начинались после шести выстрелов, когда возникала необходимость перезаряжать барабан.

Первым делом следовало маленькой отверткой вывернуть два винта М4, крепящие упорную планку оси барабана. После чего снять эту планку и положить куда-нибудь вместе с винтами. А то ведь они маленькие, уронишь в траву, так потом и не найдешь. Дальше – хуже. Держа револьвер правой рукой, следовало ухитриться ей же отвести в сторону фиксатор барабана, а его пружина была довольно мощной, так что фиксатор так и норовил вывернуть револьвер из руки. При этом ногтями большого и среднего пальцев левой руки требовалось уцепиться за выточку на торце оси барабана. И, покачивая эту ось из стороны в сторону, вытянуть ее миллиметров на семь, после чего за ее торец можно будет ухватиться уже пальцами. Ухватившись, надо было окончательно извлечь ось, поднять с земли вывалившийся из револьвера барабан и приступить к его перезарядке.

Испытания показали, что самопал получился очень даже ничего. Во всяком случае, я из него с двадцати метров уверенно попадал в ростовую мишень, и на таком расстоянии его пятнадцатимиллиметровые круглые пули пробивали трехсантиметровую доску. Теперь оставалось сделать на рукоятку накладку из цветного наборного плекса и вообще посмотреть, чем еще можно украсить это мощное оружие. Но с этим, как и с изготовлением короны из нержавейки, разноцветной пластиковой пленки и того же плексигласа, придется обождать. Установилась хорошая погода, и пора было спускать корпус моего корабля на воду.

Примерно половину северной части острова Чатем занимала большая лагуна, по очертаниям похожая на Каспийское море, только, разумеется, существенно меньших размеров. С севера на юг в ней было порядка тридцати километров, с запада на восток в центре – десять, а на севере, в районе «головы коня» – пятнадцать. Лагуна имела узкий выход в океан, по которому во время прилива из нее можно было вывести судно с осадкой до трех метров, то есть мой «Грумонт» там пройти сможет.

Верфь была устроена у самого берега на южном конце лагуны, рядом с небольшой бухточкой, которую пришлось совсем немного подровнять и углубить, чтобы получилась приличная достроечная стенка.

И вот настал знаменательный день. Илья на всякий случай пригнал почти сотню народу, хотя для спуска хватило бы и рабочих верфи. В общем, в уже освобожденный от боковых упоров корпус уперлись, поддели его сзади рычагом и на «раз-два-взяли» протолкали вперед метра полтора, а дальше он сам пошел по наклонному деревянному желобу, смазанному солидолом. Плюх – и корпус закачался в бухточке. Его привязали, перебросили со стенки мостки, и на этом сам по себе спуск был закончен. Теперь можно было приступить к торжественной части.

Мы решили, что ни к чему слепо следовать родившейся совсем в других условиях традиции, и не стали разбивать бутылку с шампанским об корпус. Во-первых, это не так просто, он же деревянный, а во-вторых – недопустимое в наших условиях расточительство. Ведь бутылка была всего одна. Так что мы просто распили ее на троих, и, даже не закусив, нарекли корабль «Победой». В честь яхты капитана Врунгеля, который являлся одним из любимых литературных героев времен нашей с Ильей молодости. А также в честь первой моей машины, купленной с рук в шестьдесят втором году.

Однако вскоре с корабля начали раздаваться тревожные крики островитян, и мы пошли глянуть, в чем там дело.

Оказалось, что корпус течет. Нет, я, конечно, не думал, что он прямо на стапеле получится абсолютно герметичным, но все же ожидал несколько менее бурного потока. Трюм корабля довольно быстро заполнялся водой.

– Утонет же! – забеспокоился Илья.

– Где, когда тут до дна два метра? Сейчас сядет на грунт, он здесь песчаный, и пусть

себе там спокойно сидит до завтра или даже послезавтра. Дерево к тому времени набухнет, течи уменьшатся, и мы без лишней суеты откачаем воду. А потом законопатим дырки, и все.

– Может, еще не поздно отвинтить с названия первые две буквы? – съязвил мой друг.

– Пока еще рано, а может, это и вовсе не потребуется. Пошли, я с твоей головы мерку сниму, а здесь больше ничего интересного сегодня не будет.

Через день я решил, что пора откачивать воду, и у стенки заработали две помпы. Илья же предоставил кучу ребятишек с чем-то вроде ведер, которые, как ни странно, тоже довольно эффективно участвовали в процессе. В результате часа через три потоп был ликвидирован, и я полез в трюм. За мной следовали два аборигена – один с паклей, другой с герметиком. На примере самых крупных течей я показал им, что и как надо делать, а потом только сидел на палубе около открытого люка и наблюдал за ходом работ.

На устранение течей ушло два дня, и теперь можно было приступать к работам. Начать с загрузки балласта, больше половины которого будут представлять из себя аккумуляторы, потом установить на место дизель, после чего можно будет заняться мачтами. Если все пойдет без сюрпризов, то месяца через три с небольшим у меня появится свой корабль.

Пожалуй, не помешает разъяснить, с чего это я вдруг оказался хоть как-то разбирающимся в деревянном кораблестроении. Вроде мои профессии, как военная, так и гражданская, довольно далеки от этого, да и Москва – это не тот город, где подобные занятия хоть сколько-нибудь распространены.

Так вот, все получилось исключительно из-за сына. Когда ему было всего десять лет, мы с ним построили разборный катамаран из волейбольных камер, засунутых в длинные брезентовые мешки, и это сооружение неплохо плавало, в том числе и под парусом. Повзрослев, сын увлекся туризмом на байдарках, а после перестройки, как только позволили средства, завел себе маленькую яхту на Истринском водохранилище. Мне, кстати, она тоже нравилась, и я даже подумывал и себе приобрести что-то этакое, невзирая на возраст. Но когда сын уехал из России, идея померла сама собой. Однако сынуля оказался способным человеком, и за бугром его состояние продолжало увеличиваться ничуть не хуже, чем в России, так что вскоре он купил себе тот самый «Грумант». В две тысячи первом году я гостил у своей семьи как раз на борту этой шхуны, и мы на ней прошли из Лондона в Росток. Корабль мне понравился. Кстати, набор для постройки собираемого сейчас экземпляра был куплен в основном на деньги сына, своих средств мне не хватило бы.

Я ведь и его звал с собой, но он, кажется, решил, что его престарелый папа наконец-то впал в маразм. Впрочем, даже поверив мне, он бы наверняка отказался.

В общем, кое-какой опыт как в постройке, так и в вождении небольших деревянных парусников у меня был.

Корону я все-таки делал в редких паузах, потому как работы хватало и без нее. Более того, пришлось припахать Илью, как неплохого (а по местным меркам так и вообще уникального) токаря и фрезеровщика. Виктора я пока не трогал, еще по прошлой жизни помня, что даже ввинтить в деревяшку шуруп для него являлось не самой простой задачей.

Ведь мало достроить корабль – его еще надо вооружить. Потому как рядом находится Новая Зеландия с ее воинственными маори, да и встречаться с европейскими кораблями на безоружном судне мне не хотелось. Так что работы шли по всем фронтам.

Артиллерия «Победы» должна была состоять из трех пушек – сорокапятки и двух гладкоствольных пятидесятимиллиметровок. Я решил не мудрить с затворами, а сделал их просто откидывающимися вбок на мощных гаражных петлях. То есть стрельба происходила так. Рычаг на затворе – в заднее положение, этим движением взводилась пружина ударника и убирался внутрь штырь, фиксирующий затвор в боевом положении. Затем рывком за рукоятку сверху затвор отваливался вбок. После чего для выброса стреляной гильзы следовало дернуть за рычаг экстрактора. Засунуть на освободившееся место новый снаряд, захлопнуть затвор и перевести рычаг на нем вперед. Потом дернуть за веревочку, привязанную к кольцу на затворе, посмотреть на мишень, убедиться, что опять промазал, и начинать процесс по новой.

Илья же точил из заготовок гильзы, совмещая этот процесс с обучением станочников, набранных из местной молодежи. И если простые цилиндрические для «полтинников» понемногу начинали получаться и у его учеников, то сорокапятимиллиметровые были под силу только самому Баринову, да и то возился он с ними долго и нудно.

Но времена, когда артиллерия была единственным оружием боевого корабля, к моменту нашего отбытия в прошлое давно прошли. Так что мне приходилось еще и тренировать двух аквалангистов – кстати, сыновей Ильи. Поначалу я учил парней просто обращению с аквалангом, потом они перешли к освоению подводного буксировщика, а где-то через месяц после начала занятий дело дошло и до постановки мин.

Они представляли собой довольно сложные устройства, способные взрываться как от таймера, так и по радиокоманде, принятой на вынесенную из воды антенну. Кроме того, в каждую были вмонтированы по три шуруповерта, благодаря которым для закрепления мины на деревянном корабле достаточно было просто перекинуть тумблер, и она сама приворачивалась к борту. В случае необходимости ее можно было столь же легко снять.

Естественно, что каждый уважающий себя боевой корабль должен иметь и ракетное вооружение, но с этим все было просто. Еще в двадцатом веке я склеил десяток радиоуправляемых ракет, способных доставить килограммовую боевую часть на расстояние в два километра. Со временем нетрудно будет развернуть производство подобных изделий и здесь, но на первое время имеющегося запаса вполне хватит.

Наконец, с немалым трудом раздобытый мной ПКМ тоже предназначался для установки на корабле.

А «Победа» тем временем достраивалась, с каждым днем становясь все более похожей на нормальное судно. Трюм уже не тек и за время работ практически высох, так что появилась возможность заняться внутренними помещениями. Дизель без особых проблем встал на свое место, и я даже произвел его пробный запуск. В начале июля шхуна обзавелась мачтами, а в его конце – такелажем. Наконец, пятого августа тысяча шестьсот девяносто второго года я объявил работы в общем законченными и приказал готовиться к выходу в море, то есть для начала в лагуну.

Понятное дело, что к первому своему плаванию «Победа» уже была укомплектована экипажем следующего состава:

– Алексей Михайлович Романцев, владелец корабля, его капитан и старший моторист. То есть я.

– Михаил Ильич Баринов, старший помощник, боцман и командир отряда боевых пловцов. Несмотря на то, что старшему сыну Ильи только-только стукнуло девятнадцать лет, он был уже довольно опытным моряком, участвовавшим в двух походах на Новую Зеландию.

– Николай Ильич Баринов, матрос и боевой пловец. Парню пятнадцать, у него еще все впереди.

– Вака с один раз слышанной и тут же забытой в силу труднопроизносимости фамилией из трех слов. Старший артиллерист. Ему уже под сорок, но он с момента появления Ильи на острове проявлял большой интерес к огнестрельному оружию и к настоящему моменту достиг очень неплохих успехов в обращении с ним. Участник всех девяти новозеландских походов.

– Толя Канава, матрос, кок, младший артиллерист и ученик моториста. Брат молодой жены Виктора, довольно способный и сообразительный юноша. Причем если его имя было русским, то фамилия – местной, несмотря на полную созвучность соответствующему нашему слову.

– Кикиури Канава, отец Толи, самый младший матрос и вообще помощник всем, кому в данный момент требовалась лишняя пара рук. Уже успел проявить недюжинные способности к мытью палубы и искреннюю любовь к надрайке медяшек пастой ГОИ.

И вот утром седьмого августа в бухточке заиграл марш «Прощание славянки», и «Победа» вышла в свое первое плавание. Начал я его на дизеле, дабы исключить риск

уткнуться в берег при неудачном маневре под парусами. И только в полукилометре от бухты заглушил мотор и дал команду поднять грот, а за ним стаксель и кливер. Ветер дул точно с правого борта, и шхуна начала набирать ход, где-то минуты через четыре доведя его до пятнадцати километров в час. Я постарался запомнить инерционные характеристики разгона, а потом понемногу начал брать круче к ветру и вскоре довел угол между курсом и направлением ветра до сорока пяти градусов. Далее попробовал сделать поворот оверштаг, но и сам сработал штурвалом не идеально, и бариновские парни на шкотах замешкались, так что корабль просто встал в положении носом к ветру. Пришлось ставить кливер, выводить его под ветер и ждать, пока он развернет посудину до приемлемого угла.

В общем, поворот оверштаг у нашей команды получился с третьей попытки. На радостях я развернулся и решил попробовать поворот фордевинд, то есть при ветре с кормы. В общем-то он вышел сразу, если не считать того, что грот перебросило с борта на борт так резко, что торчащий на корме Кикиури еле успел пригнуться. Не помешает после этого такелаж проверить, подумал я и взял курс на бухту с верфью. Ничего, еще потренируемся. Ведь в лагуне просто идеальные условия – ветер есть, а волнения почти нет.

Глава 6

Второго сентября «Победа» совершила первый поход в условиях, более или менее напоминающих те, для которых корабль и создавался. Рано утром выйдя из лагуны, мы за одиннадцать часов обогнули северную часть острова Чатем и вечером прибыли в бухту Ваитанги, на берегу которой располагалось самое большое местное селение, а в полукилометре от него – резиденция Ильи. То есть корабль встал на якорь в семи километрах от верфи, но это если считать по суше. Нам же пришлось пройти около ста сорока, на что потребовалось одиннадцать часов. Почти весь путь был проделан под парусами, и только последний тридцатикилометровый отрезок был пройден на дизеле, потому как ветер дул нам прямо в лоб. Я решил, что и корабль, и команда готовы к путешествию в Австралию, куда через неделю собирался большой катамаран с новой партией колонистов.

Тут, конечно, некоторые могут спросить, с чего это я начал считать морские расстояния в километрах, хотя положено в милях. Тому две причины. Первая из них заключалась в том, что морское дело на острове уже двадцать второй год развивалось под руководством Ильи, который никаких миль не признавал вовсе, потому как захваченные им с собой карты имели километровый масштаб. И аборигены, неплохо представляя себе километр, не знали даже самого слова «миля».

Вторая причина была связана уже со мной. Из четырех купленных мной в спортивном интернет-магазине байдарочных спидометров один оказался с брачком – у него не включался режим измерения скорости в узлах, то есть милях в час. Он мог мерить только в километрах в час или метрах в секунду. Да и не настолько уж я морской человек, чтобы расстояния иметь в виду исключительно в милях, нос корабля называть баком, а корму – ютом.

Кроме «Победы», в бухте находился катамаран «Москвич», меньший из двух, составлявших океанский флот острова. Его водоизмещение было около пятнадцати тонн, а двадцатитонная «Волга» в данный момент пребывала на плановом ремонте, который продолжится еще около месяца.

Схема катамарана была выбрана Ильей из-за большой площади палубы. Ведь основное назначение этих судов – возить или лес, или людей. На пятнадцатитонном корабле нормальной компоновки и думать нечего было везти за раз десять кубометров леса или пятьдесят человек, а катамаран с этим справлялся. Кроме того, из-за большого относительного удлинения поплавков он требовал меньшей парусности для достижения заданной скорости.

Но главный недостаток катамарана, то есть высокие нагрузки на соединяющую поплавки раму, Илья преодолеть не смог. И плавание на этой посудине было безопасным

только при волнении до пяти баллов. Правда, пустой корабль без особого вреда выдерживал и шесть, но у груженого уже начинались неприятности. При семи баллах они были уже и у пустого, а груженный начинал помаленьку разваливаться. Восемь баллов катамаран без груза мог выдержать не больше часа, да и то при определенном везении, а груженный до такого волнения просто не дожил бы, развалившись раньше.

В конце предпоследнего похода за деревом «Москвич» таки влип в шторм, и только распоряжение капитана немедленно скинуть все бревна в океан спасло корабль, да и то потому, что до острова оставалось километров пятьдесят, а ветер гнал катамаран прямо на него. Кстати, примерно четверть бревен прибило к берегу, и их потом выловили.

Илья, как капитан, которому положено покидать корабль последним, пока оставался на острове, а мы с Виктором и Ньютоном первым рейсом «Победы» перебирались в Австралию. И до выхода в море нужно было установить на «Москвиче» тракторный дизель. Все равно его везти на новое место, так пусть он хоть при необходимости поможет катамарану уйти от шторма или просто побыстрее выброситься на берег, если уйти не получится. Хотя, конечно, при каждом взгляде на «Москвич» мне вспоминалась русская рулетка.

Впрочем, и островитяне это понимали не хуже меня, поэтому примерно треть собирались остаться на Чатеме, чему Илья не препятствовал. На новое место за новой жизнью шли исключительно добровольцы.

Кроме установки дизеля на «Москвиче», до отбытия мне предстояло провернуть еще одно дело, причем в самом прямом смысле денежное. Если мы собираемся устроить в Австралии что-то, хоть отдаленно напоминающее державу, то у нее должна быть своя валюта. Золото на месте несостоявшегося Мельбурна, где теперь потихоньку рос город Ильинск, переселенцы уже нашли и даже намыли килограмма два. Оставалось по прибытии начеканить из него монет.

Если кто-нибудь думает, что я, напрягши художественные способности, нарисовал эскизы будущих монет, а потом вооружился ювелирными инструментами и сел вырезать матрицы для чеканки, его ждет разочарование. Во-первых, нарисовать портрет Ильи было для меня абсолютно непосильной задачей. А во-вторых, мы все-таки прибыли в семнадцатый век из двадцать первого, где подобные задачи решаются проще.

Итак, я взял цифровой фотоаппарат и сделал несколько снимков нашего будущего императора. Из них он выбрал наиболее ему понравившийся. Правда, там он был не в фас и не в профиль, а вполоборота, да при этом еще и улыбался. Но мне было все равно, и я быстренько обработал изображение в фотошопе. На всякий случай еще раз показал его оригиналу, потому как получилась какая-то ну вообще страшная оскаленная рожа. Однако Илья ее утвердил, заявив, что он собирается не в фотомодели, а всего лишь в монархи. И тут нужна не красота, а внушительность, в достатке имеющаяся на моем эскизе.

Как раз на подобный случай я захватил с собой маленький, но жутко дорогой станочек для фрезеровки печатных плат, управляемый от ноутбука. А дальше он просто выфрезеровал на матрицах мои картинки, так что вскоре я отчеканил из свинца пробные рубль и червонец. Рубль был диаметром два сантиметра, а десятка – четыре с половиной, и при изготовлении из золота они будут весить пять и пятьдесят грамм соответственно.

Эти монеты пока предназначались исключительно для внешнего употребления, на них я собирался закупать живность на Филиппинах. Потому что если расплачиваться золотым песком или самородками, это может вызвать нездоровое любопытство типа «а где это добыто и много ли там еще осталось». С монетами же мы будем обычными чужестранцами из неведомых дальних земель.

Кстати, золото было только что добыто, а вот драгоценных камней у нас имелось довольно много.

Еще Илья захватил с собой приличный мешочек искусственных сапфиров и рубинов, потому как достать их тогда можно было за копейки. Ну и я за двадцать лет тоже набрал средних размеров ящик, в основном обрезков, среди которых попадались и довольно крупные. Более того, я кое-как освоил и огранку, потому как сапфир, например, в виде диска

диаметром дециметр или рубин строго цилиндрической формы могли вызвать ненужное недоумение. Но в первом походе, на Филиппины, основным платежным средством будет золото.

Я не собирался сразу рассказывать испанцам про Австралию. Поэтому наш корабль хоть и прибудет на Филиппины напрямую из могучей Австралийской империи, но располагаться она будет в Антарктиде. Пусть плывут туда, если так уж припрет, я не пожалею красок на описание всех трудностей и опасностей, подстерегающих неопытного путешественника. И дам совершенно точные координаты, мне не жалко. Но для того, чтобы мои рассказы не выглядели простой болтовней, следовало немножко подготовиться.

Когда я в процессе сборов в прошлое заказывал в интернет-магазине светодиодные фонари и прожектора, то один раз по ошибке ткнул курсором в какой-то товар без фотографии, называющийся ЯСС. Посмотрев, какие копейки он стоит, я не стал удалять его из корзины, а просто продолжил набирать в нее действительно нужные вещи. Подумаешь, появится еще один фонарик, причем, судя по цене, совсем маленький.

Однако таинственный ЯСС оказался не фонарем, а Яйцом Сувенирным Светодиодным. Здоровенное такое яйцо из белого пластика раз в пять больше куриного. Если нажать на малозаметный выступ с его узкого конца, оно плавно начинало светиться сначала синим, потом зеленым, затем желтым и красным, после чего столь же плавно потухало до следующего нажатия. И сейчас я начал помаленьку придумывать, что это такое.

Предположим, в Антарктиде водится много самых страшных хищников, но напуганнейший из них – ледяная птица. Нечто вроде страуса, только совсем без крыльев и гораздо больше. Мамонта, зараза, убивает одним ударом бронированного клюва, а у нас в Антарктиде их и так почти не осталось! Что она еще делает, я придумаю потом, в плавании, там будет достаточно свободного времени. А ЯСС, получается, будет ее яйцом. Которое вот таким образом светится, пока оно еще живое. А у живого яйца есть одно интересное свойство, заявлю я. Его скорлупа необычайно прочна, но если яйцо все-таки разбить, то взорвется оно посильнее бочки с порохом.

И, значит, нужно еще быстренько соорудить ружье, якобы стреляющее такими яйцами. На самом деле оно должно всего лишь оглушительно грохать и давать ярчайшую вспышку, так что особых трудностей тут вроде не предвиделось.

Виктор к этому времени закончил писать «Историю народа мориори», которая вскоре станет одной из глав «Новейшей истории Австралийской империи». Кроме нее, в принципе должна быть еще и древнейшая, но ее мы напишем потом, потому что пока совершенно неясно, какой она будет.

Поначалу Маслов был не совсем согласен с моей исторической концепцией, но приводил какие-то странные аргументы. Мол, писать надо правду.

– Да кто же спорит! – подтвердил я. – Именно ее, родимую. Но это ведь можно сделать по-разному. Вот и надо сразу писать ее так, чтобы потом не пришлось каждый эпизод по десять раз переписывать. Ты-то про это только читал, а я своими глазами видел, как в течение жизни одного только моего поколения история радикально переписывалась четыре раза! А по мелочи – это уже и не припомнишь. И у меня нет никаких оснований думать, что раньше дело обстояло как-то иначе. А это говорит об отсутствии системного подхода. Писали, исходя из сиюминутных интересов, причем не советуясь с коллегами, вот и получалось черт знает что. А у нас появился уникальный шанс сразу создать такое историческое полотно, которое потом если и придется корректировать, то самую малость и по возможности незаметно. Кстати, есть ведь в нашей писаной истории пример именно такого подхода, я имею в виду летописи о приглашении Рюрика на царствование. Наверняка ведь там чистая правда написана – действительно пригласили! И в общем-то не так уж трудно представить, как это выглядело в деталях. Выбрали варяги пару сотен воинов поздоровее и с такими зверскими рожами, рядом с которыми наш будущий император показался бы кем-то вроде ангела небесного, и построили их в круг. Вот, значит, стоит этот круг, а внутри него плахи. Топоры сверкают, воины скалятся. Короче, лепота. И в эту лепоту

заталкивают славянских вождей и вежливо так им говорят – вы бы, уважаемые, пригласили Рюрика на царство, что ли. Во избежание. А то мало ли...

В общем, теперь Виктор приступил к главе «Колонизация», пока не уточняя, чего именно и с какими целями.

Провожало нас довольно много народа, и Илья в том числе. Он, кстати, начал проводы с того, что всучил мне наволочку с какими-то тряпками внутри.

Это флаги, – пояснил Баринов, – а то ты про них, кажется, забыл. На всякий случай сразу три штуки.

– Да, действительно, это я как-то упустил. И на что они похожи?

– Желтое полотнище с горизонтальной черной линией в одну десятую ширины флага на одной трети от его верхнего края.

– М-м-м... ладно, сойдет. И что это символизирует?

– А я откуда знаю? Мое дело придумать, а уж объяснять смысл – твое, ты же у нас главный идеолог. Просто я не мог найти достойное применение твоей светоотражающей ткани. Говоришь, из нее теперь полоски на робы дорожных рабочих шьют? Так это нам еще лет двести не понадобится. А флаги получились красивые, сам потом посмотришь. Да, и вот еще, держи.

С этими словами он вручил мне небольшую бумажку.

– Секретные инструкции? – поинтересовался я.

– Адмиральский патент. Вдруг тебя на Филиппинах спросят, кто ты такой, вот и покажешь.

Я развернул документ. И по форме, и по содержанию творение Ильи больше всего напоминало справку с места работы советских времен, только с золотым заголовком и серебряными завитушками по периметру.

– У себя в каюте в застекленной рамке повешу, – пообещал я. – И счастливо оставаться, нам уже пора. До встречи в Ильинске! Как раз после нашего возвращения с Филиппин и будет самое время переносить императорскую резиденцию на материк.

И, потихоньку напевая «на материк, на материк ушел последний ка-а-раван!», я поднялся на борт и обратился к старпому:

– Ну что, поехали? Командуй, Миша, а посижу в тенечке и посмотрю, как это у тебя получается.

Сейчас «Победа» впервые выходила в море не только с экипажем, но и с пассажирами. Точнее, с одним пассажиром, то есть Виктором, и пассажирками, коих имелось девять штук. Все беременные женщины из текущей партии переселенцев, в том числе и Витина жена, плыли не на катамаране, а на моем корабле, где им была отдана кают-компания и два прилегающих к ней закутка. И сейчас Михаил начал свое командование с громового «а ну брысь!», по которому пассажирки мгновенно очистили палубу. Ньютон же этот приказ проигнорировал. Он не без основания считал, что лично ему «брысь» имею право говорить только я.

На третьи сутки мы подошли к будущему проливу Кука, то есть пятидесятикилометровому промежутку между Северным и Южным островами Новой Зеландии. «Москвич» показал очень неплохой ход, порядка пятнадцати километров в час, и «Победе» иногда приходилось идти под всеми парусами, чтобы выдержать заданную скорость. Правда, тут сыграла свою роль и орава переселенцев, которым все равно нечем было заняться, вот они и гребли попеременно, помогая двум похожим на перевернутые кульки парусам «Москвича».

– Корабль на горизонте! – заорал наш впередсмотрящий Толя.

Я взял бинокль и направил его на еле заметную черточку впереди. Так, что мы видим? Каноз, где-то по десятку гребцов с каждой стороны, то есть сравнительно небольшое. Мачты нет, парусов, естественно, тоже. В принципе для нас опасности не представляет, но идет оно курсом, пересекающимся с нашим. Зачем давать маори возможность рассмотреть наши корабли с близкого расстояния?

Спустившись в грузовой отсек, я достал с полки фюзеляж летающей модели «Орел». Вторым заходом вытащил два крыла, за пять минут присоединил их, и, заведя движок, поставил модель на катапульту, которая по сути являлась просто большой рогаткой с центральной направляющей. Сам же «Орел» был моделью, замаскированной под огромную птицу, только с мотором вместо клюва. Но зато размахом крыльев почти в четыре метра!

Проверив, как работает радиоуправление и нормально ли передается изображение с телекамеры «Орла» на монитор, я запустил гордого птица в воздух.

Вот уж не знаю, видели ли здешние аборигены настоящих орлов, но мой произвел на них неизгладимое впечатление. Когда он в первый раз с воем пронесся над каноэ, маори попадали на дно и даже пытались закрывать головы руками. И потом так припустили к берегу, что весла в руках гребцов натурально гнулись. А я еще боялся, что по моему самолету начнут стрелять из луков!

С «Москвича» послышалось радостное улюлюканье – мориори очень не любили своих бывших новозеландских соседей. Через десять минут вернувшийся и севший на воду около «Победы» самолет был выловлен специальным сачком, и мы продолжили путь.

На четвертый день пути ветер начал усиливаться и вскоре достиг примерно десяти метров в секунду, а волнение я на глаз оценил баллов в пять. «Победе», разумеется, оно не причиняло никаких неудобств, ведь это были океанские волны, широкие и пологие, но низкую палубу катамарана то и дело окатывало водой. Впрочем, с него радировали, что у них все в порядке. Более того, имевшийся среди переселенцев ученик шамана заявил, что ветер, как ему кажется, усиливаться больше не будет. Вообще-то он и раньше неплохо предсказывал погоду, поэтому пришлось ему поверить. Тем более что альтернативы продолжению похода все равно не было.

Вскоре ветер все-таки немного усилился и периодически начинался дождь, но это безобразие продолжалось меньше суток, так что все обошлось. А потом он начал слабеть, и через четыре дня исчез вовсе. Но мы были уже у Тасмании, так что это нам почти не повредило. Просто последние полдня пути катамаран шел на веслах, а «Победа» – на дизеле.

Город Ильинск представлял собой просто холм у впадении реки Ярра в бухту Порт-Филипп. На вершине холма стоял частокот, из-за которого было видно только три наблюдательные вышки и мачту, то есть антенну радиостанции. Чуть правее на берегу бухты явно строилось что-то вроде верфи, и мы, уточнив прибрежные глубины по радио, двинулись именно туда.

Переход «остров Чатем – юг Австралии» был закончен. Людские потери отсутствовали, катамаран потерял два весла, я – шляпу, которую с меня сдуло на шестой день пути, а Ньютон – почти килограмм веса. Моему коту очень не понравилось морское путешествие, и вряд ли теперь он будет сопровождать меня в дальних походах. Хотя, может, все еще как-то и образуется.

Глава 7

Дон Себастьян де Вальдоре, командир гарнизона, алькальд порта и комендант крепости Себу, выслушал запыхавшегося посыльного и поднялся из-за стола. Слава Господу, наконец хоть какое-то разнообразие в этой однообразной службе на забытом Богом клочке земли!

Комендант поднялся на Западную башню форта и посмотрел в указанном посыльным направлении. Действительно, корабль. Приложив к правому глазу подзорную трубу, дон Себастьян смог неплохо его рассмотреть.

Небольшая двухмачтовая шхуна незнакомых очертаний, чем-то напоминающих голландские. Водоизмещение скорее всего чуть меньше ста тонн. Пушек не видно, да и не может их быть много на таком корабле. Флаг незнакомый. Желтый, причем какого-то ядовитого оттенка, с черной полосой ближе верхнему краю.

Корабль приближался довольно быстро, и через полчаса он уже бросил якорь примерно в трех кабельтовых от берега, но чуть в стороне от порта, так что он оказался на самом краю

зоны досягаемости пушек крепости, причем только самых больших, которых было всего четыре штуки. С корабля спустили лодку необычных округлых очертаний, и она быстро направилась к берегу. Слишком быстро, отметил про себя комендант. Гребут всего двое из трех, да и то какими-то маленькими веслами без уключин, а скорость не меньше пяти узлов! Даже, пожалуй, чуть больше.

Лодка подошла к причалу, но экипаж не стал ее найтовать, а просто выдернул из воды, словно она ничего не весила, и положил на доски. После чего старший из прибывших обратился к дону Себастьяну на английском.

– Герцог Алекс Романцефф де Ленпроспекто, адмирал флота Австралийской империи, прибыл к вам с официальным дружеским визитом. С кем имею честь?

Дон Себастьян представился и в некоторой растерянности перевел взгляд с лодки на шхуну и обратно. Что за Австралийская империя? Если этот пришелец действительно герцог и адмирал, то почему он прибыл на таком корабле? И, наконец, что это за странная лодка и из чего она сделана?

Видимо, последний вопрос слишком ясно читался на лице коменданта, потому что назвавший себя герцогом усмехнулся:

– Обычная надувная лодка из шкуры полярной жабы. На редкость невкусная тварь, но шкура у нее хорошая. И к тому же обладает некоторыми полезными свойствами, которые, с вашего позволения, я продемонстрирую чуть позже. Но у вас, кажется, возникли некоторые сомнения относительно моей персоны, которые вы, как воспитанный человек, решили пока не выражать вслух? Мне нетрудно внести ясность в этот вопрос, но сделать это можно только на борту моего корабля.

– Мои обязанности как алькальда порта все равно требуют его посетить, – сообщил несколько обескураженный дон Себастьян.

– Замечательно! Тогда прошу, в нашей лодке есть место еще для одного.

Люди герцога вновь спихнули лодку на воду и перебрались в нее. С некоторой опаской комендант последовал их примеру. Плоское днище неприятно пружинило под ногами, и, кроме того, посудина колыхалась, как живая.

– Садитесь сюда, – показал Романцефф на поперечную доску из какого-то непонятного материала оранжевого цвета. После чего на каком-то незнакомом языке сказал несколько слов своим спутникам, а сам устроился на корме, около зеленого механизма, укрепленного на внешней стороне лодки и наполовину свисающего в воду.

Поначалу лодка шла на веслах, и вовсе не так быстро, как ожидал дон Себастьян. Но в двадцати саженях от берега герцог дернул за какую-то веревку, механизм заурчал, и странная лодка вдруг рванулась вперед со скоростью порядка шести узлов.

– Это двигатель, – объяснил герцог, – мы их широко используем. Как он работает, я покажу вам на корабле. Да и вообще приготовьтесь увидеть множество удивительных вещей.

Я, честно говоря, не ожидал, что дон так легко согласится посетить наш корабль в одиночестве. И вряд ли дело тут только в интересе к надувной лодке. Скорее всего, тому имелись какие-то более весомые причины. А во все времена они, как правило, так или иначе связаны с деньгами. Будем иметь это в виду, а пока надо убедить визитера, что я хотя бы приблизительно тот, за кого себя выдаю.

Гость тем временем с интересом оглядывался. Надо думать, при ближайшем рассмотрении мой корабль значительно отличался от посудин этого времени. Но пора, пожалуй, приступать к светской беседе. Или к разводу, если применить несколько менее возвышенную терминологию.

– Прошу в мою каюту, там уже накрыт стол, – предложил я. – Заранее извиняюсь за некоторую тесноту, на корабле такого размера просто нет места для приличных помещений. Но, надеюсь, меню обеда окажется достойным вашего внимания и как-то компенсирует неудобства.

Меню действительно было выдающимся – правда, только по тем временам. На первое предлагалась растворимая лапша системы «доширак», причем еще в упаковке. На второе –

консервные банки с бычками в томате, рижскими шпротами и красной икрой. Кроме консервов, стол украшало пластиковое блюдо с малосольными огурчиками. На третье имелись пакетики с какой-то шипучей дрянью. Помните – «только добавь воды»? Она тоже стояла на столе в виде пятилитровой пластиковой бутылки «Шишкин лес». Завершали композицию электрочайник и графин самогона моего личного производства. Вместо столовых приборов лежали два дешевых ножа с ложкой, вилкой, двумя открывалками и небольшим лезвием. Такой китайщины у меня было много, и предназначалась она на подарки.

– По старинному австралийскому обычаю первым делом надо выпить за встречу, – с этими словами я разлил самогон по пластиковым стаканчикам. – Закусывать положено огурцом. Ну, будем здоровы!

Дон употребил стакан залпом и даже не поморщился. Ничего тут они пьют, привыкли небось к рому, а ведь по сравнению с моим продуктом это такая гадость! Закусив, мой гость начал с некоторым недоумением осматривать сложенные ножи. Я показал ему, как выдвигать предметы, сам открыл консервы, залил в чайник воды и включил его. Почему-то алькальда очень поразила засветившаяся синим кнопка.

– Сейчас вскипит, – пояснил я. – А пока давайте под икру выпьем еще по чуть-чуть.

Есть мне совершенно не хотелось, потому как перед визитом на берег я слопал полукилограммовую банку жирной свиной тушенки. Теперь я мог безбоязненно выпить хоть литр, однако смотреть на шпроты, а уж тем более на доширак, получалось только преодолевая отвращение. Но все же я залил растворимую лапшу кипятком и объявил, что национальный австралийский суп через пять минут будет готов к употреблению.

Понятное дело, целью обеда вовсе не было поразить гостя изысканностью вкуса предложенных блюд. Требовалось всего лишь быстро продемонстрировать такое количество диковин, после которого у него исчезнут сомнения хотя бы в том, что мы действительно прибыли из какой-то неизвестной, но высокоразвитой страны. И это, судя по виду алькальды, вполне удалось, так что можно было переходить ко второму этапу.

Я разложил на столе карту. Очень точную в той части, которая уже была известна испанцам, и с небольшими отступлениями от действительности в южном направлении. В частности, вместо Австралии там было нарисовано два маленьких острова в тех местах, куда уже точно заплывали корабли европейцев. Тасмания, правда, имелась на своем месте и без искажений. Ну, а Антарктида получилась самую малость преувеличенной, и поперек нее шла крупная надпись «Австралийская Империя». Все названия были выполнены русскими буквами.

– Вот здесь находится наша страна, – показал я. – Предваряя ваш вопрос, могу сказать, что она позиционирует себя как христианскую, но и другие веры не преследуются. Веками Австралия придерживалась политики изоляционизма, но недавно, с восшествием на престол его императорского величества Ильи Первого, было принято решение о постепенной ее отмене. В частности, мы уже начали колонизацию вот этого района, – я обвел пальцем огрызки настоящей Австралии и Тасманию.

– Мне же его величество поручил предпринять все необходимые шаги для установления дипломатических, а то и союзнических отношений с теми цивилизованными странами, которые этого пожелают.

С этими словами я достал монету, но не рубль или десятку, а стольник. Две таких шайбы я отчеканил из алюминия, и они представляли собой просто червонец, только с лишним нулем и словом «сто» вместо «десять».

– Вот наш император, его величество Илья Первый, – пояснил я, поворачивая монету портретом к гостю.

– Какой интересный металл, – заметил дон Себастьян и взял алюминиевый кругляш в руки. – Неужели эта монета внутри пустая?

– Нет, она просто сделана из алюминия. У нас он ценится много дороже золота. Да вот, смотрите.

Я выложил на стол золотой червонец.

– Видите? По объему монеты одинаковые, алюминиевая в семь раз легче, но стоит в десять раз дороже.

– Однако сколь высоко у вас качество чеканки!

– Не только ее, дорогой дон Себастьян. У нас все делается исключительно на высшем уровне. Более того, наша промышленность работает под девизом, высочайше утвержденным еще Леонидом Звездоносцем. Он звучит так: «Австралийское – значит отличное»!

– А почему ваш действующий монарх имеет всего одно имя? – поинтересовался алькальд, не выпуская червонца из рук.

– У нас принято, что правящий император царствует под одним именем и номером. Но через двадцать лет после его смерти присваивается второе, под которым он и входит в историю. Причем не всегда оно бывает комплиментарным. Например, один монарх сохранился в памяти поколений как Никита Жопоголовый. Кроме того, каждый эпитет может быть только у одного монарха. То есть, раз у нас уже был Иосиф Великий, то других великих не появится. Впрочем, в случае необходимости всегда можно использовать синонимы.

Но, видимо, наша лодка все-таки задела какие-то струны в душе благородного дона. Во всяком случае, он спросил, почему я назвал ее надувной.

– Да потому что она надувается перед использованием, а в сдутом и сложенном виде занимает совсем немного места. Вот, сами смотрите.

Я достал из шкафа пакет с китайским надувным плавсредством за тысячу рублей, которое для компенсации общей убогости имело звучное название «Челленджер».

– Это лодка?!

– Да. Правда, не такая большая, как та, на которой мы сюда приплыли, но двоих она выдержит.

Во всяком случае, так написано на упаковке, подумал я, но сказал другое:

– Позвольте преподнести эту лодку в подарок вам. Давайте, я помогу вскрыть пакет.

Данное действие заняло несколько секунд, после чего я еще полминуты давился матерными эпитетами в адрес великого Китая и персонала интернет-магазина, продавшего мне десять этих «Челленджеров». Потому как наши настоящие лодки, «Солано», были зеленого цвета. И эти должны быть такими же, я специально оговаривал цвет! Ведь их делают из шкуры полярной жабы. И на упаковках действительно красовались зеленые посудины. Но то, что я достал из пакета, оказалось ярко-оранжевым. Тьфу! Пришлось импровизировать.

– Обратите внимание на расцветку! – залился соловьем я. – Обычно полярные жабы зеленые, но в период брачных игр самки меняют цвет на вот такой. Чтобы самцы мимо не проходили, со зрением у них не очень. Лодка из оранжевой самки – редкая вещь, но для установления добрых отношений мне ее совершенно не жалко.

После чего я снял с соска колпачок и показал, как туда надо дуть.

Дон Себастьян попробовал, и минут через пять его героических усилий лодка приобрела отдаленное подобие формы, но сам он совершенно выдохся.

– Тут, как и везде, нужны регулярные тренировки, – пояснил я и нажал кнопку на стене. Снаружи задребезжал звонок, и вскоре в приоткрытую дверь просунулся Кикиури.

– Слушаю, капитан!

– Надуй, – приказал я ему и подал лодку.

Кикиури исчез, и вскоре с палубы донеслось еле слышное тарахтенье компрессора. Через непродолжительное время процесс был закончен, и матрос пропихнул надутую лодку внутрь каюты. В ней сразу стало тесно.

– Он надул ее так быстро? – удивился алькальд.

– Да, а чего же тут странного? Правда, для достижения таких результатов нужно тренироваться с детства. Впрочем, если каждый день надувать лодку по два раза, то уже где-то через год начнет получаться сравнительно неплохо. И давайте ее все-таки сдуем, а то тут

стало совсем не повернуться.

С некоторым сожалением дон согласился, и лодка, пошипев минуты три, снова превратилась в бесформенную оранжевую тряпку, которую я свернул и, засунув в пакет, вручил дону Себастьяну.

Только сейчас я понял, кого мне напоминал благородный дон. Моего московского знакомого, жившего в соседнем поезде, Васю-гаишника. Причем не только внешне, но, кажется, и по характеру. То есть неплохой человек. Берет, конечно, но в меру, не наглеет и не страдает потребностью унижать всех, кто оказался как-то зависим от него. И в характере есть черты не только хомяка, но и солдата. Значит, из этого и будем исходить в своих дальнейших действиях. Судя по всему, мой собеседник является вторым или третьим лицом на острове. Выше него должен быть губернатор и, возможно, какой-то духовный чин.

Я спросил:

– Дорогой дон Себастьян, не подскажете, как бы мне вручить губернатору верительные грамоты и письмо нашего министерства иностранных дел?

– Для этого вам придется идти в Манилу, он там, – пояснил дон.

– А кто его замещает?

Выяснилось, что это не такой простой вопрос. Губернатор почти не появлялся на Себу, передав всю власть канонику острова дону Хосе де Акоста. Но он три недели назад тоже отбыл в Манилу. Правда, скоро должен вернуться, а пока власть на острове вроде бы представляет дон Себастьян.

– Тогда не будете ли так добры принять документы для передачи в метрополию, королю или тому, кто у вас занимается внешнеполитическими вопросами.

Алькальду был вручен пакет с печатями.

– Ну и раз уж приходится к вам обращаться с просьбой, то позвольте для компенсации возникших при этом неудобств предложить вам еще один скромный подарок.

Я достал свой кремневый револьвер и протянул дону.

– Вот, возьмите, это шестизарядный пистолет.

– Надо же, как интересно, – удивился дон, – я видел нечто подобное в Испании, но давно. И у него было шесть стволов, а у вас вон какая остроумная конструкция. Однако насколько он легкий и как удобно ложится в руку! Что надо делать для выстрела?

В общем, мы вышли на палубу, я укрепил на корме мишень, и дон не успокоился до тех пор, пока не расстрелял оба заряженных барабана. Ну прямо как мальчишка, честное слово. Причем, надо заметить, стрелял он весьма неплохо.

– Великолечно! – не сразу успокоился алькальд. – Какая кучность! Не хуже, чем у мушкета. И, значит, ружья ваших матросов устроены подобным образом?

– Да, – кивнул я, – и из них возможна прицельная стрельба на двести метров, то есть более чем на кабельтов.

Но игрушки игрушками, а дело делом, так что вскоре мы перешли к более приземленным вопросам. Дон познакомил меня с местной денежной системой и обрисовал порядок цен.

– Наша золотая монета называется эскудо, – пояснил он мне, – и она примерно такая, как ваш рубль.

Ага, подумал я, ты еще скажи, что рубль меньше. Я ведь перед визитом в прошлое посмотрел вес и примерную платежеспособность денег этого времени. Так вот, в эскудо, по моим сведениям, было три целых и две десятых грамма золота. А в рубле пять!

– Но основной монетой в колониях является серебряный песо, – продолжил свою лекцию дон Себастьян. – Вот, посмотрите, у меня есть при себе.

С этими словами он вытащил из мешочка, пристегнуто к поясу, монетину размером примерно с советский юбилейный рубль и протянул мне. Я положил ее на маленькие электронные весы, развернутые дисплеем ко мне, так что дон и не понял, что я делаю. Так, двадцать три грамма, запомним. На одной стороне монеты римская цифра «VIII», то есть восемь, а на другой что-то вроде герба.

– Одна восьмая песо – это реал. Мелкая серебряная монета, причем, говорят, последнее время их начали чеканить и из меди, но до нашей глуши подобные новшества еще не дошли.

– А сколько стоит, например, поросенок? – поинтересовался я.

– Наверное, два песо, – задумался алькальд, – но точно я не знаю. Могу сказать, что день на постоялом дворе обойдется вам в песо или полтора.

– Обошелся бы, но я туда не собираюсь. Кроме всего прочего, император запретил мне удаляться более чем на километр от корабля. Наш километр – это чуть больше половины английской морской мили. А как соотносятся между собой эскудо и песо?

– За один золотой эскудо дают два песо.

Так, похоже, здесь мой собеседник снова малость лукавит, потому как по моим сведениям, захваченным из будущего, соотношение должно быть примерно один к трем – один к четырем. А это может говорить о том, что честнейший алькальд собирается малость поправить свое благосостояние на моих торговых операциях. Потому как он уже знает, что платить я буду золотом.

– Мне бы хотелось купить у вас несколько живых поросят, ягнят и, возможно, жеребят, – сообщил я. – Не исключено, что в недалеком будущем придется сделать и более крупные приобретения. Насколько такое реально и как лучше это произвести, не подскажете?

– Поросят и ягнят купить можно, закупка продовольствия проходящими кораблями иных стран не запрещена. С лошадьми сложнее, тут, боюсь, возникнут определенные трудности. Впрочем, если вы не против, могу сегодня же прислать вам на борт одного торговца, который примет ваш заказ и потом доставит его на корабль. А вообще с торговлей – увы. Колонии не имеют права торговать ни с кем, кроме метрополии. Все грузы с Филиппин идут только по одному адресу – в Акапулько. Оттуда они доставляются в Испанию.

В этот момент раздался стук в дверь, и после моего «можно» в каюту заглянул Кикиури.

– Капитан, – сказал он, – в гавань входит какой-то большой корабль.

Глава 8

Насчет того, что корабль большой, Кикиури слегка погорячился. Впрочем, если сравнивать его с надувной лодкой или даже катамараном «Москвич», то, действительно, можно было употребить такое определение. В общем, появившийся из-за мыса километрах в трех от нас парусник был всего раза в два побольше нашей «Победы». Я взял бинокль. Да, суденышко среднее. Два ряда пушечных портов, девятнадцать орудий с борта. Если прибавить носовую и кормовую пушки, получим сорок. В принципе немного, но нам в случае чего даже такого бортового залпа хватит с запасом, так что придется быть осторожными.

– Галеон «Карлос Второй»! – сообщил мне дон Себастьян, выразительно глядя на мой бинокль. – Пришел из Манилы. Разрешите вашу... э... двойную подзорную трубу?

– Да, пожалуйста, – протянул я бинокль дону.

– Губернатора на борту нет, – вскоре сообщил он мне, – это вернулся отец Хосе.

– Этот, как вы его назвали, канонир?

– Каноник, – улыбнулся алькальд. – Представитель церкви на нашем острове. В отсутствии губернатора – высшая власть в Себу.

Ну вот, подумал я, начальства прибавилось. Хотя подарок как раз для духовного лица у меня есть, а набиваться к нему в гости я не собираюсь. В общем, авось обойдется. И что, дон Себастьян назвал эту посудину галеоном? Действительно, низкий нос, характерная корма, да и парусное вооружение соответствует. То есть на тех же основаниях, на каких карликового пуделя можно назвать псом, входящее в гавань судно являлось галеоном. Названным, между прочим, в честь действующего короля, не пользующего ни малейшим авторитетом и практически отстраненного от власти своей матерью. Но показывать, что я знаком с

местными реалиями, было ни к чему. По легенде, к нам в Антарктиду двенадцать лет назад прибило сильно поврежденный штормом английский бриг, и нашим медикам удалось выходить троих еще живых членов экипажа, оттуда и все сведения.

– Похоже, этот Карлос под номером два оставил после себя не самый яркий след, – заметил я, забирая у дона свой бинокль.

– Но ведь это наш теперешний король! И почему вы так решили?

– У вас кто-то осмелился назвать именем правящего короля такое убожество? Извините, но мне просто странно это слышать. Получается, что вашего монарха не только не боятся, но и совершенно не уважают.

– Знаете, дон Алекс, а ведь вы в чем-то правы, – вздохнул алькальд. – Но вынужден прервать нашу чрезвычайно интересную встречу, в связи с прибытием отца Хосе у меня появились неотложные дела в порту.

– Не смею задерживать, только захватите, пожалуйста, мой скромный подарок для достойного каноника.

С этими словами я спустился в каюту и достал из встроенного шкафчика алюминиевый католический крест, украшенный тремя небольшими сапфирами.

– Вот, возьмите. И передайте дону Хосе мое приглашение посетить «Победу». Или же согласие прибыть для встречи на берег, но, как я уже говорил, не дальше километра от корабля.

Дон Себастьян отбыл, напоследок пообещав, что торговец будет на борту моей шхуны уже сегодня.

Где-то через час галеон встал на якорь напротив центра городка, то есть примерно в километре от нас. Между ним и берегом начали курсировать две большие лодки. Мы же пока не могли похвастать особым вниманием к нашим персонам, и только часов около семи вечера приплыл обещанный доном Себастьяном торговец. Я договорился с ним о покупке небольшого количества свинной, овечьей и козлиной молодежи, фуража для нее и добавил, что лошадей мне вообще-то тоже хотелось бы. Торговец обещал подумать и вскоре отбыл с четырьмя рублями аванса. Тем временем возня вокруг галеона поутихла, народ на палубе почти не появлялся – видимо, значительную часть экипажа отпустили на берег. Так что я вызвал команду боевых пловцов в полном составе и поставил им первую реальную задачу.

– Мину снарядить одним блоком, – приказал я.

Наши прикручивающиеся к днищу корабля мины могли снаряжаться полутоннажными аммоналовыми блоками в количестве от одного до четырех. Да, если в мину засунуть все четыре и привертеть это дело ближе к корме, где у здешних кораблей находится кюйт-камера, то при нажатии на кнопку пульта бабахнет так, что от посуды вообще ничего не останется. Но я почему-то не был готов сразу уничтожать корабль, да еще и с командой. Поэтому мина снаряжалась всего одним блоком, и Михаил получил приказ прикрутить ее к носовой оконечности.

Вскоре негромкий всплеск у кормы дал мне знать, что подводный пловец с миной отправились в путь. Выждав минут пятнадцать, я взял бинокль и начал наблюдение за галеоном. И чуть не пропустил момент, когда из воды у форштевня на мгновение высунулась рука – это наш диверсант выводил наружу антенну. Все, теперь путем нажатия на кнопку я могу в любой момент организовать галеону приличных размеров дыру чуть ниже ватерлинии. Это если он вдруг начнет вести себя агрессивно. А не начнет – так не волнуйтесь, снимем мы свою мину перед уходом, не бросать же столь ценное имущество. Это ведь наверняка не последний галеон в мире.

Еще через пятнадцать минут мокрый старший помощник вновь оказался на «Побед» и приступил к выполнению своих обязанностей уже в этом амплуа, а через полчаса стемнело окончательно. Так как моя вахта начиналась с шести утра, я отправился спать.

На следующее утро вокруг галеона снова поднялась какая-то суeta. Лодки два раза сходили между ним и берегом, а затем крупная шлюпка подошла к его носу, кажется, на нее спустили якорь. После чего она проплыла немного вперед и утопила погруженную на нее

железюку. Затем на галеоне начали выбирать канат, подтягивая судно к якорю. Кажется, такой геморрой называется верпованием, припомнил я. Но куда это корыто собралось так рано?

А от берега отчалила еще одна шлюпка, теперь уже по направлению к нам. В ней были шесть гребцов, рулевой на корме и плешивый тип в белом балахоне с красным воротником, то есть явно духовное лицо. Неужели нас хочет осчастливить визитом сам каноник? Вряд ли, больно уж свита мелка и непрезентабельна. Хотя, с другой стороны, алькальд так явился и вовсе в одиночку.

Вскоре мои сомнения были рассеяны. Прибывший поднялся к нам на борт, поползновения гребцов последовать за ним были пресечены выстрелом в воздух и направленными на шлюпку тремя стволами. Так что ему пришлось играть сольную партию.

– Настоятель храма святого Франциска, – представился он. Разумеется, после должности он назвал и имя, но оно состояло как минимум из пяти слов, в силу чего я посчитал его необязательным к запоминанию.

– Его преподобие каноник Себу дон Хосе де Акоста предлагает вам немедленно явиться в его резиденцию, – сообщил мне этот поп.

– Как ни жалко отвечать отказом столь замечательному человеку, но все же придется. Наш император запретил мне отдаляться от корабля, о чем я уже сообщил вчера господину коменданту.

– Вы находитесь на землях, принадлежащих испанской короне, и обязаны выполнять распоряжения ее представителей! – взвизгнул настоятель. Судя по всему, ему было весьма не по себе. И, кажется, понятно, почему. Два раза повторив фокус с якорем, галеон вышел под ветер и теперь двигался так, чтобы закрыть нам выход из бухты.

– Не усугубляйте своего положения бессмысленным сопротивлением! – закончил дон с пятичленным именем.

– Бессмысленным – не буду, – пообещал я. – А осмысленное сопротивление ничего усугубить не сможет, я вас уверяю. Вы останетесь у нас на борту? Заодно и на применение яиц ледяной птицы посмотрите. Неужели вам не любопытно? Странно. Тогда проваливайте, и побыстрее.

Но настоятель не успел воспользоваться моим любезным предложением, потому как подошедший уже метров на триста галеон открыл пушечные порты. Вряд ли он станет стрелять сразу, подумалось мне, но рисковать мы все равно не будем. На поясе у меня с самого утра висел пульт радиоуправления миной, и, положив палец на кнопку, я рывкнул:

– Яйца к бою!

Эта команда предназначалась для расчета яичной пушки, то есть отца и сына Канава. По ней Кикиури нырнул в трюм и через несколько секунд вылез оттуда с короткой жестяной трубой в руках и затычками в ушах. Труба имела раструб, рукоятку и сошки. А Толя уже тащил небольшой ларец, на крышку которого была наклеена картинка из какого-то японского мультфильма. Она изображала голенастую страхолюдную тварь наподобие страуса, только вовсе без крыльев, но зато со здоровенным зубастым клювом.

Понятное дело, весь этот цирк предназначался для настоятеля, взирающего на происходящее в некотором обалдении.

Тем временем Кикиури занял позицию на носу, установил свою трубу на сошки и, зажмурившись, потянулся к спусковому шнуру. Зная, что сейчас произойдет, я отвернулся, открыл рот и зажал уши ладонями.

Ох оно и грохнуло, ох и сверкнуло! Настоятель тупо моргал, держась за мачту – скорее всего, он ничего не видел и не слышал. Довольный Кикиури скалил зубы, а я нажал кнопку на пульте.

Черт побери, подумал я через пару секунд. Из какой задницы росли руки у строителей этого галеона? Взрыв всего полутора килограмм аммонала в щепки разнес ему весь нос примерно до третьего шпангоута! И теперь там была здоровенная дыра, в которую могучим потоком хлынула вода. Причем инерция корабля здорово усилила этот процесс. И вдобавок

от резкого торможения фок-мачта завалилась вперед и вправо.

Через несколько секунд вся носовая оконечность галеона скрылась под водой, затем на поверхности осталась только корма, где суеилось человек тридцать. Но «Карл Второй» недолго изображал из себя поплавок. Где-то через пару минут на месте взрыва остались только две шлюпки, причем одна была даже не перевернута, обломки рангоута и какие-то доски. И довольно много людей, цепляющихся за весь этот плавучий мусор.

Водоворот от ушедшего на дно галеона получился не очень сильный, он даже не перевернул шлюпку.

Я обернулся к настоятелю. Похоже, святой отец только сейчас проморгался после вспышки и начал хоть что-то видеть. То есть обнаружил отсутствие галеона.

– Что вы сделали? – возопил он.

– Утопил ваше корыто, – вежливо объяснил я и так очевидную вещь.

– Но там же был его преподобие каноник!

– Неужели? Никогда бы не подумал, что лица духовного звания могут быть столь неосторожными.

Я взял бинокль и присмотрелся к месту крушения.

– Скажите, дон Хосе одет в такую же одежду, как вы, только с золотым шитьем по воротнику?

– Да! Вы что, его видите?

– Вижу, – подтвердил я и крикнул:

– Вака!

Пожалуй, тут лучше сделать небольшое отступление. Итак, придумайте какой-нибудь хвалебный эпитет и опробуйте его со словом «молодой» или «юный». Получилось? А теперь вместо «молодого» подставьте «старый». Как-то оно стало немножко не очень, да? А вот сочетание типа «старая сволочь» звучит так, словно эти понятия были изначально придуманы для употребления вместе. То есть данные филологические тонкости подчеркивают, что с возрастом человек, как правило, становится только хуже. Особенно с таким возрастом, как у меня.

Поэтому я показал нашему лучшему стрелку Ваке цепляющегося за небольшое бревно каноника.

Ибо этот хмырь уже продемонстрировал, как он к нам относится. И глупо надеяться, что после купания это отношение изменится в лучшую сторону, да и рожа у него какая-то уж больно противная. А в случае его трагической гибели договариваться придется уже с доном Себастьяном, что импонировало мне куда больше.

Так что Вака вскинул карабин «Тигр» с оптикой. Грохнул выстрел, и у Испании стало одним каноником меньше.

– Вы убили его! – завопил поп, но ограничился только этим, то есть не стал ни на кого бросаться. Это хорошо, подумал я, человек демонстрирует нам наличие мозгов. И обратился к нему:

– Не подскажите, где в этом чудесном городке дом только что безвременно усопшего раба божьего дона Хосе?

– А... а... а зачем вам?

– Он же посмел посягнуть мало того что на герцога, но еще и на особу, приближенную к императору! По нашим законам сам посягнувший подлежит казни, это уже сделано. Кроме того, нужно разрушить его дом и отправить на каторгу родственников. И чего, спрашивается, вы смотрите на меня с таким удивлением – у вас что, другие порядки?

– Ваша светлость, у дона Хосе не было родственников на Филиппинах!

Ага, подумал я, меня уже титулуют как положено. Вот что значит всего два выстрела в нужное время и по соответствующим целям. Однако останавливаться на полпути – последнее дело, поэтому пришлось уточнить:

– Но дом-то есть? Вот и показывайте его мне, пока я не принял более радикальные меры. В конце концов, если разнести весь городок, то дом каноника наверняка тоже

окажется разрушенным.

Настоятель внял моим доводам, и вскоре я уже рассматривал в дальномер особняк, вплотную примыкающий к единственной церкви городка – скорее всего, тому самому храму святого Франциска. Так, до цели тысяча шестьсот тридцать метров.

Тут у меня за спиной раздался выстрел, но уже не из «Тигра», а из барабанного ружья. Обернулся – это Вака сменил оружие и теперь пальнул во что-то на воде.

– Некоторые поплыли к «Победе», – пояснил наш старший артиллерист, – и я их отпугнул.

Действительно, к нашему кораблю больше не плыл никто. Наоборот, бултыхающиеся ближе к нему из всех сил старались увеличить дистанцию.

– Неужели пуля барабанки дает столь заметный всплеск на воде? – удивился я.

– Не знаю, – флегматично ответил Вака, передергивая затворный рычаг. – Но когда она попадает в голову, это видно очень хорошо. Что делать дальше?

– Становись заряжающим к сорокапятке. Стрелять буду я, но ты смотри внимательно. Кстати, навскидку, без таблиц – какой угол возвышения нужно брать при стрельбе на тысячу шестьсот метров?

– Одиннадцать градусов.

Я проверил по таблице и уточнил:

– Одиннадцать с половиной.

Вака тем временем раскрыл зарядный ящик нашей пушки, отвалил затвор в сторону, загнал снаряд в ствол и закрыл затвор. Я принял к прицелу. Ага, тут еще ветер, возьмем чуть левее... огонь!

Снаряд попал в самый угол второго этажа дома каноника. И проделал там здоровенную дыру, причем, судя по ее краям, этот второй этаж был сделан не из камня, как оно казалось с первого взгляда, а из оштукатуренных досок.

Вака уже загнал в пушку второй снаряд и закрыл затвор, когда я обратил внимание на посторонний шум – это вопил отец настоятель.

– Ваша светлость, вы сейчас разрушите храм!

– Ну не до фундамента же, – возразил я и скомандовал Ваке:

– Еще три снаряда беглым туда же, теперь работай сам. Огонь!

Сорокапятка снова грохнула.

– Там же кошки! – истошно воскликнул святой отец.

– Вака, отставить огонь. Какие кошки и где именно?

– Ну как же, ваша светлость ведь желали купить кошек, а они были... есть... только у дона Хосе! Они же погибнут от вашей стрельбы или разбегутся!

– Разбегутся – поймаете. Хотя в ваших словах, действительно, проскальзывают зерна истины. Однако моя светлость желала не только кошек, но еще и лошадей! В смысле, жеребят. И теперь уже не купить, а получить в порядке возмещения морального ущерба. В общем, до трех часов пополудни я воздержусь от стрельбы по городу. Но если за это время мне не будет доставлено требуемое, то пеняйте на себя! А теперь марш на берег.

– К-как? – с трудом выдавил из себя настоятель. Я глянул – действительно, шлюпка, на которой он приплыл к нам, из всех сил удирала в сторону берега.

– Толя, возьми лодку и отвези человека в порт, – приказал я и снова взял бинокль. Кажется, около пушек форта началось какое-то шевеление. Правда, до них почти полтора километра, но вдруг кто-нибудь возьмет да и попадет сдуру? Так что я указал Ваке новую цель, а сам отправился в трюм за «Орлом». Эта модель могла нести под крыльями две небольшие бомбочки, точнее, осколочные гранаты. Похоже, настало время проверить данную опцию на практике.

Глава 9

Около полудня нас вновь посетил дон Себастьян де Вальдоре. До его прибытия мы

успели разрулить ситуацию с фортом. Семь снарядов, выпущенных Вакой, привели к резкому падению энтузиазма среди артиллеристов, а последовавшее за артобстрелом появление «Орла», сбросившего свои гранаты на позиции, довершило картину. После боевого захода наш птиц сделал еще два – я хотел уточнить секторы обстрела пушек, но народ этого не знал и попрятался еще глубже. Однако на всякий случай мы чуть изменили свое месторасположение, причем сделали это на дизеле. Так как с берега на «Победу» к этому времени пялилось не меньше трети населения Себу, наш маневр вызвал заметный ажиотаж среди зрителей. Ну не привыкли они, что корабль может довольно шустро передвигаться без парусов и весел. А как только мы бросили якорь на новом месте, к нам направилась шлюпка с алькальдом.

– Рад вновь видеть вас на борту «Победы», дорогой дон Себастьян, – приветствовал я визитера. – Чашечку кофе не желаете? Можно и чего покрепче для успокоения нервной системы, а то утро выдалось уж больно суетливым. Но есть надежда, что остаток дня пройдет потише, без такого шума.

– Да уж, – вздохнул дон, – пошумели вы на славу. Что за огромная птица летала над фортом?

– Наш корабельный орел. Довольно мирная птичка, вообще-то говоря, но не любит, когда на нас нападают. Еле загнали в трюм, он все рвался еще и над городом полетать. Но почему у вас столь расстроенное выражение лица? Уверяю, лично к вам у меня нет ни малейших претензий.

– Зато они появятся у губернатора Манилы, когда до него дойдут сведения о сегодняшних событиях, – вздохнул комендант.

– Ну почему же? Тут все зависит от правильной подачи материала. Ведь что произошло на самом деле? Движимый не до конца понятными, но однозначно какими-то своекорыстными, а то и вовсе шкурными интересами дон Хосе позволил себе напасть на мирную шхуну Австралийской империи, прибывшую в Себу с официальным дружественным визитом. Но недооценил ее возможностей, в результате чего Испания лишилась не только упомянутого каноника, но и галеона «Карлос Второй». Более того, капитан шхуны расценил происходящее как объявление войны и совсем было собрался приступить к боевым действиям, но тут в дело вмешались вы. Проявив недюжинное самообладание и большой дипломатический талант, вы смогли убедить капитана, что произошедшее являлось всего лишь досадной случайностью и никоим образом не отражает действительного отношения Испании к Австралийской империи. Все это я готов отразить в документе, который мы с вами сейчас и подпишем.

– Почтенный Гонсало пребывает в серьезном расстройстве, – заметил оживившийся при этих словах алькальд. – Ведь теперь вы наверняка возьмете все заказанное вами в качестве выкупа.

– Простите, не понял. С уважаемым господином Гонсало я не ссорился и не вижу ни малейших причин его обижать. Все ему заказанное будет оплачено в тех размерах, как мы и договаривались. Более того, если он поспособствует скорейшему появлению у меня на борту лошадей и кошек, которые действительно пойдут в качестве возмещения ущерба, и лично проследит за качеством животных, то я готов как-то компенсировать его беспокойство.

– Разрешите немедленно передать ему эту радостную весть, то есть отправить сообщение с моей шлюпкой?

– Да, разумеется, сходите, распорядитесь, а я пока набросаю договор о заключении перемирия.

Распечатанный в двух экземплярах договор был подписан доном без особых возражений, и его в основном интересовал сам документ. Если он написан от руки, то почему так аккуратно, а если отпечатан, как книга, то почему так быстро?

– У нас очень высокое качество образования, – несколько туманно пояснил я. После чего мы наконец перешли к главному вопросу. То есть чем и как я утопил галеон.

– Настоятель говорил что-то невразумительное о яйцах какой-то птицы, – заметил дон.

– Не какой-то, а ледяной. Это буквально кошмар нашего континента! Только с появлением мощной артиллерии мы смогли наконец-то дать достойный отпор этим тварям.

Дальше последовал краткий, но полный драматизма рассказ о свойствах описываемого объекта.

В моей интерпретации ледяная птица оказалась прожорливой скотиной высотой до семи метров в холке. Она развивала скорость до девяноста километров в час по ровному месту, поэтому убежать от нее было совершенно невозможно. Спрятаться тоже затруднительно, потому что своим клювом она легко разбивала не только лед, но и гранит. Основной рацион твари составляли люди, мамонты и белые медведи. Полярными жабами ледяная птица брезговала из-за их отвратных вкусовых качеств. Пингвинов не любила из-за привычки этих птиц селиться около воды, но при случае не отказывалась закусить десятком-другим зазевавшихся особей. Дрессировке не поддавалась абсолютно.

После рассказа дону было показано яйцо. С вытаращенными глазами посмотрев, как оно засветилось всеми цветами радуги, алькальд уверился в полнейшей правдивости моих описаний и даже припомнил, что среди моряков вроде ходила легенда о чем-то подобном.

Но дона интересовал и другой вопрос – каким образом наша надувная лодка, а теперь, как выяснилось, и корабль могут двигаться сами собой. К ответу на него я подготовился еще на Чатеме, так что сейчас смог полностью удовлетворить любопытство коменданта.

Может, конечно, возникнуть вопрос – а на кой хрен? Но тому имелись две причины. Первая состояла в том, что долго скрывать способность наших кораблей двигаться без парусов все равно не получится, даже если мы этого и захотим. А тогда вступит в действие вторая причина – ведь паровые двигатели уже есть! Пусть и очень несовершенные. Но, получив стимул, наверняка кто-нибудь догадается малость усовершенствовать ту же пароатмосферную машину Ньюкомена и поставить ее на корабль. А оно нам надо? Поэтому я решил изначально перенаправить мысли наших возможных последователей в более перспективном направлении. Ибо со многих точек зрения турбина куда совершенней поршневого двигателя.

Я быстро достал все необходимое для показа. Начал с парового котла грамм на триста, сделанного из листовой меди. Положив в топку под ним несколько кусочков сухого спирта, поджег его.

– Что это? – спросил дон, имея в виду сухой спирт.

– Белый уголь, – пожал плечами я. – В отличие от черного, он почти не дымит и куда легче разжигается. Правда, для его добычи приходится рыть более глубокие шахты.

Тем временем вода в котле закипела, и пар начал со свистом вырываться из узкого штуцера. Я поднес к нему маленькую жестяную турбинку на проволоке. Она завертелась.

– Видите? Выходящий под давлением пар может совершать работу. Но сейчас очень много энергии тратится зря. Однако с этим нетрудно справиться.

Далее был извлечен второй экспонат – маленькая трехступенчатая турбина с корпусом из стеклянной трубы для наглядности. Выходной конец вала был снабжен пластмассовой шестеренкой. При помощи шланга я подключил котел к турбине и подбросил сухого спирта. Турбинка завертелась.

– Теперь практически вся энергия пара тратится на вращение, не расходуясь понапрасну, – пояснил я своему зрителю. – И ее можно использовать для движения корабля.

Я затушил топку, шприцем долил воды в котел и установил котел и турбинку на модель лодки. Модель имела винт с большой шестерней на валу, и маленькая шестеренка турбинки вошла с ней в зацепление.

– Пройдемте на палубу, – предложил я дону.

Там уже стояла надутая лодка «Солано», наполненная водой. То есть имелся бассейн для демонстрации плавающей модели. Я снова разжег топку, подождал, пока закрутится турбинка, теперь через понижающий редуктор вращающая винт, и опустил кораблик в воду. Он бодро поплыл по лодке и вскоре ткнулся носом в ее противоположный край. Сидящий там Кикиури развернул модель, и она вернулась к нам.

– Вот так и работают наши двигатели, – пояснил я, доставая модельку из бассейна. Будем надеяться, что дон хорошо запомнил все показанное. Впрочем, я и дальше не собирался делать тайны из своего паротурбинного кораблика. Пусть те, кому не жалко денег и сил, на здоровье пытаются повторить этот механизм. Самое интересное, что у них получится работающее изделие. Правда, работать оно будет очень плохо и совсем недолго.

После демонстрации достижений судомоделизма мы вернулись в мою каюту и продолжили беседу, теперь уже на зоологические темы. Я объяснил, что у нас есть очень интересные и полезные животные, но не такие, как в более северных землях. И вот, значит, его величество Илья Первый распорядился попробовать развести овец, свиней, коз и лошадей. Потому как мамонтов в Австралии осталось совсем мало. Лошадь, конечно, намного мельче, но что уж тут поделаешь.

Однако тут выяснилось, что дон Себастьян не только ни разу не видел мамонта, но даже и не представляет себе, что это за зверь. Пришлось достать картинку и показать. На лице коменданта отразилась напряженная работа мысли.

– У нас есть похожие животные, – сообщил он мне. – Правда, они поменьше ваших мамонтов, но намного крупнее лошади. И даже, насколько я знаю, размножаются в неволе. Вот только шерсти у них нет. Называются слонами.

– Как интересно! – изобразил неподдельный восторг я. – Мы тоже про них слышали, но не знаем, где они водятся. А насчет шерсти – не страшно, некоторое мамонты в зрелые годы тоже лысеют, совсем как люди. Тогда мы просто одеваем их в шубы и валенки, а в особо сильные морозы повязываем шерстяные платки. Так что наша империя очень заинтересована в приобретении слоновьей молодежи. За каждую особь мы готовы давать примерно такой камень.

С этими словами я продемонстрировал дону рубин весом около пятнадцати грамм.

Судя по всему, цена показалась дону Себастьяну вполне достойной, и неудивительно – по моим сведениям, за такой камушек, правда, природный, а не искусственный, в Европе можно было купить неплохое поместье вместе с титулом. Так что следующие полчаса мы с алькальдом обсуждали перспективы слоновой торговли. Интересно, где он их собираетесь взять – у испанцев же вроде нет колоний в Индии! Хотя слоны, кажется, и в Бирме водятся. А уж в Австралии они точно лишними не будут, и вряд ли их там придется одевать в шубы.

Около трех часов дня к нам начала поступать заказанная живность. Сначала явился какой-то мелкий церковный служка и привез корзинку с тремя довольно приятными на вид кошками. Правда, одна из них при ближайшем рассмотрении оказалась котом, так что я, немного подумав, вернул его посланцу отца настоятеля. Ибо Ньютон вряд ли потерпит конкурента, и, значит, его ждет весьма незавидная судьба, потому как мой кот существенно крупнее. Потом прибыл купец Гонсало на трех лодках, и к вечеру я стал на пятьдесят пять рублей беднее, зато «Победа» приобрела явное сходство с Ноевым ковчегом. Ничего, капитан Врунгель тоже не гнушался перевозкой всякой фауны, подумал я, глядя, как трех жеребят пропихивают в кают-компанию под аккомпанемент поросычьего визга с кормы.

Глава 10

Мы покинули остров Себу следующим утром. Причем у меня поначалу была мысль выйти в море еще вечером, но, глянув на свою команду, я от нее отказался. Эта самая команда пребывала в полностью неработоспособном состоянии.

Дело было в том, что на острове Чатем хоть сколько-нибудь крупных четвероногих вообще не водилось, даже крыс. Когда мы только появились, поглазеть на Ньютона аборигены сбегались целыми деревнями. Правда, те, кто ходил в новозеландские походы, отличались несколько большим зоологическим кругозором, но все равно зверей они не видели за их почти полным отсутствием и в Новой Зеландии, а птиц наблюдали или издали, или уже в застреленном виде.

Так что теперь команда «Победы» больше всего напоминала малышей из глубинки,

впервые попавших в зоопарк. Особенно отличился Кикиури. Мало того, что его лягнул жеребенок, когда наш матрос решил посмотреть, что у него под хвостом. Так практически сразу после этого старший Канава был укушен поросенком. В общем, в состояние хоть какой-то работоспособности моя команда вернулась только спустя два дня.

До Ильинска мы добрались за полтора месяца. Уже за Новой Гвинеей нас настиг шторм, который «Победа» выдержала отлично, а команда – неплохо. Правда, хоть я и старался держать восточнее, но, когда шторм кончился, справа на горизонте обнаружился Большой Барьерный риф, так что мне пришлось срочно уточнять свои координаты и корректировать курс.

А вот зверью шторм не понравился, особенно лошадям. Они, заразы, заболели. Причем не морской болезнью, что я бы еще как-то понял, а медвежьей! Кают-компания была радикально загажена. И если потом лошадки немного оправились, то жеребенок начал чахнуть и к концу нашего плавания уже просто лежал в лежку. Это мне сильно не нравилось, потому как я где-то читал, что если лошадь легла, то это уже все. Она, мол, всю свою жизнь стоит на ногах. Впрочем, как зоотехник я ненамного превосходил свою команду.

Уход за зверьем был возложен в основном на Кикиури, который уже на четвертый день точно знал, кого чем кормить и какой стороной каждый из наших пассажиров кусается или лягается. Кстати, он явил собой пример стремительного карьерного роста. Выйдя в поход младшим матросом, Кикиури вернулся в Ильинск старшим животноводом, о чем я даже написал соответствующую бумагу. У меня была мысль, что это подвигнет его на изучение грамоты, но он просто каждый вечер просил сына вслух прочитать ему документ, а сам освоить этот процесс не рвался.

В общем, двадцать восьмого декабря тысяча шестьсот девяносто второго года «Победа» пришвартовалась к пристани города Ильинска, столицы великой Австралийской империи. Нас встречал Виктор, швартовочная команда и Ньютон. Причем последний явно догадывался, что именно ждет его на корабле, потому как метался по пристани, время от времени оглашая окрестности истошным мявом. И как только от пристани до борта шхуны стало меньше метра, он прыгнул и, чуть не сшибив оказавшего у него на пути Михаила, с утробным рыком исчез в моей каюте. Ну, а мы потихоньку начали разгрузку привезенной живности.

Ближе к вечеру я ознакомился с тем, что тут было сделано за почти три месяца моего отсутствия. Результаты, мягко говоря, не вызвали повышенного энтузиазма.

Основных строек в Ильинске было две – кирпичный завод и большой корабль, корпус которого уже начал приобретать какие-то очертания к нашему отбытию на Филиппины. К сожалению, эти очертания практически такими же и остались. Несмотря на то, что я спроектировал предельно простую конструкцию, весь центр которой вообще был образован одними прямыми линиями, строители ухитрились просадить размеры двух шпангоутов. И, увидев, что обшивка ложится на один борт явно кривее, чем на другой, обратились к Виктору с вопросом «что делать». Получив честный ответ «не знаю», корабельщики просто прекратили работу.

Аналогичная история произошла и с кирпичным заводом. Сам сарай для него был кое-как закончен, но с кирпичами для обжиговой печи вышла накладка. Их формовали вручную и потом обжигали на костре, но каждая последующая партия получалась хуже предыдущей. Так что после пятой, которая начала рассыпаться прямо в руках у строителей, и тут был объявлен перерыв до появления начальства, то есть меня.

Но сказать, что колонисты все это время бездельничали, не поворачивался язык. Занятие у них имелось, и очень важное. Они обжирались мясом. Все подряд и с утра до вечера! Некоторые уже успели отрастить хоть небольшие, но все-таки животы, чего на Чатеме, насколько я был в курсе, пока не смог достичь никто.

Ведь до прибытия в Ильинск настоящего мяса никто вообще не пробовал – только рыбу, овощи и в умеренных количествах курятину. И пока строился форт, времени на охоту тоже почти не оставалось, да и не умели мориори охотиться. А тут появилось свободное

время, да и кой-какой опыт у охотников наконец тоже образовался, так что местная живность вокруг Ильинска начала интенсивно отстреливаться. Под раздачу попали кенгуру, в основном какие-то небольшие, с собаку размером и серого цвета. И морские котики, которые, как оказалось, тут водятся в приличных количествах. Кроме того, километрах в двадцати от Ильинска обнаружился холм, в котором жили вомбаты. Это было что-то вроде гибрида морской свинки с медведем, обитающее в норах и весящее килограмм двадцать. Поближе познакомившись с этим существом, я наложил запрет на его отстрел. Потому как шкура у него так себе, мясо тоже, но зато этот зверь обладал уникальной особенностью – его какашки имели кубическую форму из-за своеобразного устройства задницы.

А в целом мне пришлось со вздохом отложить свои планы насчет подготовки экспедиции в Европу и впрячься в текучку. Сначала я занялся кораблем. Потому что первый рейс он совершит на остров Чатем, где погрузит на борт нашего монарха и привезет его в столицу империи. И пусть Илья тут строит вертикаль власти – в конце концов, он император или кто? А то ведь вон до чего дошло – первому министру, то есть вашему покорному слуге, некогда даже съездить в Париж! Это есть подрыв авторитета власти, и его надо побыстрее прекращать.

Так что я полдня прыгал вокруг недостроенного остова с лазерной рулеткой, а потом за пару дней прикинул, что, как и где надо доработать по месту, дабы обойтись без переделок уже испохабленного. В результате корабль, и на стадии проектирования не потрясавший воображение техническим совершенством, окончательно превратился в какой-то уют, который при водоизмещении в пятьсот тонн будет иметь даже чуть меньше ста тонн полезной нагрузки. Но зато изделие должно получиться прочным и устойчивым. Правда, тихоходным, но никто и не собирался устраивать на нем трансокеанские заплывы. Сначала он будет ходить между Чатемом и Австралией, а потом его предполагалось использовать как каботажник.

А Виктор неожиданно нашел еще одну область приложения сил, помимо писания исторических хроник и преподавания в начальной школе города Ильинска. Услышав от меня, что привезенный лошадеенок скорее всего скоро сдохнет, он заявил, что не допустит такого. Забрал этого будущего коня к себе домой и, что самое интересное, выходил-таки животину. Во всяком случае, жеребенок уже ходил и приобрел какое-то подобие аппетита. Видя такое дело, я скинул Маслову на ноутбук все материалы по разведению и дрессировке слонов, которые захватил из будущего, о чем пожалел уже через неделю. Потому как Виктор теперь чуть ли не через день приставал ко мне насчет ускорения приобретения этих замечательных животных. И чего, спрашивается, он пошел по исторической линии? Если бы сразу выбрал себе правильный путь, то к моменту отбытия в прошлое был бы уже каким-нибудь заведующим вольером в зоопарке.

В перерывах возни с кораблем я разобрался в кирпичном вопросе. Тут все оказалось очень просто – то есть были нарушены режимы и сушки, и обжига. Главный инженер проекта забыл, как переводить электронные часы в режим таймера. Потом он методом случайного нажатия на всё подряд загнал их в режим установки будильника, а вывести оттуда не смог. Так что все партии, начиная с третьей, делались по принципу «от завтрака до обеда». На мой возмущенный вопрос – неужели трудно было дойти до рации и спросить об этом у Ильи, с которым колония связывалась по два раза в неделю, абориген только развел руками. Столь сложный метод решения проблемы даже не приходил ему в голову, ведь подождать моего возвращения гораздо проще.

Наконец к середине мая корабль, нареченный «Газелью», был готов. Теоретически он являлся трехмачтовой шхуной, потому как на фок-мачте и грот-мачте у него стоял запасной комплект парусов от «Победы». А сзади имелась бизань с косым латинским парусом, сотканным из новозеландского льна. Но, по-моему, наше изделие гораздо больше напоминало калошу, чем шхуну.

Кстати, новозеландский лен, который рос на Чатеме, а теперь нашими стараниями и в окрестностях Ильинска, ко льну имел не большее отношение, чем морская свинка к морю и

свиньям. Скорее он напоминал обыкновенный пырей, но только очень крупный и растущий шарообразными кустами диаметром до двух метров. Его узкие длинные листья имели внутри чрезвычайно прочные волокна, из которых хорошо получались и канаты, и ткань.

Флагман австралийского флота благополучно прошел испытания, на которых показал скорость аж целых семь километров в час на дизеле и столько же под всеми парусами при ветре примерно в четыре балла. Вместе же ветер и мотор разгоняли калашу до девяти километров. В принципе не так уж плохо, плоты, например, иногда плавают и медленнее.

И вот двадцать второго мая девяносто третьего года эскадра, состоящая из «Победы» и «Газели», отправилась на Чатем за императором и барахлом из моего сарая. Я же остался в Ильинске, ибо плавание продлится примерно по месяцу в каждую сторону, а бросать работы на такой долгий срок мы себе позволить не могли. Так что Михаил Баринов, как и его бывший младший матрос, тоже подрос в должности и стал капитаном «Победы». «Газелью» командовал капитан «Волги», месяц назад с трудом дошедшей до Ильинска и снова вставшей на ремонт.

День защиты детей, то есть первое июня, ознаменовался стычкой с австралийскими аборигенами. Человек двадцать решили напасть на пятерых наших охотников и отнять четыре имеющихся у них кенгуриных тушки. Будь это маори, вряд ли охотники вернулись бы домой, несмотря на наличие барабанных ружей. Но австралийцам хватило нескольких выстрелов, после чего они в темпе скрылись, утащив с собой двоих не то раненых, не то убитых. В общем, местное население пока не представляло собой особой опасности для нашей маленькой колонии. Куда больше неудобств доставляли змеи.

Змея для мориори являлась легендарным существом. На Чатеме их не водилось, но исключительно потому, что змеи там были истреблены еще первыми переселенцами задолго до появления Ильи. Причем не столько из-за опасности для человека, сколько потому, что этим переселенцам очень хотелось кушать. И к настоящему моменту змеи на острове сохранились только в передаваемых от отца к сыну сказаниях о необычайно вкусных и питательных существах, похожих на большого червя с зубастой головой.

Прибыв в Австралию и столкнувшись тут с ожившей легендой, колонисты не смогли преодолеть хватательных инстинктов, хотя Илья и предупреждал их о смертельной опасности змеиных укусов. В результате на сегодняшний день у нас имелось уже четыре летальных случая.

У меня же после отбытия «Газели» с «Победой» появилось время обдумать наши стратегические задачи. И очень скоро я пришел к выводу, что мы с Ильей не совсем правильно расставили приоритеты. Было решено, что на начальном этапе главным является подготовка кадров. Так вот, в общем-то это оказалось правильно, но все-таки перед словом «кадров» следовало поставить «руководящих». То есть худо-бедно что-то умеющие рабочие у нас уже имелись, но теперь выяснилось, что этого недостаточно. Нужны были еще и начальники, причем желательно именно во множественном числе.

Всякое новое дело, если, конечно, есть такая возможность, лучше начинать или с модели, или с репетиции, это мой предыдущий жизненный опыт говорил твердо. И здесь возможность была, так что я пригласил к себе Кикиури и развернул перед ним сияющие перспективы. Витиному тестю было сказано, что его теперешний чин, старший животновод экспедиции, достаточно велик. Но это не потолок, ведь можно стать главным животноводом Австралийской империи! Такое звание подразумевает, что его носитель хоть и не сравнялся в ранге с посланцами богов, но довольно сильно к ним приблизился.

Далее я объяснил, что столь значительная фигура, как та, которой предлагается стать Кикиури, просто не может обойтись без вещественных признаков своего высокого положения. В качестве которых кандидату были продемонстрированы светодиодный фонарик с динамкой, часы, индийские штаны с рубашкой, разноцветный дерматиновый ремень и полусапоги из какого-то пластика. Но чтобы заслужить высокое звание, Кикиури должен показать свои способности к руководящей работе. Пусть наберет для начала человек пять помощников и, сам пальцем не притрагиваясь к зверью, обеспечит полное процветание

нашего животноводства. А когда это будет сделано и продемонстрировано, можно будет снова сколько душе угодно играть с поросятами, но уже совмещая подобные развлечения с руководящей деятельностью.

После решения сельскохозяйственных проблем настала очередь и военных. Или, может быть, все-таки полицейских? В общем, я пригласил на чай командира стрелков, ветерана четырех новозеландских экспедиций Саити Хору. Собственно, три десятка вооруженных барабанками мориори при четырех пушках представляли из себя всю сухопутную армию Австралии. И это было единственное подразделение, где уже имелся вполне справляющийся со своими обязанностями начальник. Которому я и предложил заняться проблемой австралийских аборигенов. Потому как воевать-то мы с ними можем, но зачем? Для начала лучше попробовать как-то договориться насчет того, чтобы мы не мешали им, а они нам. А потом, чем черт не шутит, и перейти к взаимовыгодной торговле. Но для этого сначала нужна разведка, затем взятие языка, а лучше двух-трех, для преодоления языкового барьера, а дальше будет видно.

В конце июня Илья радировал, что отплывает на материк, в силу чего я позволил себе пригласить Виктора на стаканчик самогона, отпраздновать скорое появление императора. Потому как надоело мне хуже горькой редьки быть тут гибридом губернатора, главного инженера абсолютно на всех производствах и начальника школы подготовки матросов, коих в ближайшее время нам понадобится много. Виктор же являлся единственным в Австралии человеком (кроме меня, естественно), который знал, что продукцию нашего химкомбината можно пить.

Этот комбинат представлял из себя три сорокаведерных самогонных аппарата и пять двухсотлитровых железных бочек. Два аппарата гнали первач, в третьем продукт подвергался второй перегонке. После чего в бочку рапсового масла добавлялась канистра спирта и досыпалось полведра золы. Затем бочка ставилась на огонь, где в ней поддерживалась температура порядка шестидесяти градусов. После трех часов подогрева с непрерывным помешиванием содержимое отстаивалось, фильтровалось через тряпку, и в результате получалось очень неплохое дизтопливо. Кроме того, аппараты производили и топливо для трицикла, который, как и предсказывал в далеком будущем шофер Серега, оказался чрезвычайно ценным приобретением.

Квадроциклы пока наотрез отказывались работать на спирту местного производства, а бензина оставалось всего шесть бочек. Тульское же изделие бодро тарахтело на смеси самогона двойной перегонки с рапсовым маслом и не чувствовало от этого никаких неудобств, разве что свечи приходилось чистить чаще.

– Это хорошо, что скоро приплывает Илья Антонович, – согласился Виктор, закусив рюмку топлива тушеной под листьями какой-то местной бузины кенгурятиной. – Потому как без него мориори не то что дичают... даже толком выразить не могу. Им ничего больше не нужно, вот! Еда есть, дети сыты и здоровы, а если какой заболит, так и нового родить недолго. Не холодно, не мокро – чего еще надо?

– Во-первых, так себя ведут не все, – уточнил я. – Те, кто давно отирается возле Ильи, уже слегка прониклись новыми ценностями типа положения в обществе и карьеры. Тут, кстати, придется проследить, чтобы эти самые новые ценности не гипертрофировались. Ну, а остальные... им пока всего хватает. Но скоро уровень жизни «новых мориори» настолько превысит их собственный, что им не захочется и дальше, образно говоря, лежать под пальмой. Которых тут нет, чему я до сих пор не могу нарадоваться. Кенгуру все-таки сами в рот не прыгают, за ними еще побегать надо. В общем, я надеюсь на один из главных двигателей прогресса – людскую зависть. Потому что иначе после нас все очень быстро скатится в первобытное состояние, а потом сюда явятся цивилизованные европейцы, и на этом с историей австралийского народа будет покончено.

Глава 11

Встреча императора со своими подданными прошла торжественно. Армия выстроилась у пристани почти совсем ровно, а при сходе его величества с корабля даже ухитрилась взять барабанки «на караул». После чего раздался залп из всех четырех пушек, а затем заиграла музыка и народу было выставлено угощение – квас моего производства, в который я еще добавил спирта из расчета литр на ведро. Илья, правда, рвался тут же приступить к разгрузке «Газели» или как минимум к устройению прибывших с ним еще двух сотен колонистов. Однако я убедил его, что новичков прекрасно проводят до сарая, где им поначалу предстояло жить, и без него. Разгружать же корабль на ночь глядя ни к чему, мало ли, что там может урониться или вовсе утонуть. Илья согласился, и мы с ним проследовали ко мне. У меня уже был свой небольшой полтораэтажный домик, ну, а императорский дворец еще и не начинали строить, хотя место под него было уже найдено и размечено.

С утра же началась разгрузка, в которой император принял самое деятельное участие, да и я тоже не отставал. Причем не только в смысле руководства, но и в качестве грубой физической силы. Потому как Илья был как минимум вдвое тяжелее и вчетверо сильнее любого из островитян, исключая разве что своего старшего сына и меня. Мы уступали ему по каждому из параметров не более чем в полтора раза. Вообще, конечно, голый по пояс император, в одиночку вытаскивающий из трюма двухсоткилограммовый фрезерный станок, являл собой довольно колоритную картину, которую Виктор даже успел запечатлеть для истории на цифровой фотоаппарат. Когда-нибудь на основе этого снимка придворный живописец изобразит эпохальное полотно, думал я, подводя лом под станину токарного станка, чтобы Михаил с Николаем смогли просунуть под нее край тележки. Ибо этот станок весил слегка за полтонны, и вытащить его на руках было уже проблематично.

Только поздним вечером все, привезенное «Победой» и «Газелью», наконец оказалось на берегу. Завтра Илья займется своими прямыми императорскими обязанностями, а я начну подготовку к следующей экспедиции. Но, увы, не в Европу, а снова на Филиппины. Железо следовало ковать, пока оно горячо. То есть пока на острове Себу заправляет достойнейший дон Себастьян де Вальдоре, а у него в знакомцах ходит некий господин Гонсало, который перед нашим отбытием достаточно толсто намекнул, что лично он не горит желанием воспринимать правила колониальной торговли как догму. При наличии обоюдной выгоды и соблюдении элементарных мер предосторожности данные правила можно будет трактовать достаточно широко, заверил меня почтенный купец. Илья же со своей стороны попросил меня лично произвести еще хотя бы одну торгово-закупочную экспедицию.

Подготовка к ней началась с того, что я подошел к небольшому домику, по моему распоряжению недавно возведенному чуть в стороне от форта, и прикрепил к его двери табличку. Причем буквами внутрь, ибо это был совершенно секретный объект. Надпись же на табличке гласила:

«Первая Ильинская разведшкола имени М.О. фон Штирлица».

Несколько кандидатов обоих полов я уже нашел, и следовало в темпе начинать обучение австралийских Абелей, Скорцени и Мат Хари.

Разумеется, я не надеялся за два-три месяца подготовить приличных агентов. Но кое-какие навыки я им привить успею, а двое из них уже умеют обращаться с радиостанцией вплоть до представления об азбуке Морзе. Слава богу, хоть шифровальному делу их учить не надо, по крайней мере срочно. Ну и в процессе преподавания испанского я и сам маленько подучу этот язык, что тоже не будет лишним. Но вот к моменту путешествия в Европу, пожалуй, очень не помешает иметь хоть как-то функционирующую разведку, которая поначалу будет совмещена с диверсионной службой.

Однако в процессе обдумывания грядущего визита на Филиппины меня посетила и еще одна мысль, так что я в очередной раз пригласил Виктора на ужин.

– Видишь ли, – сказал я ему, – приличное государство обязано в числе прочих иметь и религиозные структуры. И хоть у нас законодательно закреплена веротерпимость, все-таки основная масса австралийского народа придерживается христианства.

В этом месте физиономия моего собеседника выразила такое удивление, что мне

пришлось уточнить:

– Во всяком случае, так я сказал испанцам. И вряд ли сильно отклонился от истины, потому как кто сказал, что бог мориори Ио – это не Иисус Христос, только с сокращенным именем? Буквы-то совпадают. И биографии похожи, если взглядеться повнимательней.

– Так ведь нет же у Ио никакой биографии! – возразил сбитый с толку Маслов.

– Я про это и говорю. Раз нет – надо написать! А потом обнаружить в ней явное сходство со всеми четырьмя евангелиями. И, кроме того, не помешает продумать саму историю возникновения христианства в Австралии. Мне почему-то кажется, что его сюда привнес апостол Фома.

Виктор по-прежнему был далек от понимания вставшей перед нами проблемы, поэтому я пояснил:

– Петр не годится, его уже приватизировала католическая церковь. Андрей тоже, потому как известен конец его жизни. Иуда не подходит по совершенно очевидной причине. А больше я из апостолов никого, кроме Фомы, и не знаю. Впрочем, это уже на твое усмотрение, вот тебе флешка, тут почти четыре гига про все это. В общем, а не стать ли тебе по совместительству главой австралийской христианской церкви? Поначалу исключительно для внешнего представительства.

Самое интересное, что особого протеста эта идея у Вити не вызвала, и уже минут через пять он согласился.

– Значит, я буду патриархом? – уточнил Маслов.

– Нет, это, пожалуй, не очень хорошо, ведь патриарх – однозначно православный сан, а у нас независимая церковь. По аналогичной причине не годится и папа со всякими кардиналами. Действительно, здесь не мешает подумать...

Тут я вспомнил недавно сочиненную вывеску к только что основанному рассаднику культуры, и меня осенило.

– Как Христос назвал свою команду? Пастырями! Вот и у нас глава церкви так и будет называться – пастырь. А более мелкие иерархи получатся прибавлением уточняющей добавки спереди. Например, наш аналог митрополита – это группенпастырь. Епископа – бригаденпастырь, архимандрита – штандартенпастырь, и так далее.

– А кто такой архимандрит?

– Я-то откуда знаю? Посмотри на флешке, там все должно быть.

Через неделю после своего прибытия в столицу император наконец-то разобрался с неотложными делами и нашел время для выслушивания моего подробного отчета о визите в Себу и произошедших в процессе одного события.

– Зря ты катишь бочку на строителей галеона, – сказал он мне, когда я дошел до описания утопления этой посуды. – Ты просто не учел особого характера подводного взрыва. Ведь вода-то практически несжимаема, и вся энергия пошла в ограниченный объем носовой оконечности. Если бы корабль был железный, то часть ее погасилась бы в процессе пластической деформации, а в случае деревянного – увы. Кстати, тут тебя подвел излишний гуманизм. Привинтил бы мину к середине корпуса, корабль бы тонул в несколько раз дольше. Хотя, конечно, при этом увеличивался риск взрыва крьюйт-камеры.

Когда я дошел до описания показа модели турбопарохода, Илья заметил:

– Вообще-то неплохо бы создать теорию регрессорства, чтобы все было по науке. А то ведь и револьвер, и паровая турбина получились в результате импровизации. Ладно, это дело я возьму на себя. Хотя навскидку твой кораблик нравится мне куда больше кремневого револьвера. Ведь тому не хватает только капсюлей, чтобы стать приемлемым оружием. Даже с теми конструктивными извращениями, которые ты туда понапихал. А работоспособную судовую турбину в ближайшие сто лет ни у кого построить не получится, включая даже и нас. То есть там не одна, а как минимум четыре ключевых трудности, на данном уровне развития непреодолимые. Материалы, центровка, подшипники и редуктор. Может, придумаешь еще что-нибудь в дополнение к револьверу, чтобы и там их стало хотя бы две? Раз уж твой дон и на барабанку облизывался. Кстати, давно хотел спросить. Зачем у нее

рукоятка перед барабаном, ведь за цевье при выстреле держаться ничуть не менее удобно?

– Тут дело в том, что у безгильзовых барабанов есть одна неприятная особенность – при выстреле в принципе может шарахнуть и в соседней камере. Я, правда, сделал в барабанах латунные вставки, по сути неизвлекаемые гильзы, но мало ли, береженого бог бережет. Ведь если держаться за цевье, то такой нештатный выстрел получится как раз в руку. А если за рукоятку, то пуля пройдет выше.

– Что-то я в твоём подарочном револьвере не припоминаю никаких вставок, – усмехнулся Илья.

– Естественно, там-то они зачем? Все равно стрелку ничего не будет, лишний выстрел просто изуродует сам револьвер, и все.

На следующий день я во исполнение рекомендации императора прикинул, что нужно сделать с барабанным ружьем, чтобы его можно было безболезненно продать или подарить дону Себастьяну. Итак, почему такая конструкция не получила распространения? Да потому что энергия и без того слабого патрона расходовалась еще и на утечку газов в щель между стволом и барабаном, и такое ружье мало отличалось от револьвера в смысле дальности и убойной силы. Наша барабанка была лишена этого недостатка, потому что барабан, кроме вращения, двигался еще и поступательно, перед выстрелом насаживаясь на выступ ствола. Вот это и надо убрать, а герметичность обеспечить минимизацией зазора между стволом и барабаном. Скажем, пять соток точности я на своем станочке вполне выдам, этого хватит. Но повторить подобное здесь не сможет никто, это раз. А два – даже если какой-нибудь уникум сможет свести зазор к полутора-двум десятым миллиметра, клинить такое ружье будет от малейшего загрязнения. Так, с общей идеей ясно, осталось продумать способ воспламенения. Пожалуй, для подсыпки пороха сойдет такая же затравочная камера, как в револьвере, а воспламенять его будет колесцовый механизм, заводимый при движении затворного рычага назад. Я даже начал рисовать реечно-шестеренчатую передачу этого самого завода, но потом вспомнил, что самому же придется ее делать, и решил быть проще. В конце концов, если к затвору привязать шнурок, другим концом намотанный на ось колеса-поджигалки, то это тоже вполне себе будет работать.

А в обед сыновья Барина, в данный момент снова пребывающие в ипостаси боевых пловцов, принесли мне заказанное, то есть двух небольших кольчатых осьминогов. Эти, пожалуй, самые ядовитые животные Земли обитали километрах в десяти от Ильинска, на мелководье. Хорошо хоть они совершенно не агрессивные! То есть укусят только тогда, когда на эту тварь наступишь. Зато после укуса жертве не хватит времени прочесть даже короткую молитву. Мне же теперь предстояло заняться прикладной фармацевтикой, то есть попытаться выделить яд из слюнных желез этих милых созданий. Потому как не барабанными же ружьями вооружать наших разведчиков! А вот казавшийся мне поначалу абсолютно бесполезным пневматический «Макаров», захваченный в прошлое Виктором, тут будет в самый раз.

Так что я поблагодарил парней и сказал, что, кроме осьминогов, мне нужен пяток небольших попугаев – причем живых и абсолютно здоровых. За каждого я готов давать резину для рогатки или еще что-нибудь полезное, так что пусть пацаны из тех, что помоложе, попробуют себя в качестве охотников.

Нет, я не собирался наподобие какого-нибудь капитана Флинта податься на большую морскую дорогу с кричащим «Пиастры, пиастры!» попугаем в каюте. Специально выходить в море ради того, чтобы там кого-нибудь ограбить, не входило в наши планы. В конце концов, пиратство, что бы там ни писали всякие романисты, далеко не самое благородное занятие. Правда, если на наше мирно идущее по своим делам судно кто-нибудь нападет, то вот его избавить от лишних ценностей, включая, естественно, и сам корабль, будет очень к месту. Но попугаи мне были нужны для других целей.

Самым важным в работе любой разведки является связь. Что толку в добывании пусть даже важнейших сведений, если они не будут вовремя доведены до своих? И поэтому у наших Джеймсов Бондов, заброшенных на Себу, будет рация.

Но просто так отправлять агентов, имеющих за плечами всего лишь два месяца обучения, однозначно означало сразу их потерять. А вот если на месте окажется кто-то, который поможет им легализоваться в качестве, например, своих новых туземных слуг, ситуация уже получится совсем другая. И этот «кто-то», или, называя вещи своими именами, пламенно любящий деньги почтенный господин Гонсало будет, естественно, в курсе тайной миссии моих людей. Более того, ему скажут, что через них он сможет в любой момент связаться со мной. Но про рацию ему знать необязательно, поэтому купцу покажут попугаев. Способных запомнить сообщение объемом до пятидесяти пяти слов и на манер почтового голубя долететь с ним до ближайшего нашего поселения, откуда оно уже большим курьерским орлом будет доставлено в Австралийскую империю.

С приездом Ильи наконец пришло время вспомнить, что всякое уважающее себя государство должно иметь не только сухопутную армию и военно-морской флот, но и авиацию, а очень уважающее – еще и ракетные войска. Так что во исполнение данного пункта сразу после разведшколы я открыл еще одну, летную. В первом потоке у меня было три курсанта – четырнадцатилетний сын Ильи Вася, этот уже от средней жены, и двое его приятелей похожего возраста. В качестве материальной части имелся мотодельтаплан, который был привезен в Ильинск на «Газели». Вообще-то я хотел захватить его еще первым рейсом, но тогда «Победа» была так нагружена, что вопрос стоял ребром – или трицикл, или дельтаплан. Вздыхнув, я выбрал более полезный на начальном этапе колонизации трицикл, но теперь император привез-таки своему первому министру его любимую игрушку.

В принципе я не собирался ограничивать наш воздушный флот одной этой единицей. Я же говорил, что захватил из будущего довольно много авиамоделейных двигателей? Так вот, для тех, кто представляет их в виде моторчика, помещающегося в кулаке, уточню. Они бывают разные. В частности, ZDZ-420 имеет мощность тридцать пять лошадиных сил при весе менее десяти килограмм. После того как я приделал к такому движку понижающий редуктор под двухметровый винт, его тяга составила без малого семьдесят пять кило. А это означало, что такой силовой агрегат легко поднимет в воздух самолет с взлетным весом до трех с половиной центнеров, а в перегрузе – и больше четырех. То есть способный нести как минимум пятидесятикилограммовую бомбу. А зажигалки такого веса с запасом хватит любому здешнему кораблю. Если же сделать аэроплан с двумя такими моторами, то по меркам текущего времени это будет стратегический бомбардировщик.

Так вот, таких зет-ди-зетов у меня было шесть штук плюс столько же полных комплектов запчастей для капремонта.

Хотя создание воздушного флота и не стояло в списке первоочередных задач, кадры для него следовало начинать готовить заранее, чем я и занялся. Тем более что пилоты требовались не только для гипотетических самолетов, но и для радиоуправляемых моделей, которые у нас уже имелись.

В середине сентября все неотложные дела были если не закончены, то хотя бы приведены в состояние «дальше уж оно как-нибудь само пойдет». И девятнадцатого числа «Победа» отправилась в свой второй поход на Филиппины. На сей раз на ее борту было восемь человек. Капитаном так и остался Михаил Баринов, я же стал при нем адмиралом, ну и руководителем экспедиции заодно.

Глава 12

Первую половину пути мы проделали даже немного быстрее, чем в прошлый раз, благодаря свежему юго-восточному ветру. Но уже при входе в Соломоново море он начал слабеть и менять направление против часовой стрелки, а когда мы вышли к острову Новая Ирландия, ветер уже был северо-восточным и еле заметным. Я как раз прикидывал, не предложить ли Мише запустить дизель, как появился новый повод для размышлений.

По результатам первого филиппинского похода «Победа» была немного модернизирована, то есть на фок-мачте появилась корзина для наблюдателя, в случае

необходимости могущего превратиться в стрелка. Потому как низкая палуба нашего кораблика не позволяла вести эффективный ружейный огонь по более высокому противнику, а встретиться нам могли в основном именно такие.

– Парус на горизонте! – закричал дежуривший в корзине Толя.

Вскоре выяснилось, что парус не один. Наперерез нашему курсу шли, а точнее ползли, два корабля – трехмачтовый и чуть отстающий от него двухмачтовый. Но все-таки для них ветер, хоть и очень слабый, был почти попутным, а нам он дул под углом шестьдесят градусов к курсу, так что мы двигались еще медленнее.

Прикинув, куда направляются обнаруженные суда, я посоветовал Михаилу не торопиться с дизелем, а сам полез за «Орлом». Ибо шли они точно к острову, где в этом месте не было ничего интересного, а, значит, на самом деле им нужны мы.

Разведывательный полет показал, что первый корабль – это фрегат шестого класса по английской классификации, то есть имеющий всего одну батарейную палубу с восемью пушками по каждому борту. Вторая посудина оказалась бригантиной. Наш самолет не вызвал особого интереса, потому что ближе километра к гостям я его не подводил.

– Думаете, на нас хотят напасть? – поинтересовался Михаил, когда мы вытащили вернувшегося разведчика из воды.

– Кроме этого, при таком курсе они могут только выброситься на берег, – обратил его внимание на очевидную вещь я. – Через пару часов они прижмут нас к острову, причем ветер будет у них.

Вообще-то мы вели себя несколько неправильно для незащищенной жертвы. Ведь единственная возможность спастись была в том, чтобы сразу после обнаружения этих кораблей развернуться и со всей возможной скоростью дуть назад, мы же продолжали ползти прежним курсом. И через два часа фрегат был уже менее чем в километре справа-спереди от нас. Тут на его носу возникло облако дыма, и вскоре метрах в двухстах перед нашим кораблем в воду плюхнулось ядро.

В прошлый визит я уточнил у дона Себастьяна насчет дальности здешних пушек. Выяснилось, что у меня были несколько преувеличенные представления о предмете. Я, например, считал, что двадцатичетырехфунтовая пушка может стрелять на полтора километра.

– Стрелять-то она может, – рассмеялся дон, – но вот попасть – увы.

В общем, дистанцией, с которой вообще имело смысл открывать огонь, тут считалось восемьсот метров. Но обычно корабли сближались метров на триста и только тогда начинали палить друг в друга.

То есть нам явно предлагали не рыпаться и с философским спокойствием отнестись к тому, что в ближайшее время произойдет небольшой передел собственности. О чем говорил и черный флаг, взвившийся на фрегате.

– Нас грабят, – радостно сообщил я капитану. – Для начала попробуем ракеты, артиллерия пусть пока помолчит. И пора, пожалуй, заводить дизель и делать поворот на девяносто градусов вправо.

– Мы же подставимся под бортовой залп фрегата!

– Увы, придется рискнуть. А иначе его надо топить, чего лично мне совершенно не хочется. Вряд ли они попадут с такой дистанции, даже если и откроют огонь.

На палубе уже лежали три готовые к запуску ракеты, и я установил на катапульту первую. Это были не классические ракеты, а с небольшими крыльями и самолетным хвостовым оперением, то есть самолеты-снаряды наподобие Фау-1, только гораздо меньше и с твердотопливным двигателем. Телекамер они не имели, наводить надо было с корабля и на глаз. Впрочем, на восемьсот метров это не трудно. Так что я поджег фитиль, дернул рычаг катапульты и взялся за рычажки пульта радиоуправления. Блин, фитиль горел слишком долго, моя ракета сейчас плюхнется в воду! Но нет, буквально в полуметре от поверхности из ее хвоста со свистом вырвался сноп огня, и наш подарок полетел к бригантине.

Все-таки Илья прав, думал я, наблюдая в бинокль за результатами попадания.

Аммонала, правда, сейчас сработало в два раза меньше, чем было в мине, но результат получился вообще несравнимым. Всего лишь рваная дыра в борту средним диаметром метра полтора. Ладно, запускаем еще одну и попробуем положить ее поближе к ватерлинии, а то я первый раз взял слишком высоко.

Вторая ракета сработала лучше, дырка получилась где надо, и туда хлынула вода. На всякий случай я добавил третью ракету, после которой бригантина быстро завалилась набок и вскоре утонула. А мы тем временем уже разогнались до десяти километров в час и потихоньку заходили фрегату с кормы. Он так и не выстрелил, когда «Победа» на короткое время подставила ему борт. Толя уже спустился с мачты, и теперь на его место лез Вака с «Тигром» за спиной.

Через сорок минут диспозиция выглядела так.

Фрегат держит курс точно на остров, до которого три с небольшим километра. Его скорость – полтора километра в час. В трехстах метрах сзади находимся мы. Кормовая пушка фрегата молчит, Вака выстрелил уже пять раз. То есть, скорее всего, именно столько трупов у той пушки и валяется. Ведь сейчас практически штиль, море спокойное, а Вака с самого начала похода периодически залезал в это воронье гнездо и тренировался стрелять при куда большей качке. И теперь, скорее всего, у команды фрегата кончились желающие попробовать выстрелить из этой одиноко торчащей на корме пушки.

Пора было переходить к завершающей фазе конфликта, и Михаил чуть прибавил хода, а Вака снова открыл огонь, теперь уже по всем, кого он вообще видел на фрегате. Когда до него осталось метров сто, я взял мегафон и предложил лечь в дрейф, после чего отправить к нам капитана для переговоров. Нам нужен фрегат, пояснил я, и мы его все равно получим. Берег тут песчаный, глубины небольшие, так что корабль не получит повреждений, даже сев на мель. Но в этом случае мы не оставим в живых никого, а так у команды есть шанс.

В принципе они могут просто взорвать свою посудину, подумал я, и тогда она нам точно не достанется. Но, видимо, мысль о столь беспримерном подвиге не нашла отклика у пиратов, и вскоре у нашего борта покачивалась шестивесельная шлюпка, а я беседовал с капитаном «Ястреба», так назывался фрегат, Джулианом Поупом.

– Перед вашей командой три возможности, – пояснил я. – Первая – это довести фрегат до Себу, там принять груз и проследовать с ним до Австралийской империи. После чего вас высажат на ближайший необитаемый остров, и делайте там что хотите. Вторая начинается так же, но у нее другой конец. В Австралии вы принимаете на себя определенный объем работ, который будет рассчитан примерно года на три. Тогда по завершении вас доставят в Европу или высажат по пути в любом месте по вашему желанию. И, наконец, третий путь – на небо. То есть любой другой образ действий приведет к тому, что мы убьем всех. И черт с ним, с фрегатом, даже если его и придется потопить. Сейчас от вас требуется всего лишь согласие сопровождать нас до Австралии, а о своей дальнейшей судьбе можно будет подумать и в пути.

После того, как пиратский капитан согласился, я немного рассказал ему о чудесах далекой Австралийской империи. В частности, о снежных алмазах, за который сошла стекляшка со светодиодной подсветкой. Эти камни, объяснил я, обладают алхимическим сродством. То есть если кристалл аккуратно распилить строго по трансцендентной оси, то любое воздействие, оказанное на одну половину, тут же передастся другой. И неважно, на каком расстоянии друг от друга они будут находиться. После чего не пожалел радиодетонатор, двухсотграммовую аммоналовую шашку и кусок пенопласта для демонстрации озвученных свойств. Посмотрев, как за бортом от нажатия моей кнопки грохнул небольшой взрыв, сэр Джулиан помрачнел лицом, но безропотно взял ящичек с радиостанцией, аккумуляторами и кое-чем еще.

– Это надо поставить в кюйт-камере, – пояснил я. – Если вы поведете себя разумно, то от него не будет ничего, кроме пользы, ибо с его помощью можно при необходимости говорить со мной. Если же фрегат по какой-либо причине удалится более чем на милю от шхуны или произойдет еще что-нибудь подобное, то, я думаю, последствия вы и сами

неплохо себе представляете. Да, и вот еще что. На Себу вам будет погружен домашний скот. Если в пути произойдет падеж, то за каждую недостающую голову мы расстреляем по пять человек из команды. А если он будет значительным, в это число обязательно попадете и вы лично.

Убедившись, что собеседник прекрасно меня понял, я сердечно с ним попрощался. И вскоре фрегат повернул на северо-запад и потихоньку двинулся к Филиппинам, а в кильватере у него следовала «Победа». Я же прошел в свою каюту, включил монитор и вскоре рассматривал картинку, передаваемую телекамерой в презентованном пиратам ящике. Сначала на экране была темнота, а после включения подсветки стало видно, что ящик стоит меж каких-то бочек. Тут в динамиках раздалось чье-то потрясенное чертыхание. Нормально, подумал я, подав сигнал на выключение подсветки и камеры. Даже если это и не кроют-камера, то все равно трюм, а килограмм аммонала – вещь серьезная. Но вряд ли джентльмены удачи рискнут обманывать меня так сразу, ведь они еще и не убрали с палубы всех покойников. В общем, мы неплохо выполнили указание императора – по возможности воздерживаться от проявлений избыточного гуманизма. Ибо до появления представлений о сверхценности каждой человеческой жизни ждать надо еще лет двести, а пока придерживающийся подобных взглядов покажется окружающим просто идиотом. Самое печальное, напутствовал меня Илья, что в этом они будут полностью правы.

Фрегат оказался неплохим ходоком, и на одиннадцатый день пути мы подошли к острову Себу. «Ястребу» было указано место в самом дальнем углу бухты, а мы встали примерно там же, где в прошлый раз. И вскоре к нам уже спешила шлюпка с алькальдом и, как выяснилось, господином Гонсало. Мы поздоровались, после чего я пригласил гостей к столу. Однако дон Себастьян сказал, что он очень извиняется, но ему чрезвычайно любопытно посмотреть на... на...

Тут дон начал озирается, явно соображая, что бы такое назвать.

Ясно, подумал я, почтенный Гонсало хочет сообщить мне что-то наедине, а честнейший алькальд тут абсолютно не при чем.

– На ваш механизм подъема якоря! – наконец нашел подходящий объект дон Себастьян.

Пока благородный дон глазел на электромотор с цепной передачей, мы успели обсудить потребности Австралии в домашнем скоте, его цену и способы доставки на борт «Ястреба». А потом явился удовлетворивший свое любопытство комендант, и мы приступили к трапезе, сопровождаемой неспешной беседой.

Выяснилось, что рассказ донна о почти годовой давности событиях в порту встретил полное понимание у губернатора Манилы, которое после демонстрации нашего с доном документа перешло в одобрение. Более того, губернатор поставил там и свою подпись, а также передал, что ждет нас в своем городе. Еще одна новость состояла в том, что на Себу теперь имелся свой губернатор – его мигом вышибли с Манилы и велели отправляться к месту исполнения своих обязанностей.

– Передайте его превосходительству приглашение посетить борт «Победы», – отреагировал я.

– Передам, – усмехнулся дон, – но вряд ли господин губернатор сможет нанести вам визит. У него... э... проблемы со здоровьем. Он и раньше-то был не очень равнодушен к рому, а после этой истории пьет вообще непрерывно.

– Жаль, – вздохнул я, – тогда будьте так добры передать ему мой скромный подарок.

Засим дону была вручена газовая зажигалка, богато украшенная рубинами и сапфирами.

Потом я еще маленько рассказал о жизни в нашей империи. Подчеркнул ее огромные размеры, и дон спросил, как же мы путешествуем по ледяным просторам.

– Во-первых, на буерах, – пояснил я и рассказал, что такое буер. Объяснил, что по ровному льду он может идти почти против ветра, и с приличной скоростью. После чего добавил, что основным видом каторжных работ у нас является заливка ледяных дорог для

буеров.

– Там же, где дороги проложить невозможно, мы путешествуем на воздушных кораблях, – продолжил я свой правдивый рассказ.

Как и ожидалось, в этом месте лица собеседников выразили самое неподдельное изумление.

– Неужели у вас их нет? – в свою очередь удивился я. – Но это же так просто! Если хотите, я покажу вам модель, мы их используем для определения скорости ветра на разных высотах.

Дон с купцом выразили живейшее согласие, и вскоре я демонстрировал маленький, чуть больше метра диаметром, тепловой воздушный шар, склеенный из тонкой папиросной бумаги. Его подвесили к рее, я разжег горелку, и шар начал помаленьку приобретать форму. Я же тем временем объяснял:

– Дым всегда поднимается вверх, вы заметили? Так вот, это происходит потому, что горячий воздух легче холодного. А закон Архимеда действует не только в жидкости, но и в атмосфере, которой мы с вами окружены со всех сторон. Значит, если определенный объем горячего воздуха заключить в достаточно легкую оболочку, то, поднимаясь сам, он поднимет и ее. А если оболочка будет очень легкой, шар сможет поднять груз.

К этому времени мой монгольфьер уже надулся, я отцепил его от реи и отправил в полет – на нитке, естественно, чтобы далеко не улетел. Минут через пять сухой спирт в горелке кончился, и я потихоньку подтянул шар к себе. Вытащил из его верхушки затычку, после чего аккуратно сложил изделие и предложил дону Себастьяну:

– Если хотите, могу подарить это вам.

– Да, конечно, – сказал пораженный моей щедростью дон. – Но, значит, если сделать такой же шар, только во много раз больше...

– То на нем спокойно можно будет летать, – закончил его мысль я. – Совершенно верно, я потому и сказал, что это очень просто. А чтобы шар летел в нужную сторону, его можно вместо простой горелки снабдить паровой турбиной, которую я вам показывал в прошлый раз. Причем для воздушного винта даже не потребуется редуктора, его можно сажать прямо на вал.

Вот так, подумал я, глядя на дона, аккуратно укладывающего подарок в прилагаемую к нему коробку. Пусть теперь строят воздушные линкоры! Ведь как будет здорово, когда просторы пятого океана начнут бороздить бумажные монгольфьеры с паровыми турбинами. В конце концов, разве не о таком всю жизнь мечтал Жюль Верн?

Ближе к десерту беседа дошла и до фрегата.

– Если бы он не пришел с вами, я бы сказал, что это корабль английской постройки, – заметил купец.

– Вполне возможно, что и английской. Это наш трофей. Мы мирно плыли к вам, когда на нас напали эти нехорошие люди. Ничего не поделаешь, их пришлось пленить, а корабль объявить собственностью Австралийской империи. Однако, дорогой господин Гонсало, позвольте мне исправить одну маленькую несправедливость. Ведь мы с вами давно и плодотворно сотрудничаем, причем я надеюсь, что в будущем этот процесс продолжится и разовьется. Но ни одного подарка от нас вы еще не получили! Во исправление данного прискорбного недоразумения будьте так добры принять.

С этими словами я вручил почтенному купцу барабанное ружье, внешне неотличимое от тех, что были у наших матросов. И показал, что надо делать для выстрела и как снимать крышку для подсыпки пороха в резервуар и чистки колесцового механизма. В общем-то конструкция не сильно отличалась от подаренного в прошлом году револьвера, так что дон с купцом заинтересовала только леска, намотанная на ось колеса-воспламенителя, а другим концом прикрепленная к затвору. Я был готов к подобному вопросу, и ответ последовал мгновенно:

– Это жила из левой задней ноги хихервохера.

Естественно, собеседники захотели узнать, кто это такой.

– Ну, – развел руками я, – как вам сказать. Он такой зеленый и прыгает коленками назад.

– Саранча? – догадался дон.

– А теперь я не знаю, что это за зверь, у нас такого не водится. Дон Себастьян, вы мне его не нарисуете?

Я подвинул коменданту бумагу и карандаш, и он, не чинясь, неплохо изобразил кузнечика.

– Да, наш хихервохер довольно похож на это животное, – кивнул я. – Только он покрыт шерстью и имеет вот такую морду.

Далее к голове кузнечика были пририсованы челюсти от крокодила.

– Интересно, какого он размера? – поинтересовался купец, с опаской глядя на рисунок.

– Примерно с кошку, – успокоил я почтенного Гонсало.

Дона же заинтересовал вопрос, почему для извлечения жил нужна именно такая нога.

– Так ведь у него толчковая – левая!

На этом обед был закончен. Завтра «Победе» и «Ястребу» предстояло выйти в море и пройти примерно пятьдесят километров до северной оконечности острова, где имелась небольшая бухточка, гораздо более пригодная для наших дел с господином Гонсало, чем порт Себу.

Глава 13

Благодаря любезно согласившемуся проводить нас до Австралии фрегату мы могли теперь загрузить раз в пять больше всяких животин, чем в прошлый раз, и почтенный Гонсало просто цвел. Еще бы, ведь по самым скромным подсчетам он имел на этом ну никак не меньше двухсот процентов чистой прибыли. А вполне возможно, что и все триста. И, значит, настала пора предложить ему еще немного повысить свое благосостояние. Так, слегка, для начала раз в десять. И за ужином в моей каюте, где мы малость обмыли удачное завершение сделки, я сделал своему партнеру предложение, от которого он не смог отказаться. В основном потому, что совершенно этого не хотел. И всего за два мелких необработанных рубиновых осколка я был клятвенно заверен, что двое моих парней будут не только приняты в качестве мальчиков на побегушках, но и обучены началам непростого торгового ремесла.

Далее я посетовал купцу, что плавать в такую даль, как Себу, наобум не очень хорошо. Лучше, если о нашем появлении тут будут узнавать заранее и соответствующим образом готовиться. Кроме того, уважаемый Гонсало наверняка понимает, насколько важна в торговом деле информация, причем всякая. Политическая, экономическая, военная. Ведь мы только недавно узнали, что Испания сейчас воюет с Францией!

Купец это прекрасно понимал, и поэтому десятиграммового сапфира в качестве аванса ему вполне хватило.

Кстати, ничего особенного в его поведении не было. Он не продавал родину, тут пока просто не было такого понятия. И не только купцы, но даже канцлеры в открытую брали деньги у всех подряд, включая и своих теперешних противников. Почтенного Гонсало больше заинтересовало, почему я, будучи герцогом, занимаюсь таким нехарактерным для столь знатного человека делом, как торговля.

– Так ведь и английская знать, насколько мы в курсе, не брезгует подобным. Правда, не очень это афиширует, тут вы правы. Но у нас совсем другие порядки. Знатнейшие роды Австралии гордятся своими торгово-промышленными успехами! Более того, за выдающиеся достижения на данном поприще вполне возможно и обретение титула, такое у нас случается довольно часто.

После ужина купец откланялся. Завтра он должен был доставить припасы для экипажа «Ястреба», после чего мы двинемся в обратный путь. Но с самого утра мне предстоял визит

на пленный фрегат.

Вообще-то поначалу я туда вовсе не собирался. В конце концов, про падеж животных я им объяснил достаточно определенно. Но Кикиури вдруг уперся рогом и заявил, что он не бросит своих зверей на произвол судьбы. В качестве животноводов команда «Ястреба» ему ни малейшего доверия не внушала.

И вот вскоре после рассвета почти вся наша команда погрузилась в две лодки и двинулась к захваченному кораблю. На «Победе» оставался один Миша Баринов.

Четверо моих людей были вооружены автоматами, двое – карабинами, и только я ограничился парабеллумом в открытой кобуре. Ведь на корабле даже после упражнений Ваки могло быть человек двести.

Но, как выяснилось, экипаж «Ястреба» сейчас состоял всего из шестидесяти двух моряков, включая капитана. Ведь к Филиппинам они добрались после полугодового перехода через Тихий океан, в который пустились не по своей воле, а после того, как за джентльменов удачи всерьез взялись испанцы. В довершение всего не менее трети были больны цингой. Ну ничего, сегодня им привезут витаминов, подумал я, выслушав рассказ капитана. А в ответ более подробно объяснил, чем им придется заниматься в Австралии.

В качестве исправительных работ нашим гостям предстояло организовать леспромхоз. Но не на материке, ибо только нам и не хватало еще возиться с их охраной. Ведь рядом расположен покрытый прекрасными лесами остров Тасмания, вот и пусть колонизируют его помаленьку.

Затем мы осмотрели трюм, где содержались наши животные. В принципе ничего, я так ожидал куда большей грязи, но Кикиури был возмущен до глубины души.

– Значит, так, – сообщил я капитану и толпившемуся за его спиной десятку человек команды. – Господин Кикиури Канава является главным животноводом, и все его распоряжения подлежат немедленному и безусловному исполнению.

Но тут из-за капитана высунулся какой-то здоровенный и довольно грязный тип, который заорал:

– Мы, белые люди, будем подчиняться какому-то дикарю?!

А вот такие вещи оставлять без последствий никак нельзя, подумал я, доставая из кобуры парабеллум. «Калашниковы» моей команды и без того стояли в режиме автоматического огня и с досланным в ствол патроном.

Я поднял руку. Грохнул выстрел, перед глазами взбрыкнули похожие на ноги кузнечика рычаги парабеллума, и здоровяк свалился на грязные доски с дыркой в голове.

– Кто еще недоволен господином Кикиури Канава? – поинтересовался я, не опуская пистолета.

Таковых не нашлось. Видимо, мой урок расовой терпимости чем-то тронул их загрубевшие в пиратстве души.

– Это был боцман, – вздохнул капитан, но тут же перешел к более насущному вопросу:

– Господин... э... Кикиури говорит по-английски, по-французски или по-испански? Других языков в моей команде не знают.

– Кикиури, – поправил я капитана. – Нет, он говорит только по-австралийски.

– Но как же...

– Жить захотите – поймете, – пожал плечами я. – Впрочем, для обсуждения как этого, так и некоторых других вопросов приглашаю вас на борт «Победы».

Вскоре мы отчалили от фрегата и двинулись к нашей шхуне. В моей лодке теперь вместо Кикиури сидел сэр Джулиан. Наш старший животновод остался на «Ястребе». Оружия я ему не дал, потому как пользоваться толком он им все равно не умел, но зато снабдил карманной рацией и часами, наказав связываться с нами два раза в сутки, а в случае любого затруднения – немедленно.

Кстати, пиратского капитана почему-то не очень заинтересовала наша самоходная лодка из кожи полярной жабы. Наверное, перед ним сейчас стояли проблемы поважнее. Например, какова будет его дальнейшая судьба.

По прибытию на «Победу» мы с ним плодотворно побеседовали. Кстати, выяснилось, что капитаном мой гость стал совсем недавно, когда предыдущий был убит в бою с испанцами у архипелага Хуана Фернандеса, после чего оставшиеся от пиратской эскадры два корабля и двинулись через Тихий океан.

– Дорогой сэр Джулиан, – начал я, – на самом деле ситуация вовсе не столь пессимистична, как это вам могло показаться. Сейчас перед вами разворачиваются не самые худшие перспективы. Ведь мы практически предлагаем вам основать колонию, которую будем всячески поддерживать. И желающие смогут вернуться в Европу не через три года, имея при себе только то, что есть у них сейчас. А, скажем, через пять, и уже сравнительно обеспеченными людьми. Или через десять. Тогда уже просто богатыми, а наиболее достойные смогут даже получить австралийское гражданство. Но о такой возможности пока не стоит объявлять во всеуслышание, – уточнил я. И, увидев в собеседнике интерес к затронутой теме, напрямую предложил ему подумать, кто из команды «Ястреба» сможет стать моим осведомителем.

– Перед выходом в море вы еще раз посетите «Победу», – пояснил я Поупу, – но теперь уже на своей шлюпке. Постарайтесь, чтобы в число гребцов попали перспективные в свете наших договоренностей люди и укажите мне на них. А на прощание позвольте вас предостеречь от необдуманных шагов. Мало ли, вдруг вам придет в голову просветить свою команду насчет того, что у некоторых ее членов появятся дополнительные доходы и возможности. В таком случае, как это ни прискорбно, я вынужден буду отдать приказ о вашей ликвидации, а на пост временного или даже постоянного губернатора одной из наших колоний подыскать кого-нибудь другого. А насчет того, что данный приказ будет выполнен быстро и точно, можете не сомневаться.

Затем я подарил дону распечатку краткого англо-русского разговорника. Правда, его текст был подвергнут небольшой коррекции. Везде, где исходнике встречались слова «Россия», «русский», в моей распечатке стояли «Австралия», «австралийский».

Шестнадцатого октября наша эскадра покинула остров Себу и взяла курс на юго-восток. Впереди шел фрегат, за ним – «Победа». Первые две недели плавания прошли нормально, но потом начался не то чтобы шторм, но нечто весьма на него похожее. Ветер усилился почти до двадцати метров в секунду, а волнение я на глаз оценивал баллов в восемь. Причем ветер дул с востока, то есть нас вполне могло снести к Большому Барьерному рифу. Предупредив Поупа об этой опасности, я приказ Михаилу сократить дистанцию до фрегата. У меня были подозрения, что ночью он, пользуясь погодой, может попытаться сбежать, но пираты явно решили не рисковать. Мало того что у них в скрытой камере лежал мой подмигивающий светодиодом подарок, так и места пошли уже незнакомые и для мореплавания довольно опасные. Кроме того, по ночам мы включали довольно мощный прожектор, которым освещали конвоируемого. В общем, непогоду эскадра пережила малой кровью. Один из жеребят повредил ногу. Два поросенка заболели, а канонир, сильнее прочих страдавший от цинги, умер, так что теперь на борту «Ястреба» оставалось шестьдесят пиратов плюс Кикиури.

Вскоре ветер ослаб до свежего, и остаток пути мы преодолели за одиннадцать дней. Четырнадцатого ноября тысяча шестьсот девяносто третьего года наши корабли вошли в бухту Порт-Филипп, на берегах которой потихоньку рос город Ильинск. Про то, что это столица Австралийской империи, мы пока нашим пленникам говорить не собирались. В конце концов, им все равно скоро плыть на Тасманию, так зачем забивать морякам головы совершенно лишними сведениями из чужой географии.

Разумеется, Илья был поставлен в известность о захвате фрегата на следующий день после случившегося, иначе зачем бы на «Победе» стояла радиостанция. И потом мы с ним несколько раз обменивались мнениями о дальнейшей судьбе пленных, но все-таки рация – это не телефон, а ведь даже он не заменяет личного общения. И пока мориори избавляли «Ястреб» сначала от скотины, а потом и от всякого оружия, включая пушки, мы с императором, наблюдая за процессом, теперь уже лично обсудили, где и чем будут

заниматься бывшие джентльмены удачи.

Сама идея загнать их на Тасманию не вызывала возражений, потому как такой лес, как там, у нас имелся не ближе трехсот километров от Ильинска. То есть транспортные расходы при его разработке были бы даже выше. Но вот конкретные способы реализации проекта, как выяснилось, мы представляли себе очень по разному.

Я предполагал доставить пленных на выбранное место, снабдить инструментом, минимумом оружия и дать месяц на обустройство. После чего туда раз в неделю будет ходить «Газель» и забирать заготовленный лес, в обмен оставляя соль, порох и прочие предметы повседневного спроса.

– Я вам прямо-таки удивляюсь, господин первый министр, – отвечал мне его величество. – Вот представь себе, что это тебя законопатили на Тасманию с предложением поработать лесорубом на таких условиях. А в качестве спутников... ну, скажем, пусть будет наша вторая рота БАО, где мы с тобой познакомились. Твои действия?

– М-да, – вынужден был согласиться я. – Сначала прикинул бы, что проще – захватить прибывающий лесовоз или тайком построить свой корабль. Параллельно с раздумьями организовал бы экспедицию с целью посмотреть, нет ли поблизости чего-нибудь ценного, что можно будет взять с собой. Золота, например. Затем уточнил бы, какова возможность перед отбытием в дальние края напасть на Ильинск и как минимум хорошо тут пошуметь, но лучше заодно и здесь прихватить чего-нибудь полезного. После чего двинул в Европу или, что более вероятно, в Северную Америку.

– Вот-вот, совершенно естественный образ действий. И почему ты считаешь, что пираты поведут себя как-нибудь иначе? Поэтому мне организация обсуждаемого объекта представляется так...

В описании Ильи сияющие перспективы выглядели следующим образом.

Нормальный лагерь, организация которого придумана задолго до нас. То есть лагпункт и лесоповал. Вертухаи из мориори. Кроме того, активная политика, направленная на выявление среди заключенных лиц, желающих сотрудничать с администрацией, и постепенная передача им части управленческих функций.

– Во-первых, – пояснил Илья, – нам все равно придется как-то воспитывать кадры для подобных учреждений. Без них мы точно не обойдемся. А во-вторых, ты думаешь, что кто-то по окончании срока захочет остаться тут и подработать лесорубом? Очень сомневаюсь. А вот охранником – совсем другое дело. Особенно если в перспективе будет светить карьерный рост вплоть до начальника лагеря.

Я задумался. Зерна истины в рассуждениях Ильи действительно были, но чем-то мне это не нравилось. Начинать строительство светлого будущего с лагеря? Чем оно тогда закончится, хотелось бы знать. Кроме того, имелось и еще одно соображение, которым я поделился с императором.

– Нам очень понадобятся агенты в Европе, – напомнил я. – Да, куда-то, наверное, получится приткнуть и мориори, но не скоро. Так вот, если колония будет организована так, как предлагал я, то остается возможность кого-то со временем завербовать. А в твоём варианте она существенно ниже.

– Ладно, – согласился Илья, – поставим эксперимент. Все равно организовать нормальную охрану там, не ослабляя безопасности Ильинска, мы сейчас не можем. Но, разумеется, меры по предотвращению захвата лесовоза придется тщательно продумать и неукоснительно соблюдать. Кроме того, время от времени туда будут командироваться твои пилоты на предмет тщательной авиаразведки местности. Чтобы если там начнет делаться что-то из того сценария, который ты мне расписал, мы могли заметить это заранее.

На следующий день «Ястреб» и «Победа» снова вышли в море. Им предстояло пройти чуть больше двухсот пятидесяти километров до устья реки Теймар, которую мы, чтобы не смущать знакомым словом оставляемых там англичан, назвали Тамарой. Где на берегу узкого и длинного залива, в который она впадает, будет основан форпост Австралийской империи. Название же ему пусть придумывают сами строители.

Кстати, с наименованием подлежащего колонизации острова вышла вот такая история. Я при прощании мимоходом сказал Поупу, что им предстоит осваивать Тасманию, в ответ на что он удивился:

– Как, вы знаете голландское название этой земли?

Вот ведь образованный-то какой попался, подумал я. Но раз уж так получилось, надо, пожалуй, еще расширить кругозор капитана. И не моргнув глазом заявил:

– При чем тут Голландия? Остров был открыт около тысячи лет назад экспедицией известного австралийского мореплавателя Зиновия Тасманидзе.

Глава 14

После возвращения эскадры с Тасмании настала пора вплотную заняться появившейся в составе нашего военно-морского флота второй единицей. Ну или третьей, ведь если крепко зажмурить глаза, тогда и «Газель» можно принять за боевой корабль.

Первым делом мы с императором облазили трофейный фрегат от киля до клотика. Ничего так оказался кораблик. Хоть и слегка запущенный, но сравнительно новый, построенный не более десяти лет назад. Убедившись, что приобретение очень даже неплохое, мы в полном соответствии с традициями его переименовали. И теперь фрегат носил не какое-то невразумительное название «Hawk», а гордое русское, то есть тьфу, австралийское имя «Ястреб». Затем мы с Ильей уточнили технические данные нашего нового корабля. Он имел водоизмещение порядка семисот тонн при длине по ватерлинии в сорок девять метров, ширине девять и осадке около пяти. Поначалу возникла мысль снабдить фрегат дизелем, но потом мы от нее отказались. Во-первых, дизелей у нас мало, на все трофейные корабли один черт не хватит. Тем более что для судна такого тоннажа его мощность слишком мала. Во-вторых, больно уж много пришлось бы переделывать для такой установки. Так что мы с императором чуть ли не одновременно вспомнили народную мудрость «не тронь дерьмо – вонять не будет», она же «не мешай технике работать», и решили, что фрегат и так обойдется. Поставим на пару его шлюпок лодочные моторы, они в случае чего смогут поработать буксировщиками.

Артиллерию было решено заменить полностью. Бронза нам еще пригодится, а на фрегат лучше установить пятидесятимиллиметровые казнозарядные пушки, коих у нас имелось двенадцать штук, причем их производство было налажено уже в Ильинске.

Капитаном «Ястреба» назначили Мишу Барина, а «Победу» он сдал своему младшему брату Николаю. Не знаю, насколько правдив был Жюль Верн в своем романе «Пятнадцатилетний капитан», но ведь наш все-таки существенно старше, подумал я, подписывая соответствующую бумагу. Коле на днях стукнет семнадцать! То есть он уже вполне взрослый для командования «Победой».

Тем временем как-то незаметно наступил новый, тысяча шестьсот девяносто четвертый год. Мы снова отмечали его в узком кругу, не устраивая праздника для мориори. Потому как они пока понятия не имели, кто такой Христос, от рождества коего ведется отсчет. Да и само число было далеко за пределами понимания большинства островитян, которые вообще не знали цифр больше двадцати. Но в Ильинске уже год функционировала школа, так что образованных людей становилось все больше. А рядом с будущим императорским дворцом было размечено место под церковь. Так что года где-то с семисотого можно будет вводить летоисчисление и связанные с ним праздники, а пока мы и так обойдемся.

В качестве новогоднего подарка Илья преподнес мне блокнотик с какой-то странной скотиной на обложке – не то рогатая зебра, не то полосатый козел. Неужели я захватывал в прошлое и такое?

– Записывай сюда всякие австралийские чудеса, – напутствовал меня император. – А то ведь кто у нас открыл Тасманию, я еще помню, а вот название зверя, из которого тянут жилы на леску, уже забыл. Самому же потом пригодится.

Первого января состоялась торжественная закладка императорского дворца. Илья пару

раз копнул землю, после чего лопата в числе еще двадцати таких же была вручена бригаде землекопов. И, значит, если не случится ничего непредвиденного, к середине февраля котлован будет готов. Потом ляжет фундамент, и максимум через пару лет Илья сможет справиться новоселье. Он будет жить в самом высоком здании южного полушария, если, конечно, не считать те сооружения инков, до которых еще не добрались испанцы. В императорском дворце предполагались четыре этажа и шпиль.

Первый этаж – это кирпичная коробка двадцать на двенадцать метров при высоте четыре. Второй – двенадцать на двенадцать, высота три с половиной. Третий этаж небольшой, двенадцать на пять при высоте три метра. Наконец, сверху на это нахлобучится небольшая будка, лично мне больше всего напоминавшая сортир на станции Шарапова Охота. Будка будет увенчана шестиметровым шпилем.

– А ведь в Европе про нас уже могут знать, – заметил Илья, когда мы вернулись в его временный дом.

– Думаю, что нет. Манильский галеон вышел к Акапулько только через полгода после нашего первого визита. То есть он туда скорее всего еще и не доплыл, это не очень быстрое судно. А оттуда до Европы новость будет идти еще не меньше трех месяцев.

– Да уж, жизнь тут сейчас течет очень неторопливо, – согласился император.

– Не то слово. Мне дон Себастьян как-то рассказал жуткую историю. Вообще-то связь Филиппин с Мексикой обеспечивают три галеона. Возят туда товары, отсюда в основном деньги. Так вот, одиннадцать лет назад один из этих галеонов утонул сам, потом второй был захвачен пиратами, а третий встал на капремонт ввиду почтенного возраста, да так там и остался. Целых шесть лет колония варилась в собственном соку! Товары портятся, денег нет, то есть натуральный кризис перепроизводства. Себу захирел именно после этого, а раньше это был более или менее процветающий город. Но, значит, в конце концов приплыл туда галеон. Сгрузил деньги, забрал товар и отчалил. А потом выяснилось, что в Испании за это время прошла девальвация песо, а за ней раскрутилась инфляция. В общем, колонии недоплатили раз этак в три. Так что теперь контрабандой там не занимается только совсем уж ленивый.

– Это ты к вопросу о ценности своевременной информации?

– Именно к нему, родимому. Представляешь, сколько можно заработать на том, что о новостях в колониях наши люди в Европе будут узнавать на полгода раньше всех остальных? И наоборот, кстати, тоже. Поэтому у меня к тебе просьба. Составь, пожалуйста, список своих детей. Не обязательно официальных, побочные тоже сойдут. Я уже нескольких нашел, но не уверен, что это все. Потому как мориори на европейцев похожи не так чтобы очень, а вот твоих потомков можно отправлять хоть в Версаль. Но перед этим, разумеется, их надо найти и малость подучить.

Потом началась подготовка к очередному новозеландскому походу. Дело в том, что до сих пор на материке мы заготавливали в основном эвкалипты. Колония на Тасмании будет поставлять их же, только повыше качеством. Но ведь на Северном острове Новой Зеландии росло еще и так называемое железное дерево, более научно именуемое метросидерос войлочный. А маори называют это дерево похутукава. И ладно бы только называли, но ведь они считают его священным! Поэтому при попытке добычи такой древесины не исключен конфликт.

Экспедиции, организованные Илеей, даже не пытались покуситься на такие деревья. Во-первых, стальных пил было мало, а похутукава очень прочна. И, главное, у островитян тогда не было сил вступать в открытое противостояние со своими бывшими соседями. Но сейчас ситуация изменилась.

Ведь нам нужны мощные и по возможности неуязвимые корабли! А до стальной брони еще очень и очень далеко. Кроме того, императорский дворец, хоть он и будет называться малым, должен строиться из соответствующих высокому статусу его жилья материалов.

Поэтому я дорабатывал прицеп к одному из мотовездеходов, шестиколесному полноприводному «Поларису», а также следил за установкой кранов на «Ястребе». Кроме

того, нужно было сделать что-то вроде понтонов для транспортировки бревен к кораблю, потому как близко к берегу он подойти не сможет, а железное дерево обладает нулевой или даже отрицательной плавучестью. Илья же гонял свое воинство, в основном отрабатывая различные варианты отражения атаки из леса. Оборону со стороны моря экспедиции обеспечит «Победа», которой в случае чего помогут пушки фрегата.

Как-то раз, возвращаясь с верфи довольно поздно, я вдруг почувствовал, что мне хочется чего-то странного. Поначалу я даже не понял, чего именно, но потом остановился, прислушался к себе. Оказывается, меня вдруг неизвестно с чего потянуло сделать что-нибудь приятное своей здешней жене, Тане. Продолжая путь, я соображал – к чему бы такое? Своего не только дня, но даже и года рождения она не знала, и я, соответственно, тоже. Третья годовщина нашей, условно говоря, свадьбы будет в июле, да и не отмечали мы никогда эту дату. Тогда что?

Однако приемлемого ответа я не придумал и переключился на само предполагаемое действие. Подарить ей что-нибудь? Но ведь по австралийским меркам у нее не только есть все, включая резиновые сапоги. Она вообще купается в роскоши! Подумать только – целых три расчески. Плюс ножницы в личном пользовании. Не говоря уж про единственный в мире купальный костюм, который она надевала по большим праздникам.

В общем, я впал в некоторую задумчивость, но потом решил быть проще и спросить у самой Тани, чего бы ей еще хотелось.

Надо сказать, что с ответом она не задержалась.

– Возьми вторую жену!

Я немножко прифигел. По местным обычаям число жен не ограничивалось, но их набор был в какой-то мере формализован. Первую жену мог брать кто угодно, но вот перед взятием второй и далее соискатель должен был доказать две вещи.

Для начала – что он способен прокормить и вторую супругу тоже. Ну, с этим у меня проблем не было. Но, кроме того, вторая жена полагалась только тому, кто уже доказал свою состоятельность в качестве мужчины. Причем отсчет времени шел сразу, как только обнаруживалось беременность. Считалось, что на этом муж свою функцию выполнил, а дальше – это уже не его дело.

– Так у нас что, будет ребенок? – наконец въехал я. – Дорогая, дай я тебя поцелую. Но зачем мне еще одна жена?

– У императора Ильи их три, – напомнила Таня. – И это только постоянных, были и другие.

– Знаю я про этих других, он мне вчера список вручил на двух страницах мелким почерком. На то он и император. Да и вообще Илья очень ответственный человек, чувствует свой долг перед народом, вот и старается по мере сил улучшить его генофонд. А я простой первый министр, мне до таких высот самопожертвования еще расти и расти.

Не знаю, все ли поняла супруга из моей речи, но она ее не убедила, это точно.

– Я ведь скоро не смогу ложиться, когда нужно, – продолжила Таня, – потом, вторая жена поможет мне по хозяйству и с ребенком.

В конце концов, я ведь сам спросил, что ей подарить, подумалось мне. Чего теперь кочевряжиться? Нужна вторая жена – да на здоровье, я теперь молодой, не надорвусь. И кивнул:

– Ладно, ищи себе компаньонку, я заранее согласен с твоим выбором.

А вот тут Таня меня просто не поняла.

– Как же так, – спросила она, – неужели я должна выбирать тебе вторую жену?

– А кто, я, что ли? Тебе же с ней жить. Мое-то дело нетрудное, как-нибудь справлюсь в перерывах между экспедициями. А тебе с ней вести хозяйство. Опять же ребенка воспитывать, сама говорила. В общем, не увиливай, выбор за тобой. Это, между прочим, еще и знак высокого доверия, которое я к тебе испытываю. И все, вопрос решен, так что давай ужинать, а потом спать. Сегодня-то тебе еще можно, насколько я понимаю?

Заснуть мне удалось только ближе к утру, да и то с мыслью о том, что если бы кто-

нибудь попытался сейчас подsunуть мне вторую жену, я бы ее точно отправил спать на веранду независимо от достоинств.

Ближе к концу января и испытал свой лесовозный комплекс в действии. То есть присоединил к шестиколеснику прицеп, посадил за руль островитянина, до того неплохо управлявшегося с тульским трициклом, и велел ехать на ближнюю вырубку, до которой было восемь километров. Сам сел сзади.

По крайней мере туда он доехал терпимо, особенно последнюю часть пути. На месте прицеп был отсоединен, и на него положили четыре связанных между собой здоровенных бревна, изображавших одно железное. После чего его снова привязали к «Поларису», но уже за передний конец одного из бревен. Таким образом, центр прицепа примерно совпадал с центром тяжести груза. И мы поехали назад.

Но вот тут оказалось, что для такой езды водительская квалификация моего ученика совершенно недостаточна. Он и на ровном-то месте чуть не опрокинул импровизированный автопоезд, а уж когда пошли ухабы, я его ссадил сразу. Как по мне, так сооружение вполне терпимо управлялось, и мы доехали до Ильинска без происшествий. Значит, в Новой Зеландии, скорее всего, водителем лесовоза придется работать мне. Ну кроме разве случаев, когда потребуются вывезти самые мелкие бревна, тогда пусть островитяне тренируются. А привезенную нами связку мы вывалили в море. Теперь экипажи лодок займутся ее буксировкой к «Ястребу», где бревна будут подцеплены краном, вытащены из воды и засунуты в трюм. Потом все то же самое, но в обратном порядке, а затем новая тренировка. И так до тех пор, пока действия если и не дойдут до автоматизма, то хотя бы лишатся элементов бестолковой суеты, в достатке присутствовавших на первой попытке. Потому как в Новой Зеландии нужно будет работать по возможности быстро, на затяжную войну с маори сил у нас все равно не хватит.

После того, как бревна перестали ронять сначала в воду, а потом на палубу, и убедившись, что жизням обоих пострадавших при этом не угрожает опасность, я перешел к следующему этапу тренировок. Не без душевного трепета, потому как шестиколесник у меня имелся всего один. Но лучше все-таки пусть его утопят у Ильинска, тут не так трудно будет достать, чем то же самое произойдет у берегов Новой Зеландии. И теперь вездеход по два раза в день грузили на понтоны и доставляли сначала на фрегат, а потом обратно. Один раз он, действительно, чуть не булькнул. Соскочил крюк, но качающийся на двух оставшихся «Поларис» все-таки удалось поднять на палубу. После чего и сами крюки, и места их зацепления были модернизированы.

Закончив с тренировками по частям, экспедиция перешла к учениям в целом. Рано утром мы отошли на пять километров от Ильинска, где сравнительно недалеко от берега росла здоровенное бутылочное дерево. Правда, мне его ствол напоминал не столько бутылку, сколько задницу, но на результатах тренировки это не должно отразиться. Ведь железные деревья произрастают как раз в прибрежной полосе, с этим нам повезло. Если бы они росли в центре Новой Зеландии, то я и не знаю, как бы мы их оттуда вытаскивали.

Короче, надо было успеть высадиться, спилить дерево, избавиться ствол от сучьев и доставить его на фрегат. А в это время вторая рота ильинского воинства будет изображать из себя маори и всячески мешать лесорубам. Кроме того, я специально поставил на бензопилы самые тупые цепи, чтобы операция по возможности приблизилась к тому, что ждало нас потом.

Все-таки длительные предварительные тренировки привели к тому, что в этот раз все прошло если не идеально, то уж во всяком случае вполне терпимо. И я, убедившись, что личный состав более или менее готов к предстоящему делу, назначил выход в море на второе февраля, то есть через день. И, как будто он только этого и ждал, тут же зарядил дождь. У меня даже возникла мысль провести еще одну тренировку, но потом я плюнул. В конце концов, льющаяся с неба вода мало чему может помешать, да и не факт, что в Новой Зеландии погода будет такой же.

Так что мы вышли в море строго по плану. И в соответствии с ним направились

сначала на Тасманию, посмотреть, как там устроились колонисты.

Глава 15

Они устроились неплохо. Полуостров у впадения небольшой речки в Тамару с трех сторон был окружен водой, а с четвертой уже имелся внушительный часток. Перед ним начали рыть ров, то есть мои слова, что на острове живут не очень мирные аборигены и не самые безобидные звери, колонисты мимо ушей не пропустили. Правда, насчет аборигенов я сказал в основном на всякий случай. Нет, по моим сведениям, они тут действительно имелись, но в количестве пяти тысяч на весь очень немалый остров. И никаких упоминаний об их свирепости мне не попадалось.

Из плотоядных зверей самым страшным был тасманийский сумчатый волк, сильно не дотягивающий до своих серых братьев по названию, живущих в Европе. Но все-таки хищник, никуда не денешься. Кроме того, разведывательный отряд колонистов уже видел так называемого тасманийского дьявола, или сумчатого черта. А его устрашающие ночные вопли слышали все. Я предупредил экс-пиратов, что это хоть и небольшая, но очень агрессивная зверюга с необычайно мощными челюстями. И присмотрелся к тому, как они тут налаживали свой быт.

Внутри ограды уже было две постройки – небольшой домик и приличных размеров сарай. Рядом стояли две шатрообразные палатки с «Ястреба», которые мы оставили команде фрегата. Начиналась постройка второго сарая и еще какого-то здания раза в два поменьше. В общем, колонисты не теряли времени зря, в ознаменование чего я презентовал им небольшой бочонок самогона. Что вызвало неприкрытый восторг, поначалу даже перешедший в ажиотаж. Глядя на эту картину, я размышлял об инертности технической мысли человечества и отсутствии тяги к знаниям у большинства его представителей. Ведь ром тут пробовали все, и в немалых количествах! Но вот откуда он берется, выходит, никто не знал. Потому как если бы среди команды нашелся хоть один квалифицированный человек, духовная жажда колонистов была бы утолена задолго до нашего появления. Прямо какая-то удивительная неграмотность, иначе не скажешь. Ладно, пусть они не знают принцип работы двигателя внутреннего сгорания и не имеют понятия даже о приемнике прямого усиления. Но ведь самогонный аппарат – это не синхрофазотрон! А на кораблях его не было, при том что изобретен он уже довольно давно. Вот и тащили манильские галеоны воду в запечатанных кувшинах, которая к концу их многомесячного пути все равно часто протухала. В то время как могли бы просто залить в аппарат морской воды, после чего спокойно пить дистиллированную, для вкуса добавив в нее самую малость морской. Или спирта, оставшегося от предыдущего включения того аппарата, но в штатном режиме.

В связи с этим у меня возникла идея – не устроить ли нам тут филиал химкомбината? Вон тот луг вдоль речушки прекрасно подойдет под сахарную свеклу, а с топливом на лесопилке проблем быть не может по определению, его даже специально заготавливать не надо. Таким образом будут убиты сразу два зайца. Во-первых, произойдет удовлетворение духовных потребностей колонии. Во-вторых, мы сможем увеличить производство горючего, на что до сих пор элементарно не хватало рабочих рук. Кроме того, автоматически произойдет повышение образовательного уровня английских моряков. Увидев устройство нашего большого аппарата, хоть кто-то да поймет, из чего и как можно сделать маленький, а знания лишними не бывают. Мало ли куда наших гостей потом забросит судьба!

Путь от Тасмании до южной оконечности Северного острова занял у нас неделю. За это время дождь два раза начинался и прекращался, но к Новой Зеландии мы подошли при ясной погоде. Под острым углом повернули на юго-запад пошли вдоль берега, который я внимательно рассматривал в бинокль. Кроме меня, внешний вид железных деревьев был известен капитану Коле и дослужившемуся до старпома Толе, которые продолжают вахту, когда у меня устанут глаза. Жалко, что у нас не получилось приплыть сюда в конце декабря, когда эти деревья цветут, тогда бы они выделялись на фоне зелени без всякого бинокля, но

похутукавы и так должны были изрядно отличаться от прочей флоры.

К вечеру мы подошли к крайней западной точке Северного острова, после которой берег круто поворачивал на северо-восток. За весь день искомое дерево удалось увидеть всего один раз, но оно росло мало того что в одиночестве, так еще и в неудобном месте.

Вечером мы отошли в океан километров на сорок, где и легли в дрейф до утра. А с рассветом снова приблизились к Северному острову и продолжили путь вдоль берега. Около трех дня в поле зрения снова обнаружились характерные силуэты, на этот раз сразу три и растущие совсем рядом с кромкой прибоя. Но все-таки три – это мало, так что я пометил место на карте и приказал двигаться дальше.

Наконец перед самым закатом попало то, что нужно. Целая роща, с моря видно штук пятнадцать, но не исключено, что на самом деле их куда больше. Довольно удобный подход и береговая полоса без рифов. Но высаживаться было уже поздно, и мы продолжили путь, потихоньку забирая чуть мористее. Ибо если за нами кто-то наблюдает с берега, то пусть он думает, что мы просто проплывали мимо по каким-то своим делам.

За ночь эскадра описала круг и к утру снова была у рощи. Началась высадка. Причем так и хотелось добавить «десанта», потому как действительно было очень похоже.

Сначала две моторные шлюпки доставили к берегу пятьдесят стрелков при одном пулемете, которые быстро заняли прикрывающую позицию, а шлюпки вернулись к фрегату. В одну набились лесорубы, а другая с четырьмя островитянами, не считая меня, потащила понтон с шестиколесником и прицепом. Потом одна шлюпка сделала еще рейс, доставив мотки провода, блоки, датчики, аккумуляторы и прочие части системы охранной сигнализации. Пока лесорубы возились с первым деревом, я под охраной стрелков окружил вырубку сигнальным периметром. По крайней мере, теперь вряд ли у кого получится незаметно подобраться к нам ближе чем на триста метров. А с кораблей вели непрерывное наблюдение за морем.

За день было спилено четыре дерева, но обработать и доставить на «Ястреб» смогли только три ствола. Правда, лесорубы утверждали, что они уже приноровились и завтра дело пойдет быстрее. На ночь мы приняли весь личный состав на фрегат, но мотовездеход с прицепом оставили у самого берега.

Первая ночь прошла спокойно. Охранная сигнализация молчала, с кораблей тоже ничего подозрительного не заметили. И с самого рассвета снова началась пахота. За день я сделал девять рейсов на своем лесовозе от вырубки до берега, перевезя восемь стволов и кучу веток толщиной примерно с телеграфный столб, которым тоже найдется применение. Кончился второй день так же, как первый, то есть люди вернулись на корабль, а лесовоз остался на берегу. В эту ночь сигнализация уже вякнула где-то ближе к утру. Возможно, ее потревожил какой-то зверек, потому как больше ничего не произошло.

Третий день ознаменовался совершенно невиданными трудовыми успехами – мне пришлось сделать десять ходок со стволами и две с сучьями. На вырубке осталось два полноразмерных дерева и два недоростка высотой метров по десять. Причем интуиция мне хоть и неуверенно, но все же намекала, что жадность фраера губит и надо ограничиться уже добытым. Правда, жаба говорила нечто противоположное, в результате чего я ограничился полумерами.

Мотовездеход и прицеп были подняты на корабль, а охранная сигнализация оставлена. И она сработала около трех ночи, причем от всей души. Завопили обе сирены, включились светодиодные прожектора. Дежурный артиллерист с «Победы» тут же выпустил туда осветительный снаряд. Наблюдатель потом утверждал, что в кустах вроде мелькнули какие-то силуэты, но точно сказать не мог.

Понемногу ажиотаж улегся, но часа в четыре дежурный с мачты сообщил, что вроде он видит лодку. Причем, несмотря на ночной бинокль, он ее увидел довольно поздно, когда она подошла к нам уже километра на два. Вскоре за ней была обнаружена еще одна, и я встал к сорокапятке. Но каноэ, будто почувствовав, что на него смотрят через прицел, отвернуло и вскоре скрылось за изгибом берега. Впрочем, почему «будто»? Например, летчики в войну

были уверены, что хороший истребитель этот взгляд чувствует четко, потому-то он до сих пор жив.

То есть пока маори вели себя как хорошие солдаты.

Ранним утром на берег снова был высажен десант с заданием быстро забрать сигнализацию и вернуться. Ему никто не мешал, и в десять утра мы двинулись в обратный путь. Я бы сказал, обратный в самом что ни на есть прямом смысле, ибо наша эскадра повернула на юго-запад и пошла вдоль берега, понемногу от него удаляясь. Мы плыли скорее в сторону Антарктиды, чем Австралии. Ибо почти наверняка за нами наблюдают, и ни к чему так сразу сообщать недоброжелателям свой адрес.

Весь день мы продолжали путь на юго-восток, а за нами следовали два каноэ маори. Причем если бы не самолет-разведчик, мы бы их и не увидели, они держались чуть за горизонтом. Эскорт не отстал от нас и ночью, более того, он попытался приблизиться. Но к утру ветер подул с востока, и каноэ повернули назад, потому как при дальнейшем движении за нами они могли и вовсе не выгребсти обратно против ветра. Упорные, однако, у нас соседи, и смелые к тому же, но не дурные, что печально. Не рисковали зря ни на берегу, ни в море.

Спустя десять дней наши корабли вошли в бухту Порт-Филипп.

Там уже готовился к спуску на воду корпус второго грузового судна, построенного по мотивам «Газели». Но все-таки оно было чуть длиннее и имело более благородные обводы, потому как его уже предполагалось использовать на океанских маршрутах. По моим прикидкам, наш новый корабль должен будет развивать примерно девять километров в час на дизеле и до пятнадцати под парусами, причем сможет ходить и достаточно круто к ветру. Дело в том, что в этих широтах преобладали восточные и юго-восточные ветры, так что плавание к Южной Америке напрямую будет сопряжено с немалыми трудностями. Испанцы так вообще поднимались до сорок второй параллели к северу и только там ложились на курс к Америке, иначе их галеоны сносило обратно. Нас же такие зигзаги не устраивали, но путь на восток надо было прокладывать обязательно. В основном за чилийской селитрой, но там и кроме нее было немало интересного.

В силу этих соображений на новый грузовоз, нареченный «Сободем», был поставлен второй и последний тракторный дизель. Дальше придется либо делать что-то самим, либо обходиться одними парусами.

Подобную ситуацию я прогнозировал еще в процессе подготовки визита в прошлое, поэтому у меня имелось три четырехметровых бесшовных стальных трубы с внешним диаметром четыреста пять миллиметров и внутренним триста восемьдесят. И две чуть поменьше, с диаметрами триста восемьдесят пять и триста шестьдесят пять соответственно. Все это я взял специально под изготовление на месте цилиндров и поршней для двигателей – естественно, паровых. Более того, имелся и доработанный под имеющиеся размеры проект прямоточной паровой машины двойного расширения.

Однако Илья, в целом не отрицая моих планов, предложил сначала сделать что-то вроде модели с цилиндрами из 180-мм труб. Потому как опыта изготовления паровиков у нас нет, портачить же лучше на чем-нибудь небольшом. К настоящему моменту такая машина у него была уже почти готова, так что я вооружился сварочным аппаратом и приступил к изготовлению котла для нее. Прямоточного, потому как медные трубки много места не занимают, отчего их и было взято довольно много. По идее такой котел мог давать пар давлением до ста атмосфер, но если у меня получится хотя бы пятьдесят, тоже будет совсем неплохо.

Как я уже упоминал ранее, в великой Австралийской империи не было ничего, хоть отдаленно напоминающего безработицу. Более того, рабочих рук хронически не хватало, и не только квалифицированных, а вообще всяких. Дети с девяти лет уже копались на огородах, даже солдаты нашей миниатюрной армии постоянно привлекались на что-нибудь срочное, но все равно любой проект упирался прежде всего в вопрос – кто это будет делать. Во время последнего визита на Себу я поделился нашими трудностями с почтенным Гонсало, и он обещал помочь. Как ожидалось, купец оказался человеком слова, и в

очередной радиограмме с Филиппин сообщалось, что завербованы пятьдесят шесть человек, в основном плотники, но среди них четыре кузнеца. Они ознакомлены с условиями предлагаемого пятилетнего контракта и согласны на них. Кстати, условия по нынешним временам были весьма неплохие. Гарантировалась работа по специальности и оплата не менее двадцати копеек в день, если контрактник выполнит норму. На питание же уйдет не больше половины, то есть экономный человек сможет откладывать по золотому рублю каждые две недели! Правда, не очень афишировалось, что для достижения подобного результата этот самый человек должен быть не только экономным, но еще и непьющим. Ибо Илья уже подписал указ о государственной винной монополии.

По окончании срока мы обязались доставить всех желающих на Филиппины за десять рублей с человека. Если же кто захочет остаться у нас, то при условии ненарушения законов во время работы по контракту ему будет предоставлено австралийское подданство. Плюс беспроцентный кредит на покупку земли или открытие своего дела для желающих.

Помимо описания красочных перспектив контрактников предупредили, что в Австралии всякое проявление расовой или религиозной нетерпимости карается очень строго, вплоть до смертной казни. И вот мои парни радировали, что Гонсало готов отправить к нам первую партию рабочих. В ответ я дал подтверждение заказа, что означало – завербованных надо грузить на корабль и везти на небольшой необитаемый островок в Соломоновом море, где их будет ждать «Ястреб».

На следующий день наш фрегат вышел в море под командой Михаила Барина. Я оставался на материке, сын Ильи уже достаточно взрослый человек и опытный моряк, да к тому же немного знающий английский язык и еще более немного – испанский.

Мне же теперь предстояло немного отвлечься от парового котла. Ведь чтобы платить те самые копейки, их надо было сначала иметь! А мы пока обходились первобытным коммунизмом с элементами натурального обмена. Но, значит, настала пора переходить на более высокую ступень общественного развития.

Так что я снова запустил свой станочек для фрезеровки плат, и вскоре двое островитян приступили к чеканке валюты. Естественно, сотая доля рубля стала называться копеечкой. Но все равно это получилась довольно крупная денежная единица, так что был введен еще и грош, который я объявил сотой долей копейки. И гроши, и копейки чеканились из бронзы, имея по два номинала – «один» и «десять». Почему именно из нее? Да потому, что у нас имелось бронзовые пушки, снятые с «Ястреба». Для начала на деньги было разделано маленькое восьмифунтовое орудие.

Грош я, недолго думая, сделал равным советской копейке. Десять грошей получились с пятак. Копейка была такой же по диаметру, но вдвое толще. Гривенник же вышел чуть побольше советского юбилейного рубля.

Илья же в преддверии грядущего прогресса начал по вечерам читать кодекс Наполеона, а потом и делать краткие выписки из него.

– Очень, оказывается, разумная бумага, – поделился он со мной, – особенно если убрать лишние в наших условиях статьи, а оставшиеся изложить попроще. Вполне сойдет как основы австралийского гражданского права. Вот только название придется какое-нибудь другое придумать.

– Да ну его, – махнул рукой я, – у меня водяной насос течет и давление в котле выше двадцати атмосфер не поднимается, а тут еще придумывать название чужому кодексу! Пусть так и остается, как есть. Мало ли, вдруг у нас был такой великий юрист с экономическим уклоном. Например, Наполеон Моисеевич Задрыгаило. Надо только не забыть сказать Виктору, чтобы он вставил его в историю, и все.

Глава 16

В конце апреля город Ильинск обогатился испанским кварталом. Поначалу новоприбывшие жили в палатках, но уже к середине мая потихоньку начали расти первые

дома. Контрактикам был выделен лес, ну, а дальше они обходились сами. Кстати, многие прибыли со своим инструментом, но он заметно уступал нашему, так что мало кто им работал.

Трудились испанцы на постройке нового корабля, заложенного сразу после спуска на воду корпуса «Соболя», который к маю был уже достроен и проходил испытания. Ну, а новый корабль предназначался для путешествий в Европу. Все-таки «Победа» была маловата и не отличалась особой скоростью. Так что мы с Ильей взяли чертежи яхты, а точнее шхуны «Америка» и адаптировали их к нашим производственным возможностям. Кроме того, мы предусмотрели установку паровых машин и деление корабля на шесть отсеков для непотопляемости. Задача, конечно, была намного сложнее постройки «Газели» или даже «Соболя», но испанцы в основном действительно оказались квалифицированными людьми. Причем когда я с цифрами в руках продемонстрировал Илье экономическую подоплеку их работы, император хохотал минут пять.

Итак, представьте себе, что вам нужно построить корабль. У вас есть любые инструменты, вокруг полно леса, но в вашем подчинении всего две семьи мориори, потому что свободных людей больше нет. Да и эти не заняты в основном потому, что почти ничего не умеют. Ваши действия? Самый, казалось бы, логичный путь – это попытаться чему-нибудь их научить. Ага, флаг вам в руки. Даже если хоть сколько-нибудь ответственные работы вы будете делать сами, все равно ваш корабль в лучшем случае будет примерно как лодка, на которых отдыхающие катаются в парке Горького, только дырявый. Да и получится он года через два, не раньше.

А можно погрузить оба этих семейства общим количеством одиннадцать голов в прицеп к шестиколеснику и отвезти их на тридцать километров вверх по реке Ярра, к месту впадения в нее небольшого ручья. Там за два дня показать им, как мыть золото, и отчалить.

В первые две недели они намоют достаточно для расплаты с господином Гонсало за его труды по вербовке. Но они будут продолжать свою деятельность, и через два месяца золота хватит для оплаты восьми месяцев работы пяти десятков испанцев. Многие из которых знают плотницкое ремесло куда лучше вас, не говоря уж про мориори.

А их после этого можно привезти обратно в Ильинск. Двоих оставить у большого сагогонного аппарата, а остальных отправить сначала пропалывать, а потом собирать сахарную свеклу. Так вот, десятой части их продукции хватит, чтобы половина ранее заплаченного плотникам золота вновь вернулась к вам и была пущена в дело по второму кругу.

То есть по сути имел место обмен полугодом труда четырех островитян с детьми, ничего толком не умеющих делать, на год работы пятидесяти шести очень квалифицированных испанцев. Нет, все-таки деньги – это величайшее изобретение человечества, без них невозможны подобные обмены, тут не может быть ни малейших сомнений. А у кого-то они все-таки есть, то, согласно закону сохранения, у этих людей нет чего-нибудь другого. Например, тех самых денег.

Все на свете когда-нибудь да кончается, так что вскоре кончились и мои мучения с паровым котлом. Получив давление в сорок пять атмосфер, я решил, что пока этого хватит, тем более что Илья как раз закончил свой двигатель. Причем и котел, и паровик оказались сделаны очень неплохо, всего за две недели их удалось заставить нормально работать вместе. По косвенным оценкам наш механизм выдавал где-то сил восемьдесят. С котлом получилось вообще замечательно, ибо я, не умея точно рассчитывать производительность, сделал его с запасом. Практика же показала, что этот запас вышел как минимум двойным. То есть один такой котел сможет обеспечить паром два малых движка производства Ильи. Значит, вопрос с энергоустановкой строящегося корабля решен. Я делаю еще один точно такой же котел, Илья – три движка по образцу только что испытанного, и все. Трехсот с небольшим сил хватит для шхуны водоизмещением двести тонн.

Но параллельно с изготовлением второго котла мне пришлось заняться прикладной баллистикой. Или это следует назвать как-то иначе? В общем, я начал стрелять из пушки по

доскам и бревнам.

Ведь идеальных материалов на все случаи жизни не существует, у каждого есть своя область применения. Алмаз, например, имеет высочайшую твердость, но брони из него не делают вовсе не из-за дороговизны. Древесина железного дерева тоже исключением не являлась. Чем-то она была лучше эвкалипта, чем-то дуба, а в чем-то им многократно уступала. Например, она отлично работала на сжатие и скручивание, а вот на изгиб выдерживала только статические нагрузки. Правда, довольно большие. Повышенная же колкость приводила к тому, что ядро при попадании дробило ее в щепки. Вот я и придумывал различные виды деревянной композитной брони.

Спустя неделю непрерывной стрельбы появились первые результаты. Наивысшую устойчивость к ядрам продемонстрировала переклейка следующего вида. Сначала – пять сантиметров эвкалипта. Затем – пятнадцать железного дерева. И, наконец, снова эвкалипт, только теперь уже толщиной двадцать сантиметров. Но это должна быть именно переклейка, просто уложенные друг на друга доски обладали куда худшими защитными свойствами. Однако варить столярный клей из костей нас с Ильей научил еще старшина в БАО, и с костями в Австралии особой проблемы не было. Так что наш новый корабль уже будет иметь броневой пояс по всей ватерлинии и точечную защиту отдельных мест, от которых зависит выживание корабля.

Закончивший испытания «Соболь» сделал два рейса на Чатем, привезя в Австралию еще четыре сотни островитян. На этом основной поток переселенцев кончился. Около тысячи взрослых с примерно вдвое большим количеством детей покидать свой остров не пожелали. Что же, это их право. Скорее всего, еще время от времени будут появляться желающие перебраться на материк, но уже в единичных количествах. Основой экономики острова некоторое время будет как новозеландский, так и русский лен, в обмен на который аборигены Чатема получают от нас предметы первой необходимости. Ну, а потом, когда этих культур станет достаточно и в Австралии, остров, надо думать, начнет потихоньку скатываться в изоляцию, а его население – обратно в первобытное состояние.

Тем временем с Себу пришла еще одна радиограмма, где сообщалось, что завербованы два десятка каменщиков, и, кроме того, из Китая доставлен заказанный мной шелк. Так как второй котел был уже готов, а Илья делал детали параллельно для всех двигателей, то месяца два запаса у меня имелось. Раньше императору никак не успеть, а вот мне не помешает повидаться с почтенным Гонсало. Поэтому в середине июля я поднялся на борт «Ястреба», который взял курс на Соломоново море. Если все пройдет без неожиданностей, то я еще успею вернуться до рождения своего первого здешнего ребенка. Если же задержусь, тоже не очень страшно. В конце концов, в предстоящем процессе от меня все равно почти ничего не зависит. И молодая мама с дитем не останутся без помощи, потому как в полном соответствии с ее пожеланиями я уже третий месяц ходил в двоеженцах.

Путь к острову занял у нас три недели, и к моменту нашего прибытия снаряженная Гонсало каррака уже ждала нас там. Однако встречал меня не только купец, но и, как я с удивлением увидел, дон Себастьян де Вальдоре.

– Здравствуйте, дорогой дон Себастьян, – приветствовал я его, – неужели в Себу случилось что-то такое, из-за чего вы лично отправились в плавание?

Выяснилось, что таки да, случилось. Только не в Себу, а сначала в Мехико, потом в Маниле. То есть вице-король Новой Испании, получив сведения о наличии вблизи Южного полюса огромного материка с какой-то Австралийской империей на нем, отправил в генерал-капитанство распоряжение установить с этой империей дипломатические, а выйдет – так и союзнические отношения. Манильский губернатор, он же по совместительству генерал-капитан, думал над этой бумагой недолго и просто спустил ее непосредственному исполнителю, коим назначил дона Себастьяна.

– Мы в принципе не против, – заверил я дона, – но, конечно, на словах такие вещи не решаются, надо смотреть документы. Проект союзного договора у вас с собой?

Разумеется, у дона он был и аж в двух экземплярах, так что мы сразу после обеда сели

его обсуждать. Впрочем, мне хватило десяти минут, чтобы понять – это банальная отписка. Манильскому губернатору поручено что-то с кем-то установить? Так он и установил, поэтому отстаньте. А то, что по сути этот договор никого ни к чему не обязывает, дело десятое. Например, там была статья о том, что с письменного разрешения из Мехико манильским купцам разрешено торговать с нами китайским шелком, фарфором и пряностями. Да пропади они пропадом, эти фарфор и пряности, не нужны они нам. Шелк же Гонсало и так привез, причем наценка на неофициальность данного действия была куда ниже гипотетических расходов на экспедицию за разрешением. Даже если предположить, что его почему-то дадут бесплатно.

Нам же предлагалось взять на себя обязанность в случае необходимости рассмотреть вопрос о военной помощи генерал-капитанству. Я три раза перечитал эту фразу, пока понял, где у нее конец, где начало и о чем она, собственно, говорит. Оказалось, ни о чем. Хорошо, пусть когда-нибудь возникнет упомянутая там необходимость. Мы сразу начнем рассматривать вопрос о военной помощи, я не против. А вот сколько будет длиться это рассмотрение, зависит не от какой-то бумажки с вице-королевскими печатями, а совсем от других факторов.

Однако нужно же выдвинуть какие-то встречные условия? Так что я предложил Новой Испании принять на себя аналогичные обязательства насчет военной помощи. Дон Себастьян не моргнув глазом согласился, и вскоре договор, названный нами Соломоновым, был подписан. После чего алькальд уступил место в моей каюте почтенному Гонсало.

С ним мы пообщались куда более продуктивно. Началась беседа с того, что уважаемый купец стал богаче, а я беднее на четыре мелких рубиновых осколка и один сапфировый, чуть покрупнее. После этого к моему собеседнику переключались двадцать три золотых австралийских рубля, и денежные расчеты за шелк и очередную партию контрактников были закончены.

Надо сказать, что почтенный Гонсало с блеском выполнил мои пожелания, естественно, не забыв при этом и себя. Я ведь просил его подыскать нам не только строителей, но и человека, который возьмется организовать кабак в городе Ильинске. Ну не мне же там за стойкой торчать, в самом деле? И уж тем более не мориори, этим детям природы. Так вот, один содержатель трактира из Себу выразил желание попробовать счастья на новом месте, причем захватив с собой семью. Потому как на Филиппинах последнее время хронический кризис, так и совсем разориться недолго. Во избежание чего кабатчик, продав свою точку, готов плыть в неведомую Австралию.

Выгода же Гонсало была в том, что второй кабак в Себу принадлежал ему. И, скорее всего, проданный переселенцем объект тоже не попал в посторонние руки.

Ясно, подумал я. Что же, в плавании будет время поговорить с почтенным кабатчиком и объяснить ему, что осведомление властей об умонастроениях посетителей есть занятие очень богоугодное и выгодное. Если откажется – его дело, но это вряд ли. Даже несмотря на предупреждение, что малейшая нечестность в этом нелегком, но хорошо оплачиваемом труде чревата летальным исходом.

Вечером, проверив, как разместились на «Ястребе» вновь прибывшие и попрощавшись с господином Гонсало и доном Себастьяном, я отдал приказ с рассветом выходить в море.

Почти всю дорогу ветер нам благоприятствовал, и вскоре я уже прикидывал, что буду делать через три-четыре дня в Ильинске. Но тут погода продемонстрировала мне – судно, лишенное мотора, без ветра плавает ну очень медленно. Три дня мы болтались посреди океана, в час по чайной ложке приближаясь к материку. На четвертый подудло что-то, в принципе похожее на ветер, и «Ястреб» смог увеличить скорость аж до трех километров в час. Так мы ползли еще сутки с хвостиком, а потом раздался голос впередсмотрящего «Корабль на горизонте!». С надеждой, что нас сейчас опять начнут грабить, я вооружился биноклем и поднялся на самый верх кормовой надстройки.

Вскоре стало ясно, что не все коту масленица и уж по крайней мере сегодня грабить нас точно не будут. Ибо корабль поначалу вообще показался мне одномачтовым, но потом,

по мере приближения к объекту наблюдения, я понял, что мачт у него когда-то было две. Даже и не скажешь, бригантина это или шхуна, потому как вместо фок-мачты у корабля торчал какой-то небольшой огрызок. Грот-мачта сохранилась, на ней уныло болтался одинокий трисель, даже с расстояния в четыре километра больше напоминавший штопаную тряпку, нежели парус. Никаких признаков жизни на корабле не наблюдалось.

Тем временем фрегат повернул на полтора румба влево и теперь потихоньку шел прямо к встреченному инвалиду. Когда до него оставалось меньше километра, там наконец-то обнаружился человек. Он на четвереньках выполз из недр своего корабля и попытался махнуть нам рукой, чуть не упав при этом. Вскоре появился второй, но этот чувствовал себя даже хуже первого. Во всяком случае, он так и не смог подняться на ноги.

Интересно, подумал я. Насколько хорошо Михаил помнит то, что я рассказывал ему о возможных опасностях на море? Оказалось, что неплохо.

– Абордажной команде – биологическая тревога! – скомандовал он. Полтора десятка мориори тут же натянули перчатки и марлевые повязки.

– Стрелкам – приготовиться! – раздалась команда, когда до чужого корабля оставалось метров тридцать. Лязгнули затворные рычаги барабанок.

Но на палубе больше никто не появился, даже когда фрегат подошел почти вплотную и с него были заброшены абордажные крюки.

Тот, кто вышел на палубу первым, попытался сделать шаг, но у его ног в доски ударила пуля.

– Стой где стоишь! – крикнул я ему и спрыгнул на низкую палубу не то шхуны, не то бригантины. Подошел и присмотрелся. Черт его знает, на чуму вроде непохоже, а все остальное нам не так страшно.

Человек что-то прохрипел. Видя, что я его не понимаю, он повторил, и теперь у него поучилось:

– Пить!

Сказано это было по-французски.

С борта «Ястреба» мне бросили флягу, и я вручил ее стоящему напротив меня человеку. Как раз в это время ветер чуть усилился, а дул он со стороны присосавшегося к фляге господина. Я поморщился – он благоухал отнюдь не шипром. Но, кажется, причина отсутствия команды встреченного нами корабля понемногу начинает проясняться.

Покуда первый хлебал, я распорядился, чтобы сюда доставили канистру с водой, ведь тут есть по крайней мере еще один живой.

Минут через пять напоенный наконец смог нормально говорить, и я узнал печальную историю бригантины «Ла Белле», то есть «Красавица». Оказывается, Людовик XIV повелел проверить слухи о том, что на юго-запад от архипелага Огненная Земля находится так называемая Терра Австралия Инкогнита, то есть неизвестный южный материк. Во исполнение чего и была снаряжена экспедиция на «Красавице». До Магелланова пролива она добралась без особых приключений, но сразу после него попала в шторм, который гнал бригантину на запад почти две недели, чуть не утопив при этом. Несколько матросов смыло за борт, и треснула фок-мачта. Ее кое-как починили и продолжили путь, но вскоре попали в еще один шторм. Мачта рухнула, покалечив при этом капитана, но снасти удалось быстро обрубить, и корабль остался на плаву. После чего он почти полгода плыл по ветру, ибо с оставшимся парусным вооружением это было единственное доступное направление. Две недели назад был открыт последний бочонок с водой, но она оказалась порченной. Выпившие ее к сегодняшнему дню почти все умерли. Двое пытались пить морскую воду, но один умер, а другой сошел с ума и бросился за борт. Мой собеседник, корабельный врач Анри Воллан, прокипятит остатки воды и пил ее понемногу, только чтобы не умереть от жажды, и так же поступили четверо матросов и квартирмейстер, принявший командование после смерти капитана. Сейчас, кажется, на борту бригантины живы только они.

– Ну что же, – пояснил я собеседнику, – могу сказать, что вы почти достигли цели своей экспедиции. Всего три тысячи миль строго на юг – и вы в территориальных водах

австралийской метрополии. Но одна из ее колоний гораздо ближе, до нее три дня пути при таком ветре, как сейчас. Мы можем взять на буксир вашу бригантину, но по прибытии в колонию она будет национализирована. То есть мы ее заберем себе, выплатив команде остаточную стоимость. Вам же после пяти лет работы по специальности, если она есть, или подсобником, если с ней не очень, будет предоставлена возможность вернуться в Европу. Так что выбирайте. Да, чуть не забыл. Если вы решите продолжать путь на юг, то мы совершенно бесплатно дадим вам тонну воды и две... нет, даже три удочки. Тут неплохо клюет, если вы еще не в курсе.

Глава 17

Марианна Австрийская, вдовствующая королева Испании, в раздражении отодвинула бумаги. Боже, чем только занимаются подданные ее несчастного сына! В то время как страна только что выбралась из очередного голода, денег в казне нет, несмотря на поступления из Нового Света, а французы уже взяли Херону! И в такой момент какой-то идиот подсовывает королю дурацкое вранье с окраины Филиппин. Впрочем, почему какой-то и именно идиот? Все началось с женитьбы Карлоса на этой стерве из Нойбурга! Уже через год после свадьбы он перестал слушать советы матери. Ему кажется, что он проводит самостоятельную политику, в то время как на самом деле пляшет под дудку своей жены. Вот и получается, что вместо реальных докладов он получает глупые сказки. Подумать только, какая-то Австралийская империя! Диковинные звери и страшные птицы, яйцами которых можно утопить корабль и разрушить полгорода. Огромный, как дракон, дрессированный орел на корабле, подобно собаке нападающий на того, кого ему укажут. Им там даже лень сочинить правдоподобную историю! Рома они перепили, что ли? Или совсем одурели от безделья?

Вдовствующая королева уже совсем было собралась бросить бумаги в камин, но передумала. Скоро к ней зайдет бывший премьер-министр, а ныне оберкамергер граф Оропеса, один из немногих оставшихся достойных людей при дворе. Пусть он глянет, чем занимаются в колониях подданные испанской короны вместо службы. А пока надо зайти в часовню. Когда же наконец Господь услышит ее молитвы и приберет эту потерявшую всякий стыд девку, Марию Анну Пфальц-Нойбургскую? Которая за пять лет замужества так и не удосужилась родить наследника престола!

О том, что в таких делах молитву лучше подстраховать намеком верным и решительным людям, вдовствующая королева не думала в силу особенностей характера.

В отличие от Марианны Австрийской, у графа Оропеса документы не вызвали сильных эмоций. Он просмотрел их все, включая непонятный рисунок какого-то филиппинского алькальда, пожал плечами, прошелся по кабинету и снова вернулся к бумагам. Теперь он их уже не просмотрел, а внимательно прочитал, делая кое-где пометки на полях. Закончив, граф вызвал секретаря и отправил его в библиотеку с приказом найти план Себу.

Вечером, когда план был ему доставлен, он снова разложил документы и около часа работал с ними, время от времени что-то измеряя циркулем на плане. Закончив, он запечатал филиппинские бумаги в пакет, добавил к ним план Себу и снова вызвал секретаря.

Ее величество все-таки женщина, подумал граф, провожая взглядом выходящего молодого человека. И поэтому живет чувствами. Иногда это полезно, но в некоторых случаях, наподобие этого, эмоции мешают разглядеть не самые очевидные, но довольно интересные вещи, которые граф увидел сразу. И решил поделиться ими с человеком, чьим, как тогда такое называлось, клиентом он был. То есть от которого получал пенсией, заметно превышающий его оберкамергерские доходы, плюс доплаты за особо интересные новости.

Человека звали Вильгельм Оранский.

Его величество Вильгельм III, король Англии и Шотландии, получил пакет из Мадрида на двадцатый день после его отправления, то есть третьего мая тысяча шестьсот девяносто четвертого года. После первого прочтения он отложил бумаги, но только для того, чтобы выбрать время и заняться ими более основательно. Это удалось сделать только через три дня.

Для начала Вильгельм решил рассортировать все содержащиеся там сведения на точные, преувеличенные и сомнительные, для чего разделил лист бумаги на три графы и ненадолго задумался. Итак, первое, что не вызывает сомнения – прибытие в порт Себу какого-то корабля, не принадлежащего ни одной из известных держав. Второе – то, что сразу после этого галеон «Карлос II» взорвался в порту, а потом корабль открыл огонь по городу и форту, причинив некоторые разрушения и тому, и другому. После чего администрации Себу удалось как-то загладить инцидент.

Сверившись с планом, король отнес к точным и сведения о дальноточности пушек неизвестного корабля. Потому как стрелять с одного места и по городу, и по форту он мог только в том случае, если его орудия прицельно били не менее чем на милю.

Утверждение, что гость из неведомых краев мог довольно быстро двигаться без парусов и весел, Вильгельм после тщательного обдумывания тоже занес в первую графу. Просто потому, что придумывать такое не было ни малейшего смысла, данное свойство ничего не добавляло в картину разгрома, учиненного пришельцем. Кроме того, судя по бумаге, это видело полгорода.

Следующим пунктом прошли размеры корабля и калибр его пушек. По утверждениям побывавшего на борту алькальда, судно имело всего шестьдесят футов в длину! И при этом несло довольно большие для такого маленького корабля паруса. Алькальду не было никакого резона преуменьшать размеры, подумал Вильгельм. Наоборот, его заслуги смотрелись бы более ярко, будь корабль огромным. То же самое можно сказать и про калибр пушек – всего два дюйма! Правда, они имели необычайно длинные стволы, сделанные из железа или стали, но никак не из бронзы.

Далее – многозарядное оружие пришельцев. В этом нет ничего удивительного, такое неоднократно пытались делать и в Англии, правда, пока без особого успеха.

Итак, что получается? В мире есть какая-то страна, корабли которой могут двигаться без парусов и вооружены мощными дальноточными пушками. Причем скорее всего это еще и очень быстрые корабли.

Подчеркнув этот вывод, король перешел к сведениям, которые следовало отнести к преувеличенным. Первым во вторую графу попал орел. То есть быть-то он скорее всего действительно был, но никак не мог иметь указанных в рапорте старшего каноника форта размеров. Пятьдесят футов в размахе крыльев – да где бы он поместился на том корабле? Максимум десять, если не меньше. Птица, конечно, и в этом случае получается большая, но все же разумных размеров.

Потом туда же было занесено утверждение, что галеон утопили с одного выстрела. В этот момент на борту пришельца находился только настоятель местного храма, слова которого никак не следует считать истиной в последней инстанции. Кроме того, король считал явно преувеличенными сведения о причиненных городу и особенно форту разрушениях. Смысл тут был ясен – или прикрыть уже свершившееся воровство, или попытаться получить средства на восстановление якобы разрушенного.

В третью же графу оптом поместилось все остальное. То есть наличие огромной и могучей Австралийской империи, ее необыкновенные животные и птицы, яйца которых обладают большой убойной силой и светятся всеми цветами радуги при поглаживании. В принципе что-то может и оказаться правдой, но ни подтвердить, ни опровергнуть пока ничего нельзя.

На этом Вильгельм Оранский закончил изучение присланных из Мадрида документов и убрал их в секретер. Король не любил принимать поспешных решений. Пусть полежат, к ним можно будет вернуться чуть позже, когда появятся какие-нибудь новые мысли на эту тему.

Через неделю бумаги были вновь извлечены из секретера. На этот раз основное внимание король уделил рисунку алькальда, где тот попытался изобразить мельком виденный им механизм, подобный которому якобы обеспечивал движение корабля. Во всяком случае, описываемая машинка толкала маленькую, чуть побольше башмака, лодочку.

Итак, алькальд утверждает, что в двигателе используется энергия пара. Где-то

сравнительно недавно Вильгельм уже слышал подобные слова, но вот где? Вспомнить не удалось, и король присмотрелся к поясняющим надписям. Так, вот здесь написано, что это паровой котел... паровой котел! Точно, именно так называлась хитрая кастрюля для быстрого приготовления пищи, изобретенная одним французом, перебравшимся в Лондон. Он даже из костей ухитрился сварить в ней что-то съедобное! А обычная, причем довольно старая говядина после приготовления в этом котле была сравнима с нежной телятиной. Кажется, такое устройство довольно долго использовалось на дворцовой кухне, а его автор был даже представлен ко двору. Но потом он вместо совершенствования своего изобретения занялся какой-то химерой...

Тут Вильгельм вскочил и в волнении заходил по кабинету. Он вспомнил, что ему докладывали о новой идее этого француза. Как же его звали? Папен! Да, именно Дени Папен. А он утверждал, что на основе его котла возможно создать машину, преобразующую энергию пара в механическую. Причем ее можно будет использовать не только для, скажем, откачки воды в шахтах, но и для приведения в движение повозок или кораблей. Где же теперь этот француз? Кажется, он покинул Лондон, не найдя тут поддержки своих проектов.

Король позвонил в колокольчик и велел заглянувшему в кабинет секретарю срочно выяснить судьбу французского ученого Дени Папена, несколько лет назад придумавшего паровой котел для быстрого приготовления пищи.

На это потребовалось менее часа. Секретарь доложил, что в данный момент Папен находится в Германии при дворе какого-то мелкого князька. Велев выяснить все точно, Вильгельм продолжил размышления. Получается, француз был прав! И уж во всяком случае он сумеет разобраться, как же в действительности выглядело то, что изобразил филиппинский алькальд. Значит, Папена надо немедленно приглашать в Англию, причем на такие условия, чтобы он не колебался ни минуты. Кроме того, рисунок можно показать сэру Исааку Ньютону. Возможно, у него тоже появятся какие-нибудь идеи. А то, что Ньютон, по словам секретаря, относится к Папену довольно неприязненно, так это даже хорошо. Значит, он не пропустит ошибок француза, которые наверняка будут, без них не обходится ни одно новое дело. А королевская казна вполне может позволить себе оплатить независимую работу двух ученых над одной и той же проблемой.

Потому как только вчера Вильгельм наконец понял, что с самого начала казалось ему неправильным во всей этой филиппинской истории. Мотив, а точнее его отсутствие. Зачем вообще чужой корабль заходил на Себу? Явились, постреляли, потом подарили крест из неизвестного металла, украшенный драгоценными камнями, который непонятным образом исчез при транспортировке в Испанию. И все! Спокойно двинулись дальше по каким-то своим делам. Этим пришельцам не нужна была ни вода, ни провизия.

Но тогда вполне возможно следующее объяснение. Их главный – действительно герцог, корабль – его личная яхта, и он просто путешествует для своего удовольствия. Такая гипотеза объясняла и малые размеры судна, и кажущееся отсутствие мотива захода в Себу. Да мало ли что, может, герцогу просто стало скучно в море.

Но из этого ответа естественным образом вытекал тревожный вопрос. Если маленькая личная яхта обладает такой боевой мощью, то на что же тогда похож большой военный корабль этой неизвестной страны?

Да, пока все это происходит в далеких краях, практически на противоположной стороне земного шара. Хорошо, пусть не завтра, не через год и даже не через десять – но корабли пришельцев все равно когда-нибудь появятся у берегов Европы! Или Индии, что ничуть не лучше. Значит, Англия просто обязана использовать данное ей время, чтобы подготовиться и встретить этот момент во всеоружии.

А пока надо срочно послать быстроходный корабль на Филиппины, размышлял далее король. Тем более что сейчас Англия – союзница Испании, так что найти повод для такого визита будет нетрудно. Пусть этим займется граф Оропеса, он уже намекал, что в связи со всеобщим подорожанием пенсионера ему хватает только на весьма скромную жизнь.

Значит, посланцы английского короля на месте соберут все сведения о таинственных

пришельцах. Если же те повторят визит, то попытаются завязать с ними отношения.

Спустя месяц Людовик XIV, он же Король-Солнце, получил сведения, что англичане спешно отправили на Филиппины корабль, причем его основная задача – как можно быстрее доставить туда небольшую группу дипломатов под руководством старой лисы Уильяма Темпла.

Новость заставила короля задуматься. Что они там затеяли? Вдруг это связано с возникшими буквально на днях слухами, что далеко на юге есть еще не открытый материк, причем населенный, корабли которого недавно появились у Филиппин? И ведь он сам два года назад отправлял экспедицию на поиски этой земли, но никаких вестей от нее пока нет. Может быть, англичанам повезло больше? Кому бы поручить разузнать об этом... пожалуй, лучше всего справится д"Аржансон. И пусть он обратит внимание вообще на все дела, которыми Вильгельм вдруг занялся лично, хотя они вроде бы и не требуют непосредственного участия в них самого монарха.

Людовик чувствовал, что война, которую сейчас его Франция ведет с коалицией из Англии, Голландии и Испании, слишком дорого обходится стране. Пусть французы пока еще побеждают, но каждое выигранное сражение обходится дороже предыдущего и, главное, не приближает конец войны. В такой ситуации лишним козырем может стать любой дополнительный фактор, если его вовремя распознать и правильно использовать. Интуиция подсказывала королю, что в этом свете надо побыстрее понять, с чем именно связано непонятное оживление вокруг Филиппин.

Глава 18

Из-за возни со спасением французов к рождению своего ребенка я в Ильинск не успел. Когда до него оставалось километров двести, пришла радиограмма, что я уже восемь часов как отец. Родилась дочка, звать Наташа, внешностью, по утверждению Ильи, вся в папу. Я посмотрел в зеркало, прикинул, как может выглядеть похожая на меня дочка, немного посочувствовал ей и отправился в закуток на баке, где был установлен мой универсальный станочек. Во время плавания я от безделья занимался либо огранкой камней, либо изготовлением еще одного подарочного кремневого револьвера, равномерно чередуя эти занятия.

Вскоре после прибытия выяснилось, что французы обладают довольно полезными для нас специальностями. Про корабельного врача я говорил, так что в его лице австралийская медицина получила еще одного представителя. Квартмейстер, он же исполняющий обязанности капитана, оказался сыном разорившегося парижского ювелира, так что после недолгой беседы я уже показывал ему свое ограночное оборудование. С ним мы договорились на процент, причем следующим образом. По записям, сколько весили камни до моей огранки и сколько после нее, был установлен коэффициент утруски. Продукция француза, которого звали Огюст Мерсье, должна была укладываться в этот норматив. Предположим, он получит рубиновых осколков на сто карат, по нормативам должен выдать ювелирных камней общим весом шестьдесят пять карат, а он огранит их так аккуратно, что получится семьдесят пять. По нашему договору половина сэкономленного записывалась на счет француза. И он мог получать в собственность необработанные камни соответствующего веса, но не более двадцати карат каждый.

Судя потому, как загорелись глазки у Мерсье и с каким энтузиазмом он приступил к работе, условия показались ему более чем приемлемыми. Мне тоже, потому как теперь я из того же сырья получал больше ограненных камней и к тому же не тратил время на возню с ними.

Среди четырех матросов один был помощником корабельного плотника, да и остальные в общем-то тоже знали, как держать инструмент, так что, когда они оправились от последствий пищевого отравления, усиленного голодом и жаждой, им было поручено восстановление «Красавицы». Я решил, что теперь она будет шхуной, то есть и на фок-мачте

нести косые паруса. Такая оснастка требовала меньше народа для работы с ней, что в наших условиях являлось очень важным.

Я же делил свое время между надзором за восстановлением французского корабля, постройкой корпуса нашей новой шхуны и помощью Илье, который все никак не мог закончить три паровых движка, предназначенных для нее.

В процессе совместных работ на «Красавице» я обратил внимание на самого молодого из матросов, которому только-только стукнуло двадцать. Он и был на положении именно «молодого», то есть подай-принеси-получи по шее. В силу чего не испытывал повышенной любви к своим сотоварищам. Паренек же оказался смышленным и не лишенным честолюбия, так что скоро у него появились и неофициальные, но хорошо оплачиваемые обязанности по сбору информации. Но я соблазнил его не столько деньгами, сколько возможностями карьерного роста. Потому как недавно прибывший кабатчик тоже отнюдь не гнушался стука, и, выходит, только в Ильинске у меня было уже два агента. Если же добавить к ним трех стукачей на Тасмании во главе с капитаном Поупом, то вообще получается полноценная тайная полиция. Где, естественно, вскоре появятся и руководящие должности, которые займут самые достойные из агентов.

Закончив с паровыми движками, мы с Ильей переключились на винты, коих требовалось изготовить две штуки. Во всех предыдущих случаях использовались привезенные из будущего, ну, а тут уже настала пора делать их самим. Бронзы у нас было вполне достаточно, материалы для расчета имелись, так что оставалось только прикинуть технологию.

После пары экспериментов мы отказались от идеи отливать винты целиком. То есть лопасти будем делать из отливок по одной, потом забьем их в вырезы на ступице, зафиксируем электросваркой, доработаем по месту и отцентрируем. Ох и геморрой же получится! Хотя к этому делу можно привлечь испанцев. Вряд ли их стране хоть чем-то поможет знание обрывков технологии изготовления бронзовых винтов.

Правда, у испанских плотников вызвала определенный интерес наша сушильная камера. То есть кирпичный сарай, куда загружались доски и через них продувались горячие топочные газы. Про электровентиляторы они даже не догадывались, но при желании к подобной сушилке вполне можно приспособить и мехи. Впрочем, это не очень страшно. Пока сведения дойдут до Филиппин, и то пройдет пять лет. Да и нужна эта сушилка только если работаешь в спешке, а вообще-то трех лет естественной сушки дереву вполне хватит. Хотя я где-то читал, что англичане сушили отборный лес для лучших кораблей двадцать лет.

Кроме того, наконец-то была получена первая партия бездымного пороха местного производства, что позволило мне приступить к экспериментам со снарядами для наших гладкоствольных пушек.

Они делались на основе стальных труб внутренним диаметром пятьдесят миллиметров и имели длину ствола два двадцать, то есть почти сорок пять калибров. До этого мы использовали снаряды с нераскрывающимся оперением, которые нормально летели на километр, а потом начинали кувыркаться. При стрельбе дымным порохом такое нас в общем-то устраивало, но с бездымным появлялись новые возможности, кои теперь следовало реализовать.

Начал я с попыток приспособить к снарядам раскрывающееся оперение, но особым успехом эта затея не увенчалась. Летали мои образцы очень хорошо, далеко и точно, но не все, а примерно треть. Некоторые начинали беспорядочно вертеться сразу после вылета из ствола, а остальные – пролетев от трехсот метров до километра. В общем, повозившись недели две, я перешел к снарядам, которые назвал полуреактивными. То есть к обычной чушке с нераскрывающимся оперением добавлялся реактивный заряд, работающий через фигурное сопло. Проходящие сквозь него газы обеспечивали подкрутку летящего снаряда. Ну и показывали его траекторию, потому как реактивную струю было неплохо видно. Вот эти боеприпасы вели себя очень неплохо, с ними дальнобойность наших пушек выросла до трех километров, а скрытый брак составлял всего около пяти процентов. Причем на такой

дистанции цель размером со средний корабль поражалась примерно каждым третьим выстрелом, что, с моей точки зрения, было очень неплохим результатом. А то я уже начинал волноваться, чем же мы вооружим шхуну, работы над корпусом которой уверенно двигались к завершению. Ибо радиоуправляемые модели самолетов и ракетопланов все-таки были невосполнимым ресурсом. Запустишь – и все, одной боевой единицей станет меньше, новых же взять неоткуда. Полторы сотни приемников с рулевыми машинками – это ведь, если прикинуть стоящие перед нами задачи, до смешного мало.

Вечерами же ко мне часто заходил на огонек Анри Воллан. Поначалу в буквальном смысле, потому как электрическое освещение моего дома, да еще и светодиодными лампами, произвело на него сильное впечатление. Я объяснил, что мне это необходимо, потому как для работы с чертежами и прочими бумагами часто остается только ночь, а сидеть тут при свечах – увольте, я вам не Пушкин. Энергии же особые кристаллы, добываемые в шахтах вблизи Южного полюса и называемые светодиодами, потребляют немного. На весь дом вполне хватает небольшого ветряка с преобразователем и аккумулятором от «Камаза». Не знаю, насколько хорошо доктор воспринял мои объяснения, но больше он про освещение не спрашивал.

В основном мы с ним беседовали про Францию и про справедливость. Воллан оказался бывшим гугенотом, перекрестившимся в католичество после того, как Людовик XIV отменил Нантский эдикт. То есть мой собеседник не отличался религиозной упертостью, но преследование гугенотов ему активно не нравилось. Я поддакивал, время от времени вставляя намеки, что те из них, кто ни под каким видом не желают отказаться от веры отцов, вполне могут попытаться начать новую жизнь на новом месте. Где верить можно вообще во что угодно, и единственное условие – при этом не мешать реализовывать данное право другим.

Однако доктор оказался не только скрытым гугенотом, но при этом еще и совершенно явным утопистом. Мало того, что он знал, кто такие Мор и Кампанелла, и даже читал «Город солнца». Он был большим поклонником какого-то Габриэля де Фуанье, который почти двадцать лет назад выпустил книжку «Южная земля» с описанием страны Австралии, расположенной в Антарктиде. Там, по заверениям автора, царил самый что ни на есть оголтелый коммунизм. Воллан наизусть шпарил длиннейшими цитатами, из коих я запомнил только то, что в этой антарктической Австралии девяносто шесть миллионов населения и она является очень технически развитой страной. Люди там живут в круглых домах с железными колоннами, а над площадями натянуты огромные полотнища для защиты от палящего южного солнца. Народ, естественно, счастлив в труде и равенстве, а про деньги помнят только некоторые историки. Кстати, то, что он увидел у нас, показалось ему довольно похожим на описанные этим Фуанье картины. Действительно, в Ильинске ведь пока первобытный коммунизм на фоне весьма совершенной техники. И яркий тент над площадкой перед моим домом.

Я попытался объяснить, что равенство по утопистам – это одно, а составляющее основу гражданского права Австралийской империи равенство возможностей – совсем другое, но, кажется, не преуспел. Доктор просто сказал – мол, со временем мы сами придем к тому, что в совершенном обществе ни один его член не должен жить лучше другого. Вникнув в эту формулировку, я решил форсировать работы по совершенствованию тайной полиции. А то не успели оглянуться – и у нас уже есть свой анархо-коммунист! Правда, не выросший на местной почве, а выловленный в океане, но все же. Хотя, пожалуй, его энергию вполне возможно направить и в более конструктивном направлении. Показать человеку путь, которым в свое время прошел Че Гевара. Пусть едет во Францию и проповедует там равенство, братство и все остальное! Главное, чтобы не забывал упоминать при этом про далекую, но вполне реальную Австралию, где вышеупомянутое уже есть. Мы ему поможем. Снабдим печатной продукцией, деньгами, а со временем, глядишь, и до оружия дело дойдет. Только все это надо делать достаточно быстро, пока он от избытка душевных сил не начал агитировать прямо в Ильинске. И такая возможность у нас была, ибо после новогодних

праздников планировались сразу две экспедиции – в Южную Америку за селитрой на «Соболе» и в Южную Африку за алмазами на «Победе».

Но пока у нас шел только конец ноября, ознаменовавшийся спуском на воду корпуса новой шхуны, названной «Чайкой». Спуск прошел нормально, и нам с Ильей в ближайшие две недели придется основательно поработать руками, то есть установить и смонтировать силовую установку будущего корабля. Доверять это нашим ученикам еще рано, но они будут присутствовать в качестве подсобной силы, так что когда-нибудь молодые механики из мориори смогут производить подобные операции самостоятельно.

В этот раз в Ильинске уже было кому отмечать наступление Нового года, кроме нас троих, и мы отправили трицикл с двумя мориори на поиски чего-нибудь, хоть отдаленно напоминающего елку. Экипажу были вручены картинки, с коими следовало сверяться, и тульский трехколесник утарахтел на север. Через десять дней он вернулся с сообщением, что елка найдена, и старший экспедиции протянул мне фотоаппарат со снимками.

Ничего так себе елочка, подумал я, пролистывая их. Только, судя по траве вокруг, совсем небольшая. А что это около нее на последнем снимке, суслик, что ли?

Я увеличил угол снимка и офигел. Это оказался не суслик, а мой собеседник, стоящий под деревом среди примятой травы чуть выше его роста. Прикинул размеры елочки – получилось не менее сорока метров высотой. А может, и все сорок пять.

– Там поменьше нет? – поинтересовался я у мориори.

– Есть, но они не такие красивые.

В общем, вскоре шестиколесник приволок в своем прицепе совсем маленькую, десятиметровую елочку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся более похожей на сосну, и ее начали наряжать всем, что попадалось под руки, потому как елочных игрушек в прошлое я с собой не захватил.

Праздник прошел весело и даже с огоньком, то есть ближе к его концу испанцы подрались в кабаке с французами, отчего наш очаг культуры загорелся. Пока я его тушил, Илья быстро восстановил конституционный порядок, причем малой кровью, всего-то сломав челюсть испанскому плотнику и три ребра французскому матросу. Других пострадавших в драке не было, если, конечно, не считать мелочь типа выбитых зубов.

В результате второго января нового, тысяча шестьсот девяносто пятого года прошло первое судебное заседание Австралийской империи. Продолжалось оно минут десять, после чего подсудимые, кроме двоих увечных, отправились отрабатывать свои пятнадцать суток. Им предстояло отремонтировать кабак, а потом приступить к рытью котлована под фундамент будущей тюрьмы. Мы с Ильей решили, что ее надо строить даже быстрее, чем церковь.

В середине января «Победа» отправилась на запад, а в конце «Соболь» ушел на восток. Нашим первым кораблем командовал Николай Баринов, и ему предстояла задача высадить экспедицию хоть и не на самом Береге Скелетов, но очень близко от него. Кстати, что-то подобное я имел в виду, еще когда заказывал набор для постройки «Груманта», из-за чего и настоял на двойном увеличении мощности движка по сравнению с проектным. Ведь в тех местах шансы не быть выкинутым на берег прямо пропорциональны тяговооруженности корабля.

Разумеется, перед визитом в прошлое я собрал массу сведений о полезных ископаемых по всему земному шару, и среди них был автореферат диссертации одного англичанина об истории разработки алмазной россыпи при впадении ручья Бокабонги в океан. Самой диссертации в интернете не было, и чертов ручей отсутствовал на всех картах, но диссертант подробно описал, где он был в конце девятнадцатого века, так что мне удалось сузить зону поиска до пятнадцати километров по побережью. В общем, Коле следовало сначала подняться на север до Танжера, высадить там француза и возвращаться на юг Африки. Найти ручей, а потом и алмазы на нем. Их надлежало добывать, руководствуясь авторефератом, где достаточно подробно описывалось, где, что и в каких количествах было обнаружено. После чего поступать согласно инструкциям, принятым по радио. В случае же их отсутствия, что

вполне могло быть, ибо Коля все-таки не очень опытный радист, «Победа» должна двигаться назад, в Австралию.

Перед «Соболем» же стояла задача раздобыть полтора тонны селитры. Лучше, если удастся купить, но в крайнем случае можно и добывать самим, я указал на карте несколько мест, где это должно вызвать наименьшие трудности. После чего возвращаться, не дожидаясь специальных приказов.

До конца мая мы возились с «Чайкой», пока наконец мелкие недоделки не были устранены и корабль стало можно считать готовым к дальним рейсам. Шхуна получилась отличная. Правда, она немного не дотягивала до своего прототипа, яхты «Америка», которая под парусами развивала ход в шестнадцать узлов, то есть без малого тридцать километров час. Чайка разгонялась только до двадцати пяти, но ведь у нее была еще и силовая установка из двух спаренных паровиков, так что один раз мне удалось около получаса выдерживать скорость тридцать семь. В общем, при хорошем ветре наш новый корабль мог дойти до Филиппин меньше чем за три недели. Я как раз соображал – проверить это на практике или все-таки двинуть сразу в Европу, как из Себу пришла радиограмма. В порту появился английский корабль, привез каких-то вроде бы дипломатов. И они второй день занимаются расспросами всех, кто хоть что-то знает о наших визитах.

В ответной депеше приказав нашим парням любыми способами, вплоть до крайних, не допускать нанесения почтенному Гонсало ни малейшего вреда, включая финансовый, я распорядился с утра поднимать якорь. Ничего страшного, перед дальней дорогой всегда полезно немного размяться.

Глава 19

Сэр Уильям Темпл отодвинул объемистую тетрадь, куда он записывал все, что узнавали и докладывали его помощники. Да, Джонатан, конечно, молодец. Впрочем, сэр Уильям никогда и не сомневался в способностях дальнего родственника, своего бывшего секретаря, которого он пригласил в это неожиданное путешествие на Филиппины. Надо сказать, Джонатану приглашение показалось очень своевременным, а то ведь обстоятельства сложились так, что иначе ему пришлось бы принять не только сан, но и приход, к каковой перспективе он относился без всякого восторга. Ну, а тут он, конечно, оказался на своем месте. Второй помощник Темпла, Джобс, при всей своей старательности не умел расположить к себе людей, что сказывалось на количестве и качестве добываемых им сведений. Сам же сэр Уильям в силу возраста и связанного с ним не очень крепкого здоровья в основном сидел дома, иногда выходя погулять во внутренний дворик особняка, в котором раньше жил каноник, спровоцировавший конфликт с австралийцами. И заплативший за это своей жизнью, да плюс утянувший с собой на дно почти полторы сотни испанских моряков.

В это время дон Себастьян де Вальдоре опустил подозрную трубу, в которую он наблюдал за появившимся над портом орлом. Все правильно, это орел австралийцев, только в этот раз он кружит на очень большой высоте. Наверное, скоро будут гости. Но он, кажется, улетаёт?

Комендант снова взял трубу начал внимательно оглядывать горизонт в той стороне, куда удалялась огромная птица. И вскоре обнаружил верхушки мачт приближающегося корабля.

Через полчаса дон Себастьян был совершенно уверен в двух вещах. Первое – корабль австралийский. Второе – это не «Победа», хотя тоже двухмачтовая шхуна. Но сегодняшний гость заметно крупнее кораблика, на котором до сих пор их посещал дон Алекс. И, кстати, он приближается очень быстро.

Дон Себастьян услышал торопливые шаги и обернулся. Точно, к нему спешит этот пронырливый англичанин, Свифт. Уж не из-за них ли австралийцы устроили внеплановый визит? Ведь Гонсало сказал, что его помощники отправили попугая с вестью на следующий день после прибытия англичан.

– Рад вас видеть, уважаемый дон де Вальдоре, – поклонился подошедший англичанин, – и неужели это тот самый австралийский корабль?

– Здравствуйте, Джонатан. Да, это австралиец, флаг виден уже хорошо, но не тот самый. Он заметно крупнее, и у него как минимум восемь пушек. Кроме того, он идет очень быстро, «Победа» никогда не демонстрировала нам такую скорость. Никак не меньше двадцати узлов.

– Невероятно, – только и смог сказать пораженный Свифт. За год, прошедший с момента отбытия из Англии, он приобрел определенные знания в морском деле и поэтому смог оценить цифру, названную комендантом. – Ведь с такой скоростью не может идти ни один корабль!

– Получается, что этот может. Кроме того, вовсе не факт, что он сейчас развивает максимальную скорость. Или что это самый быстроходный корабль австралийского флота. Я к тому, что при встрече с этими людьми надо быть готовым к невозможному.

Через сорок минут гость уже заходил в порт. Убрал паруса, без них неторопливо подошел к тому месту, где ранее останавливалась «Победа», и бросил якорь. Вскоре от него отделились четыре низких зеленых лодки и быстро поплыли к берегу.

Свифт во все глаза смотрел на первым выбравшегося из лодки австралийца. Скорее всего, это и был сам герцог.

Довольно высокий, ростом чуть больше шести футов, мужчина европейской внешности, на вид ему чуть за тридцать. Небольшая борода-эспаньолка, волосы каштановые, парика не носит. Одет в синий костюм какого-то непонятного фасона, но несомненно очень удобный и качественно сшитый. На голове шляпа из того же материала. Орденов и украшений нет, шпаги тоже, но из небольшой кобуры на ремне выглядывает рукоятка пистолета. Его спутники ниже, худощавей и скорее всего не европейцы. Почти все вооружены барабанными ружьями, похожими на то, что есть у купца Гонсало, но у двоих какие-то другие, покороче и с торчащими из-под ствола вниз изогнутыми ржыми пеналами.

Тем временем прибывший сердечно поздоровался с комендантом и обратил свой взор на англичанина, явно предлагая представиться.

– Джонатан Свифт, старший секретарь сэра Уильяма Темпла, прибывшего на Филиппины с дипломатическим визитом.

– Алекс Романцефф, герцог, адмирал Австралийского флота.

Тут герцог слегка запнулся. У Свифта сложилось мнение, что тот сначала собрался было представиться полным титулом, а потом почему-то передумал. Интересно, что это может значить? Возможно, потом, когда удастся познакомиться с правилами австралийского этикета...

Англичанин был прав в том смысле, что герцог действительно собирался назвать свое полное имя, которым он в первый визит представлялся дону Себастьяну. Однако сразу вспомнить его он не смог и поэтому ограничился фамилией.

– Счастлив знакомству, – поклонился Джонатан. – Сэр Уильям был бы рад видеть вас своим гостем, но нас уже осведомили об инструкциях, данных вашей светлости императором.

– В этот визит они не действуют, – улыбнулся герцог. – Корабль достаточно велик для того, чтобы можно было взять с собой достойную охрану. Так что его величество отменил свой запрет. Я как раз собирался посмотреть город, а то до сих пор как-то не получалось, но если сэр Уильям оказывает мне честь своим приглашением, буду рад принять его прямо сейчас, не откладывая.

Дон Себастьян с интересом глядел на англичанина – ну-ка, и как он теперь будет выкручиваться? Но, оказывается, такой вариант не стал для Свифта неожиданным. К нему вдруг подбежал какой-то пацан, Свифт сказал ему несколько слов, и тот со всех ног помчался вверх, где в трети лиги от порта на холме стояли церковь и дом покойного каноника. Сам же англичанин ответил, что он рад, его патрон тоже будет рад, и поэтому он, Свифт, с удовольствием проводит дорогих гостей.

Герцог кивнул, сказал несколько слов коменданту, от чего тот буквально расцвел и тут же заявил, что, к величайшему сожалению, неотложные служебные дела требуют его присутствия...

И исчез, даже не уточнив, где именно.

За ужином сэр Уильям беседовал со своим секретарем о состоявшемся дне визите.

– Ну что же, – подвел итог он, – думается, что на первый вопрос его величества ответ уже есть. Можно почти наверняка сказать, какова была цель первого визита сюда австралийцев.

– Купить животных, – кивнул Свифт.

– Нет, это не главное. Они установили личные контакты с тем, с кем и собирались, то есть с властью и торговлей. Судя по всему, здешний комендант куплен ими с потрохами, а про Гонсало я и не говорю. Кстати, отсюда не видно подробностей, но я уверен, что в шлюпке, которая сейчас направляется к австралийскому кораблю, именно он и находится.

– Но ведь пока непонятно, в чем заинтересованы австралийцы, – с сомнением сказал Свифт. – Домашнего скота им больше не нужно. Кроме, может быть, слонов, которых, кстати, Англия сможет им предоставить дешевле и быстрее, чем Испания.

– Мой юный друг, – вздохнул сэр Уильям, – герцога не интересует Испания. Он ведет свои дела с конкретными людьми, причем не только щедро, но и честно.

– Пока это ему выгодно.

– Если иметь в виду выгоду не сиюминутную, а долговременную, то это выгодно всегда. Поэтому он наверняка предпочтет получить своих слонов от коменданта – где, кстати, этот испанец собирается их взять? Пусть даже чуть позже, чем от Англии, обидев тем самым дону Себастьяна. И если мы решим вмешаться в эту операцию, то нам придется не конкурировать с алькальдом, а действовать совместно с ним. Если, конечно, мы не хотим ссориться с герцогом. А мы не хотим, тем более сейчас и из-за каких-то слонов.

– Да, сэр, а вы поняли, какой пост он занимает в своей империи?

– Скорее всего, министр колоний. Но это неважно, а важно то, что он является близким другом австралийского императора, в чем я ему склонен верить. Вот, посмотрите.

С этими словами Темпл протянул Свифту небольшой листок плотной бумаги.

Джонатан присмотрелся. Черно-белый рисунок, но способ исполнения непонятен. Очень качественный. На первом плане стоят два молодых человека. В том, что стоит справа, можно узнать герцога, только без бороды. Рядом второй, чуть пониже, но гораздо шире в плечах и с небольшой бородкой. За ними – какой-то невообразимо огромный дворец.

– Это не рисунок, а так называемая светопись, или фотография, – пояснил Темпл. – Герцог обещал завтра показать мне данный процесс в деталях, а пока просто имейте в виду. У них есть машина, которая может запечатлевать выбранные мгновенья. И она, в отличие от художников, не умеет льстить своим клиентам.

Вообще-то сэр Уильям не ошибался, считая, что на врученной ему бумаге точно изображен действительно имевший место в жизни сюжет. Этот снимок был сделан в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Свежеиспеченный кандидат физматнаук Баринов и приехавший в отпуск капитан Романцев сфотографировались на смотровой площадке в Лужниках. Фоном послужило здание МГУ.

Следующим днем англичане нанесли ответный визит герцогу Алексу. Он прислал за Темплом и Свифтом одну из своих зеленых самоходных лодок, управляемую совсем молодым матросом. Джонатану было немного не по себе в этом похожем на какое-то морское животное изделии, сэр Уильям благодушествовал, словно он с детства только на таких лодках и плавал.

Путь до «Чайки», так назывался корабль, продолжался всего минут пять, причем попали на него они не совсем обычным способом. С двух стрел на борту в воду была спущена сетчатая платформа на канатах и притоплена примерно на фут. Лодка встала над сеткой, наверху что-то негромко завывало, и вскоре гости, не вставая с досок-сидений, оказались на палубе «Чайки». Их встречал сам герцог.

Он предложил англичанам сначала ознакомиться с принципами и приемами фотографии, после чего будет накрыт обед, и вскоре гости с интересом смотрели за манипуляциями хозяина.

Для начала он взял большое увеличительное стекло, задернул шторы в двух иллюминаторах каюты, оставив только небольшую щель. Поднес к ней лупу, а к лупе – лист бумаги. На ней появилось изображение освещенного солнцем порта, только перевернутое.

Затем Алекс достал темный пузырек, высыпал оттуда щепоть какого-то белого порошка, размазал его по бумаге и отдернул штору. Теперь на бумагу падал прямой солнечный свет, под действием которого порошок на глазах потемнел.

Сэр Уильям сразу понял принцип австралийской светописи. Действительно, если линза дает изображение на плоскости, а некоторые материалы на свету изменяют свой цвет, то почему бы не соединить эти два свойства вместе? Причем оба они по отдельности давно известны в Европе. Но отчего же там не додумались до фотографии? Ведь это так просто! Как и прочие австралийские диковинки, подумал Темпл. Например, воздушный шар, сразу по прибытии в Себу за большие деньги купленный у алькальда. Несколько квадратных футов тонкой бумаги и маленькая жестяная коробочка, которую можно заправлять даже и не белым углем, которого в Европе нет, а сухими щепками. И ведь летает!

Герцог тем временем объяснял Джонатану тонкости светописи. Показал стеклянные пластинки, на которые наносится вещество, затем деревянный ящик на трех ногах и с увеличительным стеклом в переднем торце. Но сэру Уильяму это было уже неинтересно, и он с позволения хозяина вышел на палубу. В конце концов, у австралийцев много неизвестных механизмов, кроме этого... как его... да, фотоаппарата. Но Темпла больше интересовали люди.

Немногочисленные матросы не обращали никакого внимания на англичанина. Почти все они отличались от европейцев чуть более смуглой кожей и слегка приплюснутыми носами, но вскоре сэр Джулиан обнаружил троих, которые были одновременно похожи и на тех, первых, и на европейцев. Пожалуй, если бы такой тип встретился мне в Лондоне, я бы не обратил на него особого внимания, решил Темпл.

Заинтересовавшая его троица в этот момент по очереди разглядывала порт в двойную подзорную трубу, которыми австралийцы пользовались вместо обычных. Время от времени то один, то другой разражался смехом. Наверное, так ведут себя английские моряки, глядя на какую-нибудь туземную деревушку. Англичанин вздохнул.

В какой-то мере он был прав, но не совсем. Эта троица не просто глазела на порт, она работала. Задачей трех курсантов школы имени Штирлица в данный момент являлась отработка мизансцены «цивилизованные люди знакомятся с бытом и жизнью дикарей». Разыгрывалось же это представление для единственного зрителя, то есть сэра Уильяма Темпла.

Тем временем на палубу вышел герцог, а за ним – Свифт, тащивший фотоаппарат. Секретарь возбужденно сообщил, что он все понял и сейчас сделает несколько снимков. Действительно, он установил треногу, уткнулся носом в заднюю панель ящика, потом накрылся куском темной материи и попросил Темпла встать чуть правее и не двигаться. Затем рукой сделал что-то около линзы. Потом его место занял герцог и сфотографировал обоих англичан.

– Примерно через полтора часа снимки будут проявлены и отпечатаны, – пояснил он, – а пока приглашаю вас отобедать чем бог послал.

После обеда Свифту и Темплу была устроена экскурсия по внутренним помещениям корабля. Причем если Свифт просто удивлялся необычайно комфортным условиям, в которых жила команда, то сэр Уильям задумался, зачем такое вообще нужно. Объяснение он нашел только одно – что эта команда, по английским меркам, вся состоит из офицеров, потому она и так малочисленна. Ведь каждый матрос – это как минимум еще и солдат. Причем, судя по рассказам испанцев о необычайной меткости выстрелов с «Победы», солдат очень хороший. Но, скорее всего, только этим их умения не ограничиваются. Наверняка они

в случае надобности могут быть и артиллеристами, ведь «Чайка» имеет восемь пушек, а численность ее команды никак не больше тридцати человек.

Около одной из пушек англичане задержались, рассматривая это орудие с ненормально длинным и тонким стволом, установленным на какой-то довольно массивной железной конструкции. Свифт заикнулся было о том, что ему очень любопытно посмотреть эту пушку в действии, в ответ на что герцог с видимым энтузиазмом взялся лично продемонстрировать ее стрельбу.

– Вот только куда стрелять будем? – осведомился он, с усмешкой глядя на Джонатана.
– По городу – невежливо по отношению к уважаемым донам де Вальдоре и Гонсало. По форту жалко, мы и в первый визит его основательно поуродовали. Хотя... вы только посмотрите, какой замечательный кораблик стоит в полумиле от нас! И цвет яркий, на фоне воды выделяется просто великолепно.

Тут герцог показал в сторону бригантины «Джампер», на которой англичане прибыли в Себу.

– Уверяю вас, что ее получится пустить на дно максимум со второго выстрела. Впрочем, я надеюсь, что мне, как неплохому артиллеристу, хватит и одного.

После этого англичане сочли уместным вежливо посмеяться и более вопрос о показе оружия в действии не поднимать, а перейти к похвалам качеству только что принесенных снимков. Разумеется, оба понимали, что герцог шутил. Но черт их знает, этих австралийцев, до чего у них принято доводить свои шутки! Ведь так и не удалось точно выяснить, какое действие какого лица привело галеон «Карлос II» к его печальному концу.

И незадолго до завершения визита Алекс пригласил Темпла в свою каюту, где наедине сообщил ему что-то важное. Во всяком случае, весь путь до дома сэр Уильям был хмур и на вопросы своего секретаря отвечал односложно. По прибытии в особняк каноника он отказался от ужина, сразу поднявшись в свой кабинет. Где пробыл в одиночестве около часа, после чего послал за Свифтом.

– Джонатан, – немного торжественно обратился к своему родственнику сэр Уильям, – как мне сказал герцог, «Чайка» после Филиппин направляется не в Австралию или ее колонии, а в Европу. Сэр Алекс был столь любезен, что предложил плыть с ним людям из нашей команды. Он не ограничил число, но сказал, что может выделить на всех одну небольшую каюту семь на десять футов. Я принял решение – мы с тобой отправляемся с ними.

Свифт молча опустил голову в знак согласия. При всех довольно-таки родственных отношениях с сэром Уильямом сейчас его мнения никто не спрашивал. Джонатана просто поставили в известность о не подлежащем обжалованию резком повороте судьбы.

Глава 20

Наш поход в Европу начался с того, что пара боевых пловцов вновь посетила английскую бригантину, проделав это столь же незаметно, как и в первый раз. Они отвинтили от ее корпуса мину и доставили ценное имущество обратно на «Чайку». Вы что, думаете, мы не заминировали чужой корабль, торчащий в бухте и вооруженный пушками, сразу после своего прибытия? Ну-ну...

Может быть, когда-нибудь в светлом будущем, когда количество кораблей у Австралийской империи начнет исчисляться сотнями, а поголовье первых министров у ее императора – десятками, появится возможность иногда впадать в благодушие. Да и тогда подобным лучше не злоупотреблять. Ну, а пока мы по умолчанию считали каждый встречный корабль потенциальным врагом.

Кстати, «Джампер» оказался качественным корабликом, его днище было обшито медью. Но в установочном комплекте мины имелись и саморезы по металлу, так что она привинтилась даже прочнее, чем к дереву.

Сразу после прибытия пловцов с миной на «Чайку» мы подняли якорь и двинулись в

обход острова Себу, чтобы затем взять курс на запад.

Думаю, понятно, зачем мы взяли с собой англичан. В гости все-таки лучше являться по приглашению или рекомендации, так что здесь наличие на борту сэра Уильяма может оказаться весьма полезным. Тем более что у него есть мощная бумага от Вильгельма Оранского, который не только английский король, но еще и нидерландский статхаудер, то есть правитель. Кроме того, следовало заранее озаботиться решением языковой проблемы.

Моего английского вполне хватало для бесед, но все-таки знал я его не идеально, да и был это не совсем тот язык, на котором говорили сейчас. То есть любой житель как самой Англии, так и колоний мгновенно признал бы во мне иностранца. Но во мне – это ладно, однако для моих разведчиков подобное было бы весьма некстати. А теперь у них будет минимум полгода общения с живыми носителями языка.

Наконец, хоть мы и изучили текущее время по доступным документам, о хоть сколько-нибудь полном его знании речи не шло. Наверняка имелась масса мелких и не очень подробностей, про которые я был абсолютно не в курсе. Из этих соображений беседы с англичанами будут очень полезны. И их разговоры между собой тоже, потому как если кто думает, что их каюта не была оборудована прослушкой и видеонаблюдением, то я даже и не знаю, как такое назвать.

А вот Виктор после долгих раздумий остался в Австралии. Во-первых, он плохо переносил морские путешествия, от перехода с Чатема на материк он отходил неделю, так что перспектива годового плавания повергала его в ужас. Кроме того, у него родился второй ребенок, на сей раз дочь, которую он не хотел бросать столь надолго. Ну и его обязанности как летописца, пастыря, министра просвещения и генерального животновода требовали присутствия в Ильинске.

Ньютон тоже остался на материке, потому как море он переносил даже хуже Виктора. Так что первый кошак австралийского материка, своего рода кошачий Адам местного значения, не покинул своих уже довольно многочисленных потомков. Которые оказались очень полезными животными, потому как в силу полного отсутствия мышей начали потихоньку охотиться на змей. Правда, сам Ньютон к ним относился с опаской, две филиппинские кошечки вообще боялись всего и из дома почти не выходили, но их дети оказались куда смелее. Особенно отличилась одна кошка из первого помета. В юности он была укушена змейкой, но выжила и приобрела иммунитет к укусам. Теперь она относилась к змеям как к законной добыче и тому же учила своих котят. Чему я был весьма рад, ибо благодаря кошкам, кажется, можно будет обойтись без завоза в Австралию мангустов.

Как только мы обогнули остров и легли на курс, сэр Уильям поинтересовался, из каких мы плывем на запад.

– Видите ли, – начал я, – вы, наверное, слышали, что Земля имеет форму шара, и мы сейчас находимся почти на противоположной от Европы стороне. В такой ситуации, вообще-то говоря, можно плыть куда угодно. Да, западный путь из-за лавирования между островами может оказаться чуть сложнее, но зато на нем не будет встречных ветров и течений, благодаря которым испанцы вынуждены возвращаться в Мексику довольно хитрым зигзагом. Кроме того, на востоке мы уже бывали, а на западе – еще нет, так что мне просто интересно.

В принципе высказанное мной тоже было правдой, но главная причина выбора направления заключалась в ином. Я хотел до визита в Европу встретиться с «Победой». Если у той все пройдет хорошо, то добавить к рубинам с сапфирами еще и алмазы, а если не очень – хрен с ними, с камнями, потом нароем. Главное, чтобы с «Победой» и ее экипажем не случилось ничего непоправимого.

Основная масса алмазов Южной Африки вообще-то залегала довольно далеко от побережья. Это были кимберлитовые трубки, то есть коренные месторождения. Имелись еще и россыпные, результат эрозии коренных. То есть их оттуда вымыло и миллионы лет потихоньку тащило вниз, к океану. Но тут трудность заключалась в том, что, достигнув берега, алмазы продолжили свой путь дальше, и теперь большая их часть пребывала на

океанском дне у Берега Скелетов. Однако имелись и небольшие россыпи, еще не завершившие свой путь, и одну из них, в отложениях того самого ручья, и предстояло найти экспедиции с «Победы».

Еще мне не давал покоя самый крупный алмаз в мире, то есть «Куллинан». Но вряд ли получится его найти, потому как координаты прииска, где он был добыт, мне разузнать не удалось. Впрочем, вместо одного крупного можно добыть очень много мелких, и у меня уже были мысли по организации нормального рудника в Кимберли. Я даже попросил Илью подумать на тему небольшого парового экскаватора, но начало практической реализации этого проекта отложил на не самое близкое будущее.

Море Сулу мы преодолели за сутки, после чего повернули на восемь румбов к югу и десять дней плыли сначала по Южно-Китайскому, а потом по Яванскому морю. Где кончается одно и начинается другое, моя карта точно не указывала, но на вид эти моря ничем друг от друга не отличались. Один раз на горизонте оказался парус, но вскоре исчез.

Вечером одиннадцатого дня пути мы были в двухстах километрах от Зондского пролива, где я приказал сбросить скорость, чтобы пройти этот самый пролив утром. Потому как место было очень удобное для отлова всяких одиночных путешественников вроде нас.

И действительно, в проливе мы увидели паруса сначала впереди, а потом сразу два справа. Неизвестные действовали слаженно, хоть и не могли обмениваться сигналами, и расстояние между нами и чужими кораблями начало сокращаться, несмотря на то, что мы шли под всеми парусами. Но ветер был довольно слабый, а потенциальные противники, как я вскоре разглядел, кроме парусов имели и весла.

Минуты две я боролся с искушением маленько повоевать, но потом голос разума взял верх, и была отдана команда поднимать пары в обоих котлах. Ибо путешествие еще только началось, и ни к чему тратить боеприпасы там, где без этого можно прекрасно обойтись.

Вскоре «Чайка» разогналась до двадцати пяти километров в час, а после сорока минут такого хода стало ясно, что ее траектория не пересекается с путем ни одного из шедших ей наперерез кораблей. Но мимо одного мы прошли довольно близко, километрах в полтора, и я его внимательно рассмотрел.

Судно было длинным, узким и низким, имея две мачты по оконечностям, на каждой из которых было по косому парусу наподобие латинского. И по ряду весел с бортов, которыми оно интенсивно загребало. На носу торчали трое в ярких одеждах и каких-то тюрбанах на головах, они яростно жестикулировали, время от времени показывая руками в нашу сторону. Видимо, столь быстроходных кандидатов в жертвы им до сих пор не попадалось.

То есть нападающие не были европейцами. Собственно, из-за таких, как они, пираты из Европы так и не смогли закрепиться в этом регионе.

– Мусульмане, – сказал Темпл, тоже наблюдавший за кораблем. – Им лучше не попадаться.

– А что, их английским коллегам можно попадаться безбоязненно? – хмыкнул я.

Свифт же не скрывал разочарования. Он-то надеялся, что сейчас увидит наши пушки в действии! А вместо этого ему показали, какую скорость может развивать «Чайка» при ветре около трех баллов. Тоже, конечно, интересно, но хотелось-то большего.

Спустя час с минутами неудачливые преследователи скрылись за горизонтом, а мы вышли в Индийский океан. Теперь нам предстояло пройти девять тысяч километров до мыса Доброй Надежды. В принципе, если подопрет, мы при желании сможем зайти на Кокосовые острова, до которых оставалась тысяча километров, или, уже ближе к Мадагаскару, на Маврикий, кроме которого там есть и еще какие-то островки. Но если не произойдет ничего непредвиденного, то первая высадка произойдет на атлантическое побережье Южной Африки. А может, даже этого не понадобится.

Почти сразу после выхода в океан ветер подул с севера и вскоре достиг пяти баллов, так что «Чайка», слегка накренясь, буквально полетела по волнам. Такая благодать длилась почти неделю, а потом ветер начал слабеть и вскоре стал почти незаметным. «Чайка» плелась со скоростью пенсионера на прогулке, а вокруг потихоньку становилось все жарче и

жарче, хотя мы и удалялись от экватора. Вскоре пришлось включить кондиционеры, имеющиеся на корабле в количестве двух штук, из-за чего скорость упала еще примерно на километр.

Охладители были собраны на элементах Пельтье, в силу чего не требовали вообще никакого обслуживания и могли работать если не вечно, то уж не меньше, чем живет человек. Однако они жрали электроэнергию, сажая аккумуляторы, и для их подзарядки один из двух винтов «Чайки» теперь под напором воды вращался не вхолостую, а крутил генератор. Из-за чего мы и потеряли тот самый километр скорости, но повода спешить пока не было. Мне удалось связаться с «Победой», и я узнал, что она три дня назад только вышла из Танжера и сейчас маневрирует против ветра, двигаясь на юг вдоль африканского берега.

Любопытство же англичан по поводу дующего из забранной решеткой круглой дыры прохладного ветерка было удовлетворено по уже опробованной схеме. Я показал им фотографию и объяснил, что в трюме установлены холодильные железки вот такого зверя. Некоторые по неграмотности принимают их за уши, но на самом деле они нужны для замораживания жертвы. Зверь называется горный чебуратор.

В тетрадку со всякой австралийской экзотикой он у меня был записан заранее.

Что интересно, в Индийском океане нам стали часто попадаться летучие рыбы. Видеть-то я их видел и в первом походе на Филиппины, но редко и издалека, а тут они так и выскакивали из воды. Причем если днем они летали довольно низко, то по ночам набирали до пяти метров высоты, неоднократно шлепаясь прямо нам на палубу. По виду эти создания напоминали крупную селедку со стрекозиными крыльями, но по вкусу ее существенно превосходили. А как-то раз нам довелось поучаствовать в событии, сильно пополнившим наши продовольственные запасы.

В ту ночь летающие селедки падали на «Чайку» особенно густо, но с утра их поток не иссяк, как обычно. Они вырывались из воды целыми стайками, пару секунд летели над самой поверхностью, опустив в воду бешено виляющий хвост. И, набрав таким образом скорость, взмывали ввысь. Вскоре мы увидели, с чем связана их паника. «Чайку» догнала стая тунцов, и сейчас в прозрачной воде вокруг корабля было видно множество этих рыб, похожих на гигантских, до полутора метров в длину, скумбрий. Они-то и охотились на летучих рыб. Я только успел подумать, что неплохо бы оценить вкус наших новых гостей, но мориори уже сориентировались, ведь чем-чем, а рыболовством все они занимались с детства.

В руках у матросов появились короткие толстые удочки с двухмиллиметровой леской и крючками, которые вполне подошли бы в качестве якорей для средней судомодели. Как наживку использовали в изобилии разбросанных под ногами летучих рыб, и вскоре на палубе забились куда более крупная добыча. Пару раз клюнувший тунец был столь велик, что вытащить его из воды могли только несколько человек, у одного не получалось.

Этот праздник заготовки кормов продолжался минут двадцать, после чего потихоньку сошел на нет, увеличив наши запасы на полтора десятка рыб, самая крупная из которых имела в длину метр тридцать и весила около девяноста килограмм.

– Ну вот, – сказал я Темплу, – а вы спрашивали, на какой срок «Чайке» хватит имеющегося на борту продовольствия. Вон оно, само на корабль прыгает, так что голод нам точно не угрожает. Кок сообщил, что сегодня уже будет тушеный тунец под белым соусом. Поэтому приглашаю вас с Джонатаном отобедать у меня.

За обедом разговор от летучих рыб как-то незаметно перешел на полеты вообще. Я порылся в шкафу и вытащил несколько снимков, изображающих дирижабль «Гинденбург» в разные моменты его недолгой службы. В том числе и в последний, где он взрывается около причальной мачты. Объяснил, что воздушные путешествия вообще-то не самая безопасная вещь на свете, морские в этом отношении все-таки предпочтительней.

Ибо если кто-то тут соберется строить монгольфьеры, эти бумажные шары поначалу у них будут гореть как свечи. Так пусть утешаются, что не у них одних.

Кстати, Свифт оказался довольно сообразительным молодым человеком. Он уточнил у меня, правильно ли, что подъемная сила воздушного шара зависит от разницы температур

внутри и снаружи. Получив утвердительный ответ, англичанин самостоятельно сделал вывод, что воздушные корабли более эффективны в странах с холодным климатом. Я заверил Джонатана, что уж с чем-чем, а с холодом в нашей метрополии проблем не бывает никогда. Темпл же предположил, что в свете вышеизложенного первой европейской страной, обладающей воздушным флотом, станет Московия.

Англичане посмеялись, а я подумал – не рано ли веселитесь, господа? Ибо построить дирижабль вполне возможно и без применения устройств или материалов из двадцать первого века. Включая даже двигатель, который лучше делать не паровым, а двухтактным бесклапанным компрессионным. Вроде маленьких авиамodelьных моторчиков. А Петр Алексеевич зело любопытен до всяких заморских технических диковин, так что в свое время можно будет и пообщаться с ним на эту тему.

Штиль продолжался дней десять, за которые мы прошли меньше трехсот километров, и только девятого июля подул юго-восточный ветер. Воспрянувшая «Чайка» снова понеслась на запад, чуть забирая к югу, но вечером ей пришлось ненадолго притормозить, потому что мы обнаружили небольшой островок почти прямо по нашему курсу.

Вообще-то величие любого открытия сильно зависит от эпохи, в которую оно сделано. Например, в текущем семнадцатом веке был открыт закон всемирного тяготения. Величайшее достижение человеческой мысли! А в двадцать первом его проходят в восьмом классе средней школы. Правда, проходят так, что еще лет тридцать прогресса в том же направлении, и закон придется открывать заново, но это уже другая сторона проблемы.

Новозможен и обратный вариант. Например, попробуйте-ка в двадцать первом веке открыть неизвестный науке остров, причем не прибрежный. Если это получится, ваше имя год не будет сходить со страниц географических журналов! А здесь, в веке семнадцатом, история выйдет самая тривиальная. Подумаешь, открыли еще один ни к чему не пригодный клочок земли посреди океана. Что, и даже высаживались на него, не пожалев времени? Ну, совсем людям заняться нечем.

Не будь на борту англичан, я бы точно высадился на эту известковую плешь размером полкилометра на двести метров при максимальной высоте метров двадцать в ее южной оконечности, где росла какая-то чахлая зелень. И, воткнув туда австралийский флаг, назвал бы остров своим именем! Но из-за гостей приходилось изображать полнейшее равнодушие – ибо по легенде австралийские экспедиции вообще не посещали этот район. Но координаты я все-таки уточнил, получив что-то в районе восьмидесяти семи градусов восточной долготы и четырнадцати южной широты. Еще раз сверился со своей картой – ничего, кроме локального уменьшения глубины, на ней в этом месте не было.

Англичане тоже увидели остров, но ни малейшего энтузиазма он у них не вызвал. Впрочем, ни Свифт, ни Темпл не знали, что его тут просто не должно быть. А я знал, и, нанеся его на карту, отдал приказ добавить парусов и продолжать путь, сам же отправился в радиорубку. Потому как Илья просил меня внимательно отнестись к вещам, которые хотя бы намекают на то, что этот мир хоть чем-то отличается от нашего прошлого.

Разумеется, думал я, крутя верньеры настройки, этот островок вполне мог существовать и в нашем прошлом, тихо исчезнув сам собой к двадцатому веку. Но вдруг нет и он является одним тех самых отличий, о которых говорил Баринов? Ибо у него была какая-то гипотеза, кою он желал подтвердить или опровергнуть.

Глава 21

Второго декабря тысяча шестьсот девяносто пятого года в Лондоне стояла на редкость мерзкая погода. Шедший со вчерашнего вечера дождь ночью перешел в снег, который прекратился только к десяти утра, успев покрыть землю белыми пятнами, а дороги – дополнительным слоем мокрой грязи. Впрочем, его величество Вильгельм III не собирался в этот день покидать Виндзорский замок. Он только что получил обстоятельный доклад своей разведки о состоянии дел во Франции и собирался весь день посвятить его изучению.

До обеда король вникал в экономическое положение своего главного противника. По докладу получалось, что за последний год оно хоть и ухудшилось, но не настолько, насколько можно было надеяться. Значит, война будет продолжаться, покачал головой король. Ибо она не из тех, которые заканчиваются взятием вражеских столиц. Войны, подобные этой, идут до тех пор, пока расходы на них не превышают гипотетических выгод, кои сможет получить выигравшая сторона. Значит, если экономическая картина не изменится, Франция согласится на мир где-то года через два-три, не раньше, и почти независимо от побед своей армии в Испании. Но что со специальным поручением, которое от его имени было дано этому, как его... а, графу д'Алансеру. Его арестовали как английского шпиона? Замечательная новость, к тому же обошедшаяся всего в полторы сотни двойных луидоров, то есть двести сорок гиней. Арест этого неудачника за робкие попытки расспросов означает, что дело действительно серьезное, что, собственно, и требовалось выяснить.

Полгода назад к Танжеру приблизилась небольшая шхуна, напоминающая голландские, но с необычно большой площадью парусов. Она не стала заходить в порт, а легла в дрейф примерно в полутора милях от него, простояв так с восьми утра до полудня. Потом, подняв паруса, двинулась на юго-запад. За ней погнался французский фрегат «Мираж», и через два часа оба корабля скрылись за горизонтом. Больше их никто никогда не видел.

Значит, решил Вильгельм, мои подозрения скорее всего имеют под собой почву и «Мираж» действительно вознамерился задержать австралийский корабль. В таком случае, судьба фрегата и его команды вряд ли когда-нибудь станет известной, если только о ней со временем не расскажут сами австралийцы. Но наверняка можно считать, что она незавидная. Однако с чем связано появление корабля австралийцев – случайность? Или, может быть, это их реакция на отправку экспедиции на «Джампере»? Хотя нет, начало июля – это слишком рано. Даже если австралийцы имеют в Лондоне своих шпионов, которые узнали об отправке в тот же день и немедленно отправили корабль с этим известием, все равно у них не получилось бы успеть так быстро, пусть их суда и превосходят по скорости лучшие английские. Но, может быть, сведения передаются как-то иначе? Например, в Европе используются почтовые голуби. А австралийцы, судя по их орлу, достигли больших успехов в дрессировке птиц. Вдруг у них есть какие-нибудь летуны, способные преодолевать тысячи миль над океаном?

Вильгельм вздохнул. Он уже давно чувствовал нарастающее противоречие между увеличивающимся темпом жизни и скоростью передачи сведений, оставшейся неизменной со времен Римской империи. Даже финансировал работы известного ученого Гука по созданию оптического телеграфа. Да, тот его создал, и теперь приходится принимать меры, чтобы сведения о телеграфе не утекли во Францию. Ибо что от него толку в Англии, где половину года погода стоит если и лучше, чем сегодня, то совсем ненамного? Не ставить же телеграфные башни через каждые триста футов. А вот во Франции условия заметно лучше. Правда, изобретением Гука заинтересовались во флоте, но оно не решает проблемы связи с колониями. Что бы ни случилось в той же Индии, он узнает об этом в лучшем случае через семь месяцев, а вообще-то может пройти и год.

В этом месте размышления короля были прерваны осторожным звяканьем колокольчика, и в кабинет зашел дворецкий.

– Ваше величество, – поклонился он, – гонец со срочным письмом из Дувра.

– Немедленно ко мне, – отреагировал король.

– Но, ваше величество, он в таком виде...

Вильгельм молча посмотрел в переносицу дворецкому. Тот поклонился и исчез. Что же, этот, в отличие от своего предшественника, умеет вовремя замечать свои ошибки. Ишь как кинулся вниз по лестнице! Кажется, понял – в каком виде будут королевские гости, решать не ему. И что этикет надо скрупулезно соблюдать только тогда, когда это не мешает исполнению действительно важных вещей.

По виду гонца в самом деле можно было легко определить погоду, не выглядывая на улицу. С него все еще продолжало капать. И видно было, что путь дался ему нелегко, но он

браво прищелкнул каблуками и, чуть приглушив голос, гаркнул:

– Ваше королевское величество, пакет от сэра Уильяма Темпла, прибывшего в Дувр сегодня утром на одном из двух кораблей неизвестной национальности.

– Благодарю вас, молодой человек. Но вы, кажется, совсем продрогли? И еле держитесь на ногах, так что садитесь.

Вильгельм указал курьеру кресло чуть сбоку от своего рабочего стола. Тот с сомнением глянул на него, потом на себя, открыл было рот, но король не терпящим возражений тоном пресек его попытку:

– Во дворце найдется достаточно людей, которые потом почистят или вовсе заменят это кресло, но никто кроме вас не расскажет мне, что произошло сегодняшним утром в Дувре. А я желаю услышать подробный рассказ, что вряд ли получится, если вы останетесь на ногах. Садитесь, это вам приказывает ваш король. Пожалуй, даже...

Вильгельм достал из украшенного венецианским стеклом шкафа графин, наполнил небольшой хрустальный кубок и протянул гонцу:

– Выпейте, шотландский виски – лучшее средство против простуды, это я по себе знаю. И начните с самого начала. Видели ли вы, как именно появились корабли? Кто вам вручил пакет, лично сэр Уильям? Как он выглядел, на чем добрался до берега? В общем, я вас внимательно слушаю.

Через полчаса курьер покинул королевский кабинет, два лакея унесли не так уж и сильно испачканное кресло, а Вильгельм вскрыл доставленный ему пакет. Там оказался еще один, совсем маленький, около двадцати исписанных мелким почерком листов бумаги и пять черно-белых рисунков, выполненных неизвестным способом и в незнакомой Вильгельму, но предельно реалистичной манере. Кроме бумаги, в пакете содержалось и нечто вроде карандаша, но сделанного из странного, переливающегося на свету материала. И, хотя королю хотелось первым делом ознакомиться с рисунками, он взялся за листы, оказавшиеся докладом Темпла.

Король был педантичным человеком и считал, что с любой новостью лучше знакомиться не абы как, а в строгой последовательности. Сначала – предыстория появления этой новости. Затем она сама, после чего можно перейти к дополнениям, если они есть, в данном случае король отнес к ним маленький конверт. И, наконец, иллюстративный материал, его надо смотреть последним.

На прочтение доклада королю хватило получаса. Что же, он в очередной раз не ошибся в людях – старый Уильям и его секретарь Свифт с блеском выполнили возложенную на них миссию. Пожалуй, на этого молодого человека следует обратить особое внимание. А рисунки, значит, все, кроме одного, сделаны именно им и представляют из себя австралийскую светопись, именуемую фотографией?

Вильгельм снова протянул было руку к ближайшему, но взял все-таки конверт, где, как это он уже знал, находилось личное послание герцога. Вскрыл, достал небольшой листок необычайно белой и плотной бумаги, на которой довольно странным шрифтом, но в то же время очень аккуратно было написано следующее:

Ваше Величество, представляюсь по случаю прибытия в Англию для установления дипломатических отношений между нашими странами – герцог Алекс Романцефф де Ленпроспекто, адмирал флота Австралийской империи. Жду решения Вашего Величества на борту своего корабля «Чайка».

И довольно незамысловатая подпись, начинающаяся с буквы «А».

Теперь можно было переходить к снимкам, и король взял первый из них. Палуба корабля, на ней в напряженных позах стоят Свифт с Темплом, а на заднем плане – городок, утопающий в тропической растительности. Это запечатлено еще на Филиппинах, понял Вильгельм.

На втором снимке был какой-то остров посреди океана. Третий – старый, сделанный не Свифтом, с герцогом и австралийским императором на фоне огромного дворца. От этой фотографии Вильгельм не мог оторваться минут двадцать. Но все же отложил снимок и

перешел к следующему, весь центр которого занимала пушка австралийцев. Сбоку от нее стояли два артиллериста и герцог с двойной подзорной трубой в руках. Наконец, последняя картина изображала горящий корабль, причем довольно большой, с не менее чем шестьюдесятью пушками в трех орудийных палубах. В самом деле, Темпл писал, что сразу после Гибралтара их попытался остановить португальский тяжелый фрегат, да примет господь души его команды в полном составе.

Оставался еще странный карандаш, который Темпл назвал «роллером», именно им и был написан его рапорт. Уильям утверждал, что таким карандашом можно провести линию длиной в полмили, после чего его принято выбрасывать и брать следующий. Король повертел в руках занятую вещицу. Значит, полмили? Мне не написать столько и за год, но даже когда краска в этой игрушке кончится, я не стану ее выбрасывать, решил Вильгельм.

Разобравшись с содержимым пакета, король приступил обдумыванию прочитанного и увиденного. Итак, что это добавляет к ранее полученным сведениям? Первое – сам факт существования Австралийской империи можно считать доказанным, и ее техническое превосходство над европейскими странами тоже. Далее, Темпл утверждает, что ему косвенным путем удалось установить численность австралийцев, которая, по его прикидкам, никоим образом не превышает семь миллионов человек, а скорее даже ближе к пяти. Иными словами, у этой империи хронический дефицит рабочих рук при избытке земель, правда, малопригодных к заселению из-за очень холодного климата. Герцог в беседах неоднократно подчеркивал, что у Австралии нет интересов к колониям вне зоны ее влияния, каковая ограничена десятью градусами южной широты с севера, сотым восточным меридианом с запада и сто шестидесятым – с востока.

Вильгельм сверился с картой. Что же, пока эти требования не задевают интересов Англии. Там почти сплошное белое пятно, посреди которого находится остров Вандименова Земля, открытый пятьдесят лет назад Абелем Тасманом, и еще два, а по данным Тасмана даже три примерно такой же площади, про которые вообще нет достоверных данных даже о месторасположении. Таким образом, один из важнейших вопросов – это насколько можно верить словам герцога об ограниченности австралийских территориальных притязаний. С первого взгляда они похожи на правду, потому как колонизация обозначенного на карте куска при таком населении займет как минимум лет сто, если не двести. Но это еще нуждается в уточнении.

Король сделал пометку и перешел к следующему пункту. В чем торговый интерес австралийцев? Темпл пишет, что в покупке чугуна, железа, меди, олова и различных видов тканей за золото и драгоценные камни. Объясняет он такой выбор тем, что австралийцы, разумеется, все это могут делать и сами, причем гораздо более высокого качества. Особенно ткани, но и сталь у них выше всяких похвал. Однако такое качество нужно не везде, зато рабочие руки, коих хронически не хватает, все равно отвлекаются. И австралийцы хотят покупать то, что умеют делать и в Европе, сами же собираются сосредоточиться на производстве тех вещей, которые, кроме них, не сделает никто. Тоже довольно логично. И тоже, если это правда, никак не задевает интересов Англии. Наоборот, с учетом предложенных цен торговля с Австралией может оказаться достаточно выгодным делом, несмотря на огромное расстояние до нее.

Следующим пунктом были военные аспекты взаимоотношений с неведомой империей, и вот тут Вильгельм не усмотрел ни малейших поводов для оптимизма. По словам Уильяма, пушки австралийцев могли стрелять почти на две мили, а только на «Чайке» их стояло восемь штук. Несчастный португалец был сожжен всего четырьмя выстрелами с расстояния семь кабельтовых, причем одна-единственная носовая пушка сделала их за две минуты, ни разу не промахнувшись при этом. Так близко фрегат был подпущен из-за первоначального желания герцога решить дело миром, «Чайка» открыла огонь только после выстрела из носовой пушки фрегата. Французский же корабль ранее был утоплен «Победой», она стреляла с двенадцати кабельтовых и истратила пять снарядов. Как можно бороться с таким противником?

Король взял лист бумаги, свежеприобретенный роллер и занялся подсчетами. Итак, пусть английские корабли смогут открывать эффективный огонь с пяти кабельтовых, хотя это и некоторое преувеличение. Австралийцы – с полутора миль. На уничтожение одного корабля у них уйдет две минуты стрельбы одной пушкой, если же учесть их общее количество, то пятнадцать секунд времени. Англичанам же для сближения на дистанцию эффективного огня при скорости в шесть узлов потребуются пятнадцать минут! То есть атака менее чем шестьюдесятью кораблями одновременно вообще бессмысленна. А ведь рассматривался самый выгодный для нападающих случай, когда противник вообще стоит. Учитывая же, что австралийские корабли могут развивать очень высокую скорость...

Нет, вздохнул король, такое нереально. Они же не смогут атаковать все сразу, будут мешать друг другу, и «Чайка» просто расстреляет их по очереди. Значит, следует записать, что в открытый бой с австралийцами нельзя вступать ни под каким видом, и двигаться дальше. То есть решить, стоит ли приглашать гостей, причем если да, то куда именно. Или, наоборот, самому нанести им визит?

Сам по себе вопрос не вызывал особых трудностей. Вильгельм всегда считал, что чем меньше о тебе знают другие, неважно, враги это или друзья, тем лучше. Из этих соображений идеальным был бы вариант, при котором герцог вообще не покинет своего корабля, но такое пожелание вряд ли встретит благосклонное понимание с его стороны. Но желательно, чтобы посещению им Лондона, по крайней мере немедленному, препятствовали какие-нибудь трудности, состав и характер которых предстоит уточнить в ближайшее же время. Например, очень плохая погода, из-за которой дороги перешли в непроходимое состояние. Ну, а в Дувр его не пускать нельзя, так что следует предупредить власти города и порта о максимальном гостеприимстве по отношению к австралийцам. Глядишь, им и не захочется ехать куда-то еще. Но, значит, тогда самому придется наносить первый визит. Причем именно на корабль, потому как в Дувре, конечно, найдется где устроить прием с королевской пышностью. Вот только кому это надо? Уж во всяком случае не ему, Вильгельму III. Гораздо полезнее будет своими глазами увидеть «Чайку». Да и герцог, судя по докладу Темпла, к подобным вещам равнодушен.

Значит, решено, подумал король. Завтра с утра выезжаю в Дувр. С собой пока никого не возьму, по результатам первой встречи станет ясно, какие люди потребуются для продолжения контактов. Или все-таки захватить Папена, благо и живет, и работает он здесь, в Виндзоре?

Когда год назад прибывшему в Лондон Папену показали рисунки филиппинского алькальда и объяснили, что на них изображена действующая модель паровой машины, он впал в восторг.

– Гениально, – объяснял этот ученый француз вручившему бумаги секретарю, – просто гениально! Ведь самым узким местом паровой машины является поршень. Его вес, инертность, необходимость тщательной подгонки к цилиндру... расчеты показывают, что эта пара должна быть изготовлена с такой точностью, чтобы в зазор между цилиндром и поршнем нельзя было просунуть даже мизинца! И ведь надо будет при каждом ходе менять направление парового потока. А потом еще требуется преобразовать поступательное движение во вращательное. Этот же неведомый гений вообще отказался от поршня! Энергия пара, всегда движущегося в одну сторону, сразу преобразуется во вращение. Я уверен, что паровая машина по такой схеме может быть быстро создана и покажет высокие результаты.

И действительно, всего за восемь месяцев Папен построил модель турбины и установил ее на небольшую лодочку, поднимающую одного человека. Она довольно шустро плавала по пруду около замка. Правда, шестеренки, которыми вращение передавалось от вала на винт, регулярно ломались, в чем француз обвинял королевских часовщиков, якобы изготовивших их слишком грубо.

Кроме того, над этой же проблемой работал и сэр Исаак Ньютон. Он сначала занялся теорией и вывел уравнения, по которым, зная температуру и давление пара на входе и выходе турбины, можно было подсчитать ее мощность. Причем приняв данные, уже

полученные на модели француза, он получил совершенно фантастические результаты! Машина всего в пятьдесят раз больше изготовленной Папеном заменит две тысячи гребцов.

Сделаем так, решил король. Сегодня же Папен совершенно случайно узнает, что в Дувр прибыли австралийцы и король завтра отправляется туда. Наверняка он попросит взять его с собой, в чем не будет повода отказать. Ни к чему показывать герцогу свою особую заинтересованность в их технических новинках. А ученый – совсем другое дело, он просто не смог сдержать врожденную восторженность натуры.

Через полчаса в кабинет зашел королевский камердинер.

– Натаниэль, – сообщил ему король, – завтра утром ты в сопровождении четырех гвардейцев едешь в Дувр.

Камердинер кивнул. Это была принятая между ними фигура умолчания, означающая, что вообще-то поедет не только он, но и его величество. Не то чтобы инкогнито, однако не привлекая к поездке лишнего внимания. Например, неоднократные посещения поместья Уильяма Темпла проходили, как правило, именно по такой схеме.

– Возможно, с тобой захочет ехать наш ученый механик, Дени Папен. В таком случае не нужно ему препятствовать.

Слово «возможно» король несколько выделил, и это означало – ответственность за превращение данной возможности в факт возлагается на него, Натаниэля Мосли. Камердинер снова кивнул. Он не находил ничего странного в манере Вильгельма даже доверенным людям не говорить того, без чего можно обойтись. В конце концов, невысказанное не может и быть услышанным лишним ушами, без каковых, как он точно знал, не обходится ни один королевский двор Европы.

Глава 22

В своей... э... нет, не прошлой, как-то это звучит уж больно потусторонне. В своей старой жизни я неоднократно читал, как русские, волею судьбы заброшенные в жаркие края, вовсю тоскуют о зиме и снеге, уделяя этому занятию чуть ли не каждую свободную минуту. Но по опыту жизни новой я пришел к выводу, что это, наверное, были какие-то неправильные русские. Потому что иначе пришлось бы признать неправильным себя, чего мне почему-то не хотелось.

В общем, то, что последние четыре года я не видел ни снега, ни минусовых температур на улице, меня не напрягало нисколько. Правда, лед я держал в руках, и неоднократно, сам получая его в наших холодильных установках. Кроме всего прочего, и для показа курсантам школы имени Штирлица, а то видео все-таки давало не очень полное представление об этом состоянии воды.

Так вот, утром второго декабря, выйдя на палубу «Чайки», я увидел, что она покрыта снегом, и никакого восторга это у меня не вызвало. Отвратные погоды стоят в Англии, с Австралией не сравнить, подумал я, до конца застегивая молнию куртки. А вот мориори были в восторге.

На острове Чатем снег вообще-то иногда выпадал. Но редко, далеко не каждый год и даже не каждое десятилетие. И там имелось поверье, что человеку, хоть раз в жизни прошедшемуся босиком по снегу, от высших сил полагаются какие-то бонусы. Поэтому палуба «Чайки» была истоптана вдоль и поперек. Не простудились бы, подумал я и велел продолжать ремонт, который мы начали еще на ходу.

Самый жестокий шторм, который я до сих пор видел, настиг нас вовсе не на ревущих сороковых, как вроде бы положено. Мы попали в него в Бискайском заливе, где нас трепало почти двое суток. Причем «Победа» пережила буйство стихии без последствий, а вот у «Чайки» расшаталось нижнее крепление фок-мачты, в трюме открылись две небольшие течи, и такелаж кое-где требовал ремонта или даже замены.

Вскоре на палубе появились наши англичане, уже с баулами и в парадной одежде. Им не терпелось побыстрее ступить на землю Англии, покинутую более полутора лет назад.

Впрочем, тогда они не надеялись вернуться домой столь быстро. Теперь же они радостно погрузились в надувную лодку, и через пять минут она запрыгала по мелким волнам в сторону порта.

Мы бросили якорь немного в стороне от так называемой бухты, которая на самом деле представляла собой просто более или менее удобное место для подхода с суши к морю. То есть она была открыта практически со всех сторон, что мне в общем-то нравилось – всегда можно сняться с якоря и уйти в случае чего.

Кстати, в Дувре я уже бывал, и не так давно, в две тысячи первом году. И сейчас смотрел, что тут изменилось по сравнению с теми временами.

Естественно, замок Дувр никуда не делся, он торчал на своем месте, то есть километрах в четырех восточнее. А вот волнорезов не было, и собственно порт располагался там, где в двадцать первом веке был пляж. Мы же стояли там, где тогда был именно порт, а сейчас пока еще ничего. Я огляделся. Такое впечатление, что город разросся за минус триста лет, помню, тогда он показался мне совсем небольшим. А вот знаменитые белые скалы выглядели весьма непрезентабельно, то есть имели совершенно явственный грязно-серый оттенок. Может, в этом была виновата погода. Или другой вариант – все-таки эти скалы в значительной мере символ, и вполне возможно, что в двадцать первом веке их как-то чистили для придания большей привлекательности. Или красили в белый цвет, хотя вот это, пожалуй, вряд ли.

Убедившись, что лодка с англичанами благополучно достигла берега, высадила их и развернулась обратно, я отправился в трюм – посмотреть, на какой стадии там застрял ремонт нижнего крепления фок-мачты.

К обеду я снова вылез на палубу и получше рассмотрел порт, благо дождь на время прекратился. Кажется, никаких соседей, которых следует всерьез опасаться, тут сейчас нет.

В принципе наши боевые пловцы могли работать и в гидрокостюмах, так что у меня даже возникла мысль маленько потренировать их в реальных условиях холодного и мутного моря, но, подумав, я от нее отказался. Минировать в Дувре было совершенно некого. Но что это? На палубе стоявшей ближе всех к нам небольшой шнявы началась какая-то суета. Видя это, расчет второй бортовой пушки не дожидаясь моей команды занял свои места у орудия, а на «Победе» повернулся вбок ствол сорокапятки.

Тем временем шнява снялась с якоря и, поймав ветер двумя кливерами, поползла к западному краю бухты. Где опять бросила якорь, но так, чтобы между ней и нами оказался какой-то обшарпанный лихтер.

Небось Свифт с Темплом уже наябедничали, что мы любое несанкционированное приближение вооруженного судна рассматриваем как агрессию, подумал я. Но где у той шнявы пушки? Хотя хрен их знает, вдруг у нее орудийные порты замаскированы так хорошо, что их не видно. Тогда молодцы, вовремя проявили разумную осторожность.

К вечеру ремонт был закончен, других новостей не появилось. Когда стемнело, то «Чайка», то «Победа» время от времени включали прожектора и обводили лучами прилегающую к нам акваторию. В первый раз это вызвало в порту что-то вроде небольшой паники, а потом народ привык. В общем, ночь прошла спокойно, а утро порадовало нас сразу двумя новостями. Первая – погода настолько улучшилась, что пару раз из-за туч даже показывался краешек солнца. Вторая же заключалась в том, что в Дувр прибыл гонец от короля с приказом относиться к австралийцам со всей возможной почтительностью, как того требует высокий ранг прибывших гостей из дружественной державы. Во исполнение чего капитан порта лично явился на «Чайку», долго рассыпался в любезностях, а потом сказал, что наши команды могут беспрепятственно сойти на берег, а ежели среди них окажутся персоны благородного происхождения, то он, капитан порта, готов лично принять их у себя.

Я поблагодарил капитана за любезность, подарил ему зажигалку и сказал, что персоны, действительно, прямо сейчас и будут.

Моим курсантам пора было начинать знакомиться с Англией, причем каждому в своей роли.

Самый молодой из них, Василий Баринов, имел звание животновода второго ранга,

специализируясь на лошадях. Вообще-то он начинал свою карьеру курсантом летной школы, но она была прервана тем обстоятельством, что фигурой и силой он пошел в отца. То есть в семнадцать лет, не имея в организме ни капли лишнего жира, Вася весил около девяноста килограмм. Вот ему-то точно найдется чему здесь поучиться, подумал я.

Следующую персону звали Кеша Тамахи, он был простым флотским лейтенантом. А патриархом среди моих будущих разведчиков являлся тридцатилетний Уиро Мере-тики, бывший ученик шамана, а ныне гауптштурмпастьер Австралийской христианской церкви. В рясе, фуражке, со здоровенным алюминиевым крестом на груди и кобурой с револьвером на ремне он смотрелся очень импозантно.

Револьверы имела вся троица, причем, в отличие от моих подарочных изделий, это были нормальные самовзводы. А ребята умели не только их носить, но и очень неплохо стрелять, так что в случае чего они смогут постоять за себя.

И вскоре первая гуманитарная миссия Австралийской империи вступила на английский берег. Я же остался на корабле, ибо без приглашения от персоны рангом не ниже моего лезть на берег было, по моим понятиям, не совсем прилично. Да и как-то лень, честно говоря. В моей каюте тепло, чисто и сухо, а там все обстояло строго наоборот.

Ближе к вечеру «Чайку» посетил еще один гость – Свифт.

– Здравствуйте, Джонатан, – приветствовал я его, – вам настолько не понравилось в Дувре, что вы решили вернуться? Пожалуйста, ваша каюта не занята.

– Что вы, – улыбнулся этот потенциальный писатель и уже вполне состоявшийся разведчик, – замечательный город. Который к тому же только что удостоился визита его величества Вильгельма III.

– Большая честь, – кивнул я, – и что теперь в связи с этим делать мне? Просветите, будьте добры, я ведь не силен в тонкостях вашего этикета.

– Его величество остановился в гостинице «Южные ворота», куда и приглашает вас на ужин. Однако, это я выражаю свое личное мнение, если вы пригласите его на «Чайку», он не станет отказываться.

– Разумеется, приглашаю! Немедленно передайте ему это. И посоветуйте мне, какой именно ужин накрыть к прибытию столь высокого гостя, вы ведь неплохо представляете себе возможности нашего камбуза. И на сколько персон?

– Его величество обычно наносит частные визиты в компании своего камердинера. Правда, я надеюсь, что в данном случае и мне будет оказана честь сопровождать его. Насчет же кухни – наверное, лучше всего подойдет национальная австралийская.

После чего Свифт отбыл, а я послал юнгу за дошираком, бычками в томате, порошковыми соками и самогоном. Соленые огурцы, к некоторому моему сожалению, у нас уже кончились.

Король прибыл на «Чайку» через сорок минут, и вскоре мы с его величеством с интересом рассматривали друг друга.

Само собой, у меня в ноутбуке имелись портреты всех хоть сколько-нибудь заметных политических деятелей этих времен, и в том числе два – Вильгельма Оранского. К их достоинствам относилось то, что оба принадлежали кисти каких-то довольно известных мастеров, а к недостаткам – весьма относительное сходство друг с другом. Впрочем, увидев короля, я вынужден был признать, что на оригинал эти портреты походили еще меньше.

Вильгельм оказался невысоким мужчиной лет пятидесяти на вид, причем мне при первом же взгляде на него вспомнились пикейные жилеты из «Золотого тельника». Да уж, Вильгельм – это голова! И палец в рот ему лучше не класть, тут не может быть никаких сомнений. Потому как столь прямой и открытый взгляд может быть только у очень хитрого и осторожного человека.

Я приподнял шляпу, поклонился и представился, король сделал то же самое, потом назвал сопровождавший его субъект с незапоминающим лицом, вроде как камердинер, и мы прошли в мою каюту. Я показал гостям, куда повесить верхнюю одежду, и пригласил к уже накрытому столу.

Под плащом у короля был черный костюм, шитый серебром, из-под которого выглядывали пышные кружевные манжеты и похожий на веер воротник. Кажется, он назывался жабо. А то, что я принимал за довольно пышную шевелюру, оказалось очень качественно сделанным небольшим париком. Свифт с Темплом тоже имели эти заменители шляп и даже пару раз надевали их за время плавания, но их парики были куда пышнее и даже с нескольких метров не вызвали никаких сомнений в своем искусственном происхождении.

Мы выпили, закусили соленым тунцом, после чего я залил кипятком доширак и приступил к беседе.

К чести короля, он не стал изображать из себя совсем уж простака и сразу сказал, что его в основном интересует как настоящее, так и прошлое политических векторов развития Австралии. Про всяких экзотических животных он тоже с удовольствием послушает, но потом, уточнил его величество.

Я устроился поудобнее и начал свой рассказ. В моей интерпретации история человеческой цивилизации выглядела следующим образом.

Давным-давно, когда по Европе еще бродили дикари в шкурах и с каменными топорами, и только в Египте имелось что-то похожее на зародыш государства, в мире уже существовали две могучие державы – Атлантида и Австралия. Причем атланты считали южные земли своей колонией, в незапамятные времена взбунтовавшейся и отколовшейся от метрополии, но австралийцы говорили то же самое про атлантов. Периодически между державами вспыхивали войны, и чем дальше, тем они были разрушительней. Число жертв в них исчислялось миллионами.

Последняя война оказалось особенно яростной, обе страны воевали на уничтожение. Причем атлантам удалось создать оружие огромной силы, одним взрывом разрушающее все подряд на многих сотнях квадратных миль. Однако Австралия имеет очень большие размеры, и применение этого оружия, хоть и сопровождалось огромными жертвами, не привело к уничтожению всей страны. А вскоре атомные бомбы, как называлось это оружие, появились и у австралийцев. Более того, наши ученые смогли создать водородную бомбу, которая оказалась в сотни раз мощнее атомной. Так как Атлантида представляла собой сравнительно небольшой остров площадью всего в треть миллиона квадратных миль, то за несколько бомбардировок она была в буквальном смысле стерта с лица земли. Там осталось лишь несколько небольших островков, уточнил я и показал на карте Канары.

Но победа обошлась Австралии слишком дорогой ценой. Почти вся страна лежала в руинах, девяносто процентов населения погибло, а среди оставшихся в живых почти не было здоровых. Начался долгий путь вниз, люди забывали знания предков в стремлении просто выжить, и это продолжалось около полутора тысяч лет. Тогда и начался первый период изоляции, он был вынужденным – ни на какие связи с внешним миром просто не оставалось сил.

Но где-то во втором тысячелетии до рождества Христова удалось оправиться от последствий войны. Снова начали развиваться наука и техника, хотя и сейчас они еще далеко не дошли до довоенного уровня. Корабли австралийцев вновь вышли в мировой океан. Более того, предпринимались попытки восстановить утраченный секрет атомной бомбы, но они ни к чему не привели, кроме огромных затрат. И вскоре все исследования в данном направлении были запрещены, причем этот запрет действует и поныне.

В те времена Австралия поддерживала довольно тесные контакты с Европой. Но после того, как при помощи полученных от нее знаний Александр Македонский вместо развития своей страны завоевал полмира, начали раздаваться голоса в пользу ограничения внешних связей. После же падения Римской империи было объявлено, что любые путешествия за пределы территориальных вод разрешены только по личному указу императора. А каждый, кто попадет в Австралию из внешнего мира, ни при каких условиях не может ее покинуть, причем даже император не вправе отменить этот порядок.

В этом месте я сделал перерыв, в процессе которого развел клубничного пойла себе и

предложил сделать это же своим гостям. После чего вернулся к повествованию.

– Однако пять лет назад на престол взошел его величество Илья Первый. Он давно уже не сомневался, что политика изоляционизма себя изжила и сейчас не приносит Австралийской империи ничего, кроме вреда. Но действовать следовало осторожно, потому что у нас, не знаю как в других местах, император вовсе не так свободен в своих действиях, как это может показаться. В случае если он, не подумав, начнет принимать решения, идущие вразрез с настроениями заметной части общества, ему гарантированы большие трудности.

– Думаю, что так везде, – кивнул Вильгельм. – На счастье нашей страны король ее главного врага, Франции, этого не понимает и не признает, но от его непризнания факт не перестает быть фактом.

– Так вот, – продолжил я, – его величество решил отменять изоляционизм постепенно. И ввел особый статус колоний, где имеют силу те же законы, что в метрополии, только совсем немного измененные. В частности, запрет покидать пределы там действует не пожизненно, а всего пять лет. Кроме того, император может именным указом сократить его до трех лет, но только конкретному лицу. Наконец, недавно принято уточнение, гласящее, что статус колонии имеют лишь те земли, куда уже ступала нога императора. Все остальное – это не колонии, а поселения, где вместо свода законов империи действует устав первопроходцев, не содержащий в себе никаких ограничений подобного плана. И, наконец, буквально перед самым нашим отбытием был принят еще один указ, определяющий статус свободных экономических зон. Это будут небольшие огороженные территории вблизи крупных колониальных портов, которые не считаются землей Австралии, в силу чего их можно беспрепятственно покидать. Пока такая зона всего одна, в городе Ильинске, но это только начало. Думаю, смысл политики его величества понятен – он в постепенной отмене мешающих развитию внешней торговли ограничений.

– Да, это разумно, – согласился английский король.

После чего уже я начал расспрашивать его о нынешнем состоянии дел в Европе вообще и в Англии в частности. К чести Вильгельма следует уточнить, что его рассказ был несколько ближе к действительности, чем мой, хотя тоже не обошелся без некоторых неточностей. В частности, по нему выходило, что он, Вильгельм Оранский, занял трон просто потому, что Яков II взял и отрекся, осознав свою крайнюю непопулярность. О том, что отречению предшествовало восстание при активной зарубежной помощи, не было сказано ни слова.

Так как уже потихоньку начало темнеть, король сказал, что, сколь ни приятно ему мое общество, он вынужден покинуть «Чайку». Но надеется еще не раз посетить этот замечательный корабль, где осталось столь много интересного, еще неизвестного ему. В ответ я выразил ту же самую надежду, и мы попрощались. Свифт же чуть задержался и шепнул мне, что вместе с королем приехал известный механик Дени Папен, который просит разрешения завтра посетить «Чайку».

Скорее всего, мне удалось сохранить безразличное выражение лица, но вообще-то новость меня удивила. Вроде бы Папен сейчас должен находиться вовсе не в Англии. А это означает, что он тут по приглашению Вильгельма, последовавшему скорее всего одновременно с отправкой экспедиции на «Джампере». Ай да его величество, шустрый, однако, господин сейчас сидит на английском троне.

Я в некоторой задумчивости открыл стенной шкафчик, где у меня хранились лекарства. С краю уже стоял баллончик-ингалятор с вентолином, средством для купирования приступов астмы. Я знал, что Вильгельм страдает этой болезнью, но помрет он от воспаления легких. Да и не очень-то этот вентолин лечит, просто, как и написано в его инструкции, ослабляет приступы. У меня была мысль при случае подарить ингалятор Вильгельму, но теперь я пребывал в некоторых сомнениях. Купирует он один приступ, потом другой, потом третий, глядишь, в нужное время у организма окажется чуть больше сил и он справится с воспалением легких. В результате Вильгельм преставится не через семь лет, а на пару десятков позже. Нам такое нужно? Особенно учитывая неординарные способности его

величества.

Нет, это не наш метод, решил я, убирая ингалятор подальше. Затем, подумав, отправил туда же феноксиметилпенициллин. А из недр аптечки было извлечено и поставлено на самое видное место универсальное лекарство от всех болезней – французский шипучий аспирин. Вот его можно спокойно дарить в любых количествах, не волнуясь, что у пациента от этого хоть что-нибудь вылечится.

Глава 23

Все-таки в положении герцога есть и определенные неудобства, вынужден был признать я на третьи сутки нашего стояния в Дувре. Ибо в море отсутствие женщин на корабле переносится как-то сравнительно спокойно. Ну нет и нет, взять тоже неоткуда, и организм, понимая такое дело, не очень возмущается, тем более что наш рацион включал в себя сбалансированное количество солей брома. Но тут-то берег! И существ противоположного пола неплохо видно даже без бинокля.

Свою команду я заранее просветил насчет такой не очень привлекательной особенности здешних мест, как сифилис. Рассказал о распространении и симптомах, показал снимки больных на разных стадиях... и, кажется, слегка перестарался. Потому как когда вчера Свифт сказал, что он нашел соответствующее заведение, дамы там очень даже ничего и с нетерпением ждут заморских гостей, желающих нашлось только четыре человека. Остальные же смотрели на них как на героев, отправляющихся совершать беспримерный подвиг. Да и у них, когда они набивали карманы выданными мной презервативами, лица были какими-то не совсем обычными. С такими рожами не на свидание к дамам идти, а в атаку на пулеметы!

Ну, а мне эти простые радости были пока недоступны. Ибо поход в бордель на глазах у всего города я счел несовместимым с высокими званиями герцога, адмирала и особы, приближенной к императору, а сохранить подобное в тайне нечего было и думать.

Король еще раз посетил «Чайку», но в этот раз ненадолго, просто чтобы лично обсудить наше дальнейшее пребывание в Англии. Он сообщил, что Дувр не очень подходит, и не столько из-за своей непрезентабельности, сколько из-за удаленности от столицы. И пригласил меня в свою лондонскую резиденцию, Кенсингтонский дворец. Однако предложил дожидаться роты гвардейцев, которая скоро прибудет для организации эскорта, соответствующего моему высокому рангу.

На самом деле король, конечно, знал, что лично я не усмотрел бы в отсутствии сопровождающих никакой дискриминации, но ему не хотелось отпускать меня одного. И, как мне казалось, та самая рота тут была для отвода глаз, ей небось еще будет дан приказ не особо спешить. Просто его величеству требовалось время для организации незаметного, но плотного наблюдения за гостями, и я с пониманием отнесся к его проблемам.

В общем, на четвертый вечер нашего пребывания в Дувре наконец-то появилось сорок конников при четырех каретах, и утром следующего дня я в компании своих трех курсантов и четырех стрелков во главе с Вакой покинул борт «Чайки» и понесся к Лондону со скоростью порядка пятнадцати километров час.

Погода была чисто английской, то есть либо туман, либо дождь, либо оба этих подарка природы вместе. Карета хоть и имела окна, но составленные из мелких, да к тому же кривоватых стеклышек, так что разглядеть сквозь них что-либо было проблематично. Естественно, никакого отопителя там не наблюдалось, в силу чего температура отличалась от уличной совсем ненамного. Ну и качало этот ящик здорово, причем именно качало, а не трясло. Ее деревянные рессоры обладали достаточной мягкостью и приличным ходом, но вот демпфирование отсутствовало как класс. И, попав колесом в какую-нибудь рытвину, мой экипаж потом чуть ли не минуту раскачивался подобно шлюпке на волнах.

В таких, мягко говоря, спартанских условиях мы ехали двенадцать часов и на место явились уже в полной темноте, освещаемой только факелами нашего эскорта.

Карета подвезла нас к подъезду какого-то небольшого здания из красного кирпича, скупое подсвеченного двумя фонарями. Я достал из сумки переносной светодиодный прожектор, включил его и под сдержанное оханье гвардейцев осмотрел место своего пребывания на ближайшие несколько дней.

А ничего так, подумалось мне. Главное, никакой излишней роскоши. Где-то я уже видел очень похожее строение, но вот где? А, вспомнил, это же вылитый Савеловский вокзал, только без застекленного проема над главным входом. Прямо чем-то родным повеяло, вот ей-богу. Если дело дойдет до установления нормальных дипломатических отношений, надо будет купить у короля этот домик под наше посольство, решил я, поднимаясь за камердинером на второй этаж, где меня ждал Вильгельм.

Так как вообще-то уже был довольно поздний вечер, то король ограничился кратким приветствием, после чего самолично проводил меня с моей командой в отведенные нам комнаты.

Их оказалось четыре, два раза по две смежных, плюс небольшая прихожая, в которой нас уже ждал какой-то лакей. В его сопровождении я прошелся по всем четырем помещениям, полюбовался на горящие свечи в развесистых канделябрах, предупредил свою команду насчет пожарной безопасности и велел устиваться в комнате, смежной с моей. Ибо ни туалета, ни ванной апартаменты не имели, и требовалось их срочно организовать. Так что лакей был озадачен наказом немедленно притащить сюда бочку чистой воды, а мои парни полезли под кровати за ночными горшками. Все эти богато разукрашенные посудины они сволокли в одну из свободных комнат, и я оранжевым маркером изобразил на ее двери два ноля, пояснив, что теперь тут у нас сортир. Во второй комнате – ванная, там к стене был на скорую руку привернут походный умывальник, а на полу разложены два небольших надувных бассейна. После чего я уточнил расписание дежурств и отправился в свою комнату.

Она была поменьше той, где осталась моя свита, но зато имела огромную кровать с балдахинном. У них тут что, потолок течет, а иначе зачем кровати крыша, хмыкнул я, приглядываясь к простыням. При свете свечей они выглядели еще ничего, но стоило включить фонарь, как обнаружились подозрительные пятна. Вообще-то чистое белье мы тоже захватили с собой, но пока я просто скинул тряпки на пол, а сам улегся на освободившееся место, сняв только сапоги, ремень и куртку. В конце концов, мне ведь приходилось спать и в куда более антисанитарных условиях, подумал я, проваливаясь в объятия Морфея. Нельзя же требовать от простого королевского дворца немыслимой роскоши Савеловского вокзала!

Проснулся я довольно поздно, когда за окнами уже начало светать. Умылся, причесался и спросил у лейтенанта, есть ли новости. Их не было, так что я поинтересовался, запомнил ли он короля. Получив утвердительный ответ, отправил Кешу пройтись по коридорам. Если по дороге встретится кто угодно, кроме Вильгельма, этого встречного надо остановить и сообщить, что их светлость герцог извоили восстать ото сна. Если же попадется король, следовало поклониться и по возможности почтительным тоном сказать «ваше величество, позвольте вас осведомить, что герцог уже проснулся».

Лейтенант Кеша вышел и вскоре вернулся в компании двух лакеев, один из которых был вчерашним. А тот, коего мы видели в первый раз, вдруг нагло, никого не спросив, попер в мою комнату. Вака потянулся было к кобуре, но я покачал головой и, велев Васе Баринову разобраться, но без членовредительства, осведомился у оставшегося рядом с нами труженика дворцового сервиса:

– Милейший, не подскажите, что там забыл этот невежа?

Тот с истинно английской невозмутимостью отвечивал, что этот, которого сейчас держит за шиворот спутник моей светлости, является...

Далее оратор выдал какую-то фразу, из которой я понял только ее окончание – «выносящий ночные сосуды».

– Так он за горшками, что ли? – дошло до меня. – Тогда пусть идет вон туда, они все

уже там. И, как бы это вам помягче сказать... в общем, моя охрана имеет приказ стрелять во всякого, кроме короля, посягнувшего на меня или мое имущество. А под той кроватью лежит моя сумка! В общем, скажите спасибо, что я успел вмешаться, а то ведь все могло кончиться куда печальней.

Лакей кивнул, сказал, что он обязательно примет к сведению сказанное мной, после чего встал в позу и торжественно сообщил, что его величество Вильгельм III приглашает меня на завтрак. И опять застыл столбом.

– Показывайте дорогу, – велел я, перепоясываясь ремнем с кобурой.

Завтракали мы с Вильгельмом вдвоем, если не считать того, что нам прислуживал тот самый камердинер, обязанности которого, судя по всему, далеко выходили за помощь его величеству в раздевании и одевании. В процессе поглощения пищи король проявил вежливый интерес к животному и растительному миру Австралийской империи, но, так как я специально с вечера еще раз перечитал свой блокнот с конспектами на данную тему, все прошло гладко.

– Жаль, что во время своих визитов я не знал всех этих замечательнейших вещей, – фальшиво огорчился король. – Подумать только, мне не довелось увидеть, как светится яйцо ледяной птицы!

На самом деле ему было начхать на это свечение с высокой колокольни, как мне показалось. Ведь его уже видели Свифт с Темплом и подробнейшим образом описали, да и свидетелей взрыва галеона в Себу более чем достаточно. В общем, король даже не потрудился потщательней изобразить сожаление, а перешел к чуть более интересной теме – моему парабеллуму. Причем его заинтересовала не конструкция или тактико-технические характеристики, а тот факт, что я постоянно ношу его на ремне.

– Так ведь ваши дворяне тоже почти все со шпагами, – пояснил я, – и у нас, судя по немногим сохранившимся документам, в далеком прошлом тоже так было. Однако уже как минимум несколько сот лет личным оружием дворянина является не шпага, а пистолет.

– Кстати, у вас есть дуэли?

– А как же, – подтвердил я и подумал, что, действительно, не помешает на обратном пути накатать какой-нибудь соответствующий кодекс. – Далеко не все дела можно решить через суд, иногда единственным выходом является именно дуэль. Правила?

Тут я на минутку задумался, ибо в моем образовании именно по этому вопросу наличествовал зияющий провал. Единственное, что я хоть как-то помнил, была сцена дуэли Ленского с Онегиным. Где Евгений, кстати, совершенно хладнокровно пристрелил молодого поэта, а сокрушаться начал уже сильно потом и, скорее всего, исключительно для публики.

– Они таковы, – разъяснил я основы нашего еще не написанного кодекса. – Дуэлянты расходятся на заранее оговоренное расстояние, обычно на сто шагов. И по команде секунданта могут либо начинать стрелять, либо идти к противнику. Назад – нельзя. Таким образом, перед каждым стоит не такой простой выбор, ибо со ста шагов из пистолета попасть в человека весьма затруднительно. Но чем ближе подойдешь к противнику, тем больше вероятность, что он начнет стрелять раньше. В общем, дуэль, как и многие другие стороны человеческой деятельности, по сути требует хорошего владения искусством вовремя остановиться.

– Вот здесь вы совершенно правы, – усмехнулся собеседник и наконец-то перешел к действительно важному вопросу:

– Англия не против установления дипломатических отношений с Австралией и даже готова предоставить ей режим наибольшего благоприятствования в торговле, но только при условии признания Навигационного акта.

В ответ я сознался, что оба эти слова по отдельности мне знакомы, но вместе я их слышу в первый раз.

– Ничего удивительного, – улыбнулся король, – вот вам его текст. Читайте прямо сейчас, это ни в малейшей степени не пойдет вразрез с этикетом.

Документ оказался не очень объемным, но весьма содержательным. В нем просто и

незамысловато объяснялось, что все товары из Азии, Африки и Америки могут ввозиться в Англию исключительно на английских кораблях. Для европейских товаров было сделано послабление – кроме английских, их могли ввозить и корабли стран-производительниц. То есть направлен он был против посреднической морской торговли, чем в основном пробавлялись голландцы. Кстати, Вильгельм, несмотря на свой нидерландский титул, вполне данную меру поддерживает. И в общем-то понятно, почему. Как и всякий закон, этот ведь может иметь избирательное действие, так что вряд ли голландские негоцианты, близкие к Вильгельму, терпят большие убытки. Небось тут изначально понапихано лазеек, но пропускают в них только нужных людей, это и ежу понятно. Да вот одна из них, которую видно даже с первого прочтения: «Или в гаванях той страны, где они впервые могли быть нагружены на корабль». Каков слог, а? «Могли быть». А могли, значит, и не быть, и дальше уже начинается теория вероятности. Прямо камень с души, честное слово! Ибо я начал уже самую малость, почти незаметно, но все же волноваться.

Дело было в том, что алмазы, которые мне передал капитан «Победы» Коля Баринов, происходили как раз из Африки. Экспедиция нашла ручей, описанный в реферате, и алмазы примерно в тех местах, где им и полагалось быть. Более того, в полукилометре нашелся еще один ручей, в отложениях которого тоже удалось найти алмазы! Правда, всего три, но зато один из них весом почти в пять грамм. И все это мы собирались оставить в Англии, ибо нам-то они в таких количествах уж точно ни к чему. То есть начали бы свою деятельность с прямого нарушения Навигационного акта. А тут такое уточнение! Разве не могли эти камни впервые быть погружены на корабль в Австралии? Могли, и еще как, я навскидку готов придумать несколько способов. Их, например, сначала туда орлы принесли в клювиках, и только потом алмазы оказались на корабле. Вот и все, такая вероятность есть, буква закона соблюдена, а все сомневающиеся могут идти лесом, моя же совесть абсолютно спокойна.

– Вполне разумный документ, – хмыкнул я, – правда, тут имеется некоторая неясность. Ведь Австралия – это не Африка, не Азия и даже не Америка.

– Разумеется, можно будет внести дополнение, согласно которому австралийские товары приравниваются к европейским, – заверил меня Вильгельм.

– Если так, то никаких возражений против данного документа у Австралийской империи нет, я могу официально подтвердить это от имени его величества императора.

В ответ на мои слова король столь невозмутимо кивнул, что я подумал – скорее всего, на самом деле он сильно обрадован. Странно, неужели Вильгельм полагал, будто мы начнем контрабандой что-то продавать в Англии? Ну, лет через сто, может, и найдутся желающие, однако пока все нами произведенное нами же и будет потребляться. А вот добытое, то есть золото и алмазы, да плюс мои рубины с сапфирами, пойдет на оплату за английские товары. И чего тогда Вильгельм радуется, своими руками готовя путь, по которому из Англии начнет утекать железо, сукно и прочие полезные вещи? Немного забегаая вперед, могу сказать, что ответ я получил этим же вечером, а пока король предположил:

– Наверное, следующим шагом развития англо-австралийских взаимоотношений будет учреждение посольств. И если с вашим у нас все более или менее понятно, то как быть с нашим посольством в империи?

– Посылать его в метрополию не только бессмысленно, но и не нужно. Наш император сейчас в основном занимается вопросами развития колоний, и как минимум десять лет такое положение дел будет сохраняться. Более того, незадолго до нашего отбытия он заложил свою резиденцию в Ильинске, который объявлен столицей Новой Австралии, так что разумнее всего будет отправить посольство именно в это бурно растущий город.

– Но как же долго будут идти вести оттуда, – вздохнул Вильгельм.

– Если вы сами будете заниматься их доставкой, то конечно. Однако сведения из Ильинска нашему посольству в Лондоне могут быть доставлены за месяц.

Самое интересное, что тут я почти не лукавил. Ведь никаких спутников связи на орбитах не болталось, а связь с противоположных концов земного шара при наших мощностях передатчиков сильно зависела от состояния ионосферы, так что на обмен

радиограммами при неблагоприятных условиях вполне мог уйти если не месяц, то уж неделя запросто. Даже на установление связи с Колей Бариновым из Индийского океана у меня ушло пять дней, а ведь это почти вдвое меньшее расстояние. Ибо мы не могли круглосуточно торчать у раций, а пытались связаться в строго определенное время. Не получилось в этот раз – перерыв до завтра, и так далее.

– Так вот, – продолжал я, – мы готовы передавать не только свои, но и ваши послания, и, разумеется, с полным пониманием отнесемся к тому, что они будут зашифрованными. Правда, не очень длинными – пока Австралия готова предоставить Англии лимит в виде тысячи знаков в месяц. Знак – это буква, цифра или пробел.

Вот тут Вильгельму даже малость изменило его самообладание.

– Это очень щедрый жест с вашей стороны, – заметил он. – И, с благодарностью его принимая, хочу сделать ответный. Ведь вашему посольству все равно придется искать себе дом в Лондоне? Могу предложить арендовать нужные помещения прямо в этом дворце.

– Здесь? – удивился я. – Но ведь, прошу прощения, где оно тут поместится? Ему же не хватит четырех небольших комнат.

Король рассмеялся:

– Как часто люди ошибаются, составив представление о чем-то на основе взгляда только с одной стороны! Вот, взгляните.

С этими словами он отдернул штору на торцевом окне своего кабинета. Я глянул. Да, действительно, то, что я вчера посчитал всем дворцом, оказалось всего лишь его фасадом. К которому имелось три пристройки как минимум вчетверо большей площади, да плюс в глубине парка отдельно стояло еще одно двухэтажное здание размером примерно с тот самый Савеловский вокзал. На него и указал мне Вильгельм.

– Я предлагаю вам арендовать его.

– А сколько он может стоить, если мы захотим его купить?

– Учитывая расположение, скажем... двадцать две тысячи фунтов.

– Замечательно, – улыбнулся я и полез в карман. – Тогда можно еще вопрос? Оцените, пожалуйста, вот этот камень.

Я протянул ему маленькую коробочку из лучших сортов пластмассы, в которой лежал тридцатипятиграммовый рубин, очень удачно ограненный Мерсье накануне нашего отплытия.

– Не знаю, – с сомнением сказал король, рассматривая камень на свет, – но как минимум вдвое дороже дома.

– Значит, вас устроит такой обмен?

– Меня-то устроит, но неужели вам не жалко расстаться с таким чудом?

– Жалко, – не моргнув глазом соврал я. – Но установление и поддержание нормальных, я бы даже сказал, доверительных отношений с вашим величеством стоит и большего.

Глава 24

Покидая королевский кабинет, я с некоторым трудом превозмог искушение оставить там жучка, то есть маленький радиомикрофон. Все-таки их у меня было немного, а король вряд ли в ближайшее время станет говорить что-нибудь важное именно там. Нет уж, сначала нужно найти подходящие места, а только потом расходовать невосполнимых жучков, решил я, возвращаясь к своей команде.

Вечером король собирался устроить небольшой ужин в тесном кругу, где мы приступим к обсуждению торговых дел, а пока камердинер, коего звали Натаниэль, вызвался показать мне дом, за который я уже внес предоплату.

Дворец всего несколько лет назад был выкуплен королем у графа Ноттингемского, и в доме, куда мы направлялись, раньше жила младшая ветвь графского семейства, а при короле ему еще не нашли определенного применения. Одно время была мысль разместить там королевских белошвеек, но королева, которой они в основном и были нужны, скончалась от

оспы год назад, а тут подвернулись мы.

Я прошелся по пустующим помещениям и решил, что ничего лучше и искать не надо. Все равно, где бы ни поселилось наше посольство, слежку за ним установят обязательно, но расположение рядом с королевской резиденцией имело в этом плане определенные преимущества. В том смысле, что процесс обязательно должен идти в обе стороны, а тут слушать передачи с установленных в резиденции микрофонов можно будет не выходя из посольства, расстояние-то от силы метров триста. Интересно, участок земли пойдет в комплекте с домом или за него придется вносить отдельную плату? Недолго думая, я спросил об этом у Натаниэля.

– Наверное, вместе с домом, но какого размера участок вы имеете в виду?

– Примерно сто пятьдесят на триста футов. Нам ведь придется построить еще оранжерею для попугаев и небольшой дельфинарий.

На самом деле строить можно было вообще что угодно, хоть вавилонскую башню, потому как тут был важен не столько результат, сколько процесс. Ибо в силу крайней малочисленности наших дипломатов глупо было надеяться, что они смогут спокойно бродить по Лондону и незаметно для местных служб вербовать осведомителей. А вот когда в процессе строительства здесь начнет колбаситься неконтролируемое количество посторонних, появятся какие-то шансы на успех. Конкретный же выбор объектов был сделан из соображений подкинуть местным пищу для размышлений о способах нашей связи с метрополией. Свифт с Темплом уже интересовались насчет попугаев, ну, а теперь пусть англичане сами догадаются, что дельфины тоже чрезвычайно умные животные и прекрасно поддаются дрессировке.

Вечерний ужин у короля прошел в расширенном составе. С нашей стороны, кроме меня, присутствовал и Мере-тики, только что под именем отца Юрия возведенный в ранг чрезвычайного и полномочного посла. С английской же имелось два господина средних лет и две дамы. Одна на вид лет тридцати с небольшим, чуть полноватая шатенка, а другая – голубоглазая блондинка, которой лично я на вид не дал бы больше двадцати. Обе были довольно привлекательны. Ну и сам Вильгельм, естественно, плюс периодически появляющийся неизменный камердинер.

После взаимных представлений выяснилось, что мужчина помоложе является видным экономистом и членом палаты общин сэром Чарльзом Давенантом, а постарше – бароном Гастинсом. Дамы оказались его дочерьми, баронессами Марией и Элеонорой.

Как ни странно это может звучать, но, увидев их, я первым делом напряг обоняние и принял.

Еще до отправки в прошлое я прочитал достаточно много материалов об этих временах, и среди них был отчет русского посла об аудиенции у Людовика XIV. Он начинался словами «его величество смердел, аки дикий зверь».

Не знаю, то ли у посла было особо чувствительное обоняние, то ли англичане по чистоплотности превосходили французского короля, но лично я про них так бы не сказал. Они, конечно, пахивали, но терпимо, в пределах допустимого. Но то, на что я готов не обращать внимания в процессе беседы с мужиком, при хоть сколько-нибудь тесном общении с дамами представлялось мне совершенно неприемлемым. Так что я извинился, быстро сбегал к своей команде и велел обеспечить как минимум две бочки горячей воды и иметь в виду, что ее может потребоваться больше, после чего вернулся к королю и его гостям.

Всю первую половину ужина мы беседовали с Давенантом – сначала о предстоящих торговых операциях, а затем и вообще об экономике. И тут я услышал странную вещь. Оказывается, по общепринятым среди здешних экономистов взглядам, производительными классами, которые увеличивают богатство страны, считаются те, у кого доходы преобладают над расходами! А те, у кого наоборот, вместо сбережений только растущие долги, суть непроизводительные потребители, бремя для общества. То есть примерно его половина, куда входят беднейшие крестьяне, рабочие, матросы и солдаты. Черт возьми, подумал я. Так ведь Австралия готова оказать вам бескорыстную услугу, забрав их всех и почти не потребовав

платы за это! Ну разве что пусть возместят нам транспортные расходы, и все. Вот, оказывается, откуда берет начало господствующая в двадцать первом веке точка зрения, что самый уважаемый член общества – это спекулянт чужими деньгами, ведь у него наибольшее превышение доходов над расходами.

– Если же вы желаете поглубже ознакомиться с основными направлениями английской экономической мысли, рекомендую труды Грегори Кинга, – начал закругляться Давенант. После чего, как и положено в неплохо срежиссированном спектакле, инициатива тут же была перехвачена другими действующими лицами.

– Ах, сэр Давенант, – томно вздохнула старшая из баронесс, Мария, – я понимаю, что вы с герцогом обсуждаете необычайно важные вещи, но пожалейте же наконец и дам! Мы буквально сгораем от любопытства. Ваша светлость, ну неужели вы так и не расскажете нам о себе? Ведь мы даже не знаем, женаты вы или нет!

Не только вы, подумал я, тут никто этого не знает, потому как во время плавания я не говорил с англичанами на подобные темы. И выложил на стол две фотографии:

– Да, разумеется, женат, вот снимки моих жен.

– Одна из них умерла? – не поняла блондинка.

– Почему? Обе живехоньки. Просто по нашим законам число жен не ограничивается, лишь бы муж был в состоянии их кормить и... э... иногда удовлетворять.

Король остался невозмутим, барон хрюкнул, Давенант принял вид оскорбленной невинности, Мария томно вздохнула, а Элеонора начала внимательно изучать фотографии, изредка поворачиваясь и бросая взгляды в стоящее у стены зеркало на подставке. Небось сравнивает, подумал я. И, будем объективными, у нее есть основания признать себя победительницей на этом мини-конкурсе красоты. Впрочем, девочка не знает, что я перестал оценивать женщин исключительно по внешним данным еще лет шестьдесят назад, но само ее старание внушает определенный оптимизм. Как ответственно она относится к порученному ей делу!

В общем, я еще минут двадцать развлекал общество байками об австралийской жизни, потом Давенант откланялся, а только этого и ждавший камердинер вмешался в беседу:

– Ваша светлость, я тут подумал про попугаев посольства. Разумеется, им будет построено соответствующее помещение, но пока его величество предлагает разместить их в зимнем саду дворца. Если вы не против, дамы вам его покажут.

– Обе? Нет, спасибо, мне просто неудобно отвлекать на такую малость сразу всех. Госпожа Элеонора, можно попросить вас на время стать моим гидом?

И вот после ужина мы с младшей баронессой оказались в этом самом зимнем саду, где я незамедлительно перешел к сути проблемы:

– Дорогая Элли, вы не против, если я буду так вас звать? Замечательно. Позвольте вам признаться, что, увидев вас, я был мгновенно сражен вашей несравненной красотой в самое сердце. И не будьте столь жестоки, скажите мне – готовы ли вы ответить взаимностью прямо сейчас?

– Здесь? – охнула собеседница, с сомнением глядя на какие-то акации, среди которых происходила наша беседа.

– Ну что вы! В моих апартаментах. Но позвольте предостеречь – я буду любить вас исключительно по-австралийски, ибо иные способы мне неизвестны. Согласны? Тогда пошли, не будем терять времени.

На раздевание дамы ушло минут пятнадцать, несмотря на ее посильную помощь в этом процессе. После чего я осмотрел ее одежду и, обнаружив искомое, то есть пару крупных платяных вшей, свернул тряпки и отнес в соседнюю комнату, приказав подвергнуть химобработке. Сам же вернулся к баронессе, сгреб ее в охапку и, не обращая внимания на неуверенный писк, погрузил в надувной бассейн и приступил к отмыванию.

После третьей смены воды я решил, что пока сойдет и так, Элли была вытерта, а потом отнесена на уже застеленную чистыми простынями кровать, где мы наконец-то приступили к делу.

Проснувшись где-то часов в десять, я с удовольствием посмотрел на спящую Элли и признал, что девочка оказалась очень и очень даже ничего, причем дело не только в моем восьмимесячном воздержании. С ней ведь даже поговорить в перерывах было приятно, не говоря уж обо всем прочем. И то, что баронессу мне совершенно явно подложили, впечатления несколько не портило.

Я встал, умылся, оделся, потом сходил посмотреть, не высохло ли одеяние дамы, вчера прокипяченное с лизолом и сейчас висевшее поперек ванной комнаты на натянутой леске. Убедившись, что еще нет, достал из сумки свой халат. Мне он был примерно до колен, так что Элли будет как раз до пяток, вполне сойдет за хоть и экзотическую, но вполне приличную одежду. Вытащил было блокнот с ручкой с целью подарить даме, ибо наговорил я ей довольно много и не собирался останавливаться на достигнутом, так пусть записывает, чтобы потом не запутаться при докладе. Но, подумав, решил, что это пока рановато, и извлек бусы из мелких искусственных сапфиров. Или это называется ожерельем? В общем, блеснит, и ладно, надо же сделать девочке приятное.

К моему возвращению она уже проснулась. Я показал ей наш туалет, после чего заставил умыться и вычистить зубы. Затем протянул халат, и, когда она в него влезла, подарил бусы. Она обрадовалась, но зачем-то вознамерилась позвать горничную. Оказалось, чтобы та ее причесала.

– Без нее никак не получится? – поинтересовался я.

Выяснилось, что получится, но, во-первых, знатной даме неприлично причесываться самой, а, кроме того, у нее нет расчески. Я тут же вручил ей этот инструмент и объяснил, что по австралийским обычаям ничего неприличного в этом нет, так что вперед, дорогая, завтрак у нас через пятнадцать минут.

Причесываясь, она успела рассеять мое недоумение относительно крыши у кровати. Оказалось, это против клопов, а то ведь некоторые забираются на потолок и пикируют оттуда на спящую жертву. Этой же цели служат резные ножки. Какие-то насекомые срываются вниз на участках с отрицательным уклоном, а какие-то могут заблудиться в лабиринтах орнамента. Я тут же вспомнил свою гарнизонную молодость и сообщил, что ножки можно поставить в консервные банки, причем не с водой, а лучше сразу с керосином. Не уверен, что баронесса все поняла, но совершенно явно постаралась запомнить.

Легкий завтрак состоял из растворимого кофе с сухарями, а после него я не удержался и еще раз использовал даму по прямому назначению, благо теперь и раздеть, и одеть ее обратно не представляло ни малейшего труда. Потом начался очередной сеанс удовлетворения любопытства – надо думать, и девочки, и королевского камердинера. На сей раз Элли заинтересовали подробности моей жизни с двумя женами.

– Вы что, так и спите втроем? – широко распахнула голубые глаза она.

– Нет, я вообще привык спать один, это для тебя было сделано исключение. А жены по очереди приходят ко мне вечером, мы занимаемся любовью, а потом жена идет к себе.

– Ах, как я им завидую! – вздохнула красавица. – Жить среди всяких чудес, видеть заморские диковинные страны... а я вот была только в Лондоне и Чатеме!

Офигеть, подумал я, обе моих жены тоже оттуда. Хотя, конечно, это не совсем тот Чатем, да и вообще они называют его «Остров», но все равно. И, между прочим, девочка в какой-то мере права. Они действительно видели дальние страны, ибо родились на острове, а сейчас живут в растущем городе на материке. И таки да, их окружают чудеса. Обе умеют щелкать выключателями, не пугаются при виде ноутбука, а младшая, Зоя, даже научилась ездить на трехколеснике и пользоваться карманной рацией.

Но вообще-то, конечно, вырисовываются интересные перспективы, продолжил я свои рассуждения. Выходит, у баронессы есть программа-максимум, то есть не просто пообщаться со мной ночь-другую-третью, но и, если получится, окрутить и убедить взять с собой. Вильгельм со своим камердинером решили внедрить агента прямо под бок вхожему к австралийскому императору человеку? А что, интересная мысль, надо выбрать время и обдумать ее поосновательней.

Днем произошел показ достижений австралийского воздухоплавания аборигенам Англии, в числе которых были не только король со своим неизменным камердинером плюс, естественно, баронесса, поверх моего халата надевшая шубу. Но и специально прибывшие ученые, уже знакомый мне Дени Папен и тезка моего кота, то есть сэр Исаак Ньютон. Который, между прочим, смотрел на Папена как тот самый кот на дворянскую, а француз явно отвечал сэру полнейшей взаимностью.

Я вынес в парк очередной монгольфьер, раза в полтора больше купленного Темплом у алькальда. Кстати, я делал вид, что не подозреваю об этом гешефте. И, значит, набил коробочку сухим спиртом, поджег его, подождал, пока воздух внутри нагреется и распрямит складки на боках шара, после чего запустил аэростат. Как и в Себу, на нитке, только на сей раз она была специально потерта в одном месте. Причем мне даже не пришлось дергать, чтобы нитка оборвалась, очень кстати случился довольно сильный порыв ветра, и шар отправился в свободный полет, потихоньку набирая высоту.

– Бывает, – равнодушно пожал плечами я, – ничего страшного, такие зонды еще есть и на «Чайке», и на «Победе». Зато мы теперь совершенно точно знаем направление и силу ветра на высоте в двести футов.

Тем временем по приказу короля за шаром устремилось полтора десятка всадников, ибо я сказал, что минут через пятнадцать белый уголь прогорит и шар опустится на землю. Все правильно, так задумывалось, потому как просто на летящий куда-то шарик могут и не обратить внимания, а вот когда по земле за ним с гиканьем и свистом мчится орава королевских гвардейцев, то это уже событие. Которое никак не пройдет мимо французской разведки, если, конечно, там сидят не полные дебилы. В мои планы совершенно не входило делать из монгольфьеров тайну, скорее даже наоборот.

– Ах, Алекс, ты не поверишь, но я с детства завидовала птицам, свободно парящим в высоте! – продолжила начатое после завтрака дело баронесса. – Неужели у вас люди летают по небу? И ты тоже летал?

– Разумеется, – ответил чистую правду я. – Ведь мне довелось шестнадцать лет прослужить в авиации, так называются наши небесные войска, и дослужиться там до капитанского чина. Первые три года, кстати, мы служили в одной роте с будущим императором.

После обеда я в компании Мосли и Папена отправился в Виндзор, посмотреть на паровую лодку и высказать свое мнение относительно этого самоходного судна. Дорога заняла полтора часа, и вскоре я уже разглядывал творение Дени Папена.

Корпус турбины представлял собой медную трубу диаметром сантиметров двадцать при длине около метра. На выходной конец вала была насажена маленькая бронзовая шестеренка, входившая в зацепление с большой, почти полуметрового диаметра. Я провернул ее, чтобы проверить осевое и радиальное биение. Они оказались миллиметра по три, да к тому же еще валы и турбины, и винта имели заметный люфт.

– Мой двигатель содержит восемь дисков с лопастями! – гордо сообщил мне Папен. – И все они имеют разный угол установки по отношению к оси цилиндра.

А здесь он молодец, небось сам догадался. Впрочем, это ему все равно не поможет, прикинул я и попросил продемонстрировать механизм в действии.

Подручные спихнули лодку в пруд, Папен лично залез в нее, разжег топку под своим котлом, про который он уже успел похвастаться, что там развивается давление аж в пятнадцать атмосфер, и повернул рычаг крана. Пар со свистом попер из множества щелей, турбина провернулась и со скрежетом, переходящим в вой, начала набирать обороты. При этом она тряслась как я не знаю что, а шестеренки гремели и вибрировали. Лодка тронулась и вскоре была уже на середине пруда, но тут произошло неизбежное. От дикой тряски турбину сорвало с креплений и развернуло почти поперек лодки, окутавшейся облаком пара. Но по инерции судно все же достигло берега, и туда выбрался сравнительно невредимый Папен. Сняв кожаный шлем и перчатки, он пожаловался:

– Королевские часовщики снова изготовили детали с совершенно недостаточной

точностью! Когда же, наконец, они научатся нормально работать?

Лет через сто пятьдесят, подумал я. И заметил, что у нас в Австралии шестерни делают не из бронзы, а из особо прочной стали. Папен поблагодарил, а про то, что зубья вообще-то лучше делать косыми, я ему говорить не стал. Про систему смазки тоже. В конце концов, ну кто я такой, чтобы лишать человека радостей самостоятельного творчества?

Глава 25

Вильгельм Оранский отошел от окна и задернул штору. В Англии, надо думать, и кроме короля есть кому смотреть за кипучей деятельностью, развернутой австралийцами в проданном герцогу Алексу здании. Тройка больших карет сегодня второй раз вернулась из Дувра, привозя какие-то ящики и объемистые тюки с «Чайки». Что там, король не знал, но не сильно расстраивался по этому поводу. Потому как это, конечно, было интересно, но не очень важно. А самую важную тайну австралийцев он, кажется, уже знает. Причем, что интересно, он-то знает, а герцог – нет! В том смысле, что она для него совершенно обыденна, и он просто не придает значения ее сокрытию.

Эта тайна вовсе не в устройстве их двигателей, пушек или ружей, что есть хоть и довольно интересные, но все же частности. Она в другом. В ответе на вопрос, откуда взялось все это и многие другие технические чудеса австралийцев типа искусственного холодного света или неизвестное количество другого, о чем Свифт с Темплом слышали только мельком или не слышали вовсе. Ведь как появляется какой-нибудь новый механизм? Раньше Вильгельм считал, что в результате труда талантливого механика. Тот, скажем, долго делает часы, а потом его осеняет, что их можно снабдить маятником, от чего точность хода сильно повысится. Но на самом деле это не совсем так! Сначала ученый, в данном случае Галилей, установил законы движения маятника. Затем какой-то голландский инженер сообразил, что вытекающие из этих законов свойства могут значительно увеличить точность хода часов, и придумал, как это воплотить в металле. И, наконец, только после этого механик сделал новые часы. То есть всякое новшество зарождается в трудах ученого, обретает черты реальной конструкции усилиями инженера и, наконец, воплощается в металл, камень и дерево руками механика. Да, иногда кажется, что все сделал один человек, как это случилось с телеграфом, изобретенным Гуком, но это означает только то, что в данном случае он оказался един в трех лицах. То есть исключение. Но ведь вся европейская техника именно так, на основе исключений, и развивается, в чем одна из причин ее отставания от австралийской.

И первая половина главного секрета австралийцев в том, что у них это поняли очень давно, поэтому для герцога такое положение дел настолько естественно, что он с трудом представляет себе какое-нибудь другое. А вторая – в том, что три эти фигуры равнозначны и считаются важнейшими в государстве.

Наука без инженеров и механиков в конце концов вырождается в схоластику.

Инженер без ученого с одной стороны и механика с другой будет тратить все свое время на либо никому не нужные, либо вовсе неосуществимые проекты.

Механик без ученого и инженера будет всю жизнь делать одни и те же изделия, изредка внося в них усовершенствования, не придающее новых свойств, а всего лишь облегчающее труд мастера.

Разумеется, один человек может сочетать в себе черты и двух, и даже трех этих фигур. Например, про герцога не скажешь однозначно, инженер он или механик. Скорее всего и то, и другое. Судя по паре его оговорок, австралийский император является крупным ученым. То есть у них подобные занятия не только не зазорны для знатных людей, но и наоборот, способность к ним значительно увеличивает престиж.

В свете подобных установлений весьма показательна история с паровой лодкой. Сэр Исаак Ньютон, без сомнения, гениальный ученый. Но он не инженер и не механик. И знать не желает Папена, который в данном проекте выступает именно как инженер! А Папен

требует от механиков только повышения точности изготовления шестеренок, не привлекая их к работе в целом. Результат – лодка, которая плавает очень быстро, гораздо быстрее, чем могла бы на веслах, способна без поломок переплыть только небольшой пруд, да и то далеко не всегда. И все потому, что ученый, инженер и механики работают каждый сам по себе.

А теперь надо, не теряя времени, обдумать выводы, которые следуют из этих постулатов, решил Вильгельм. С одной стороны, процесс создания системы по австралийскому образцу не может быть быстрым, он займет даже не годы, а десятилетия, и вроде бы спешить некуда. Но ведь австралийцы максимум через две недели покинут Англию, и до их отбытия следует принять определенные решения.

С товарами все ясно – металлов и сукна Англия производит больше, чем потребляет сама, и, значит, излишки все равно будут проданы, вопрос только в цене. Так как предложенная австралийцами устраивает всех, то никаких подводных камней тут нет. Но вот вторая часть их потребностей, то есть люди...

Пришельцам не нужны ученые и инженеры. Они хотят завербовать на десять лет примерно сотню корабельных мастеров, и смысл такого понятен. Океанский флот империя начала строить недавно, а каботажное плавание в их водах осуществлялось на кораблях, сделанных из льда. Вот так, берется подходящая ледяная гора, которых там с избытком, с нее обтесывается все лишнее, затем туда ставят двигатель, и полученное судно плавает несколько лет. Но такое возможно только в холодных водах их метрополии, сейчас же, в связи с началом колонизации, перед ними встала проблема расширения производства деревянных кораблей. Что ж, можно позволить набрать мастеров для этого. Да, по истечению срока домой вернутся далеко не все. Однако немногие вернувшиеся принесут большую пользу, ведь, судя по «Чайке» с «Победой», корабелям будет чему поучиться в далекой Австралии. Но просто так разрешать вербовку, разумеется, нельзя. Пусть поделятся каким-нибудь секретом, не имеющим военного значения, но очень важным для Англии. Например, секретом их хронометров, уходящих всего на несколько секунд в сутки. Ведь в Адмиралтействе готовы заплатить за это двадцать тысяч фунтов.

Вильгельм сделал соответствующие пометки и продолжил свои размышления.

Да, английские инженеры и ученые австралийцам не нужны, что может говорить сразу о двух вещах. У них вполне достаточно своих, а наших придется переучивать дольше, чем просто выучить кого-то с нуля. И это серьезно, ведь научная элита не рождается сама собой, ее надо готовить. А судя по отношению австралийцам к нашим ученым, мы готовим их неправильно. В пользу этой версии говорит то, что герцог хочет обеспечить эмиграцию в Австралию представителей непроемких классов, но обязательно с детьми, и чем их будет больше, тем лучше. Учитывая же его обмолвку, что талант не зависит от знатности, можно предположить, что этих детей там будут учить. Да, добившиеся успеха вряд ли вернутся в Англию. Но ведь добьются его не все, и каждый вернувшийся будет представлять огромную ценность. Он сможет рассказать, чему и как учат австралийцы. Значит, и это надо разрешить герцогу, причем вот тут совсем бесплатно. Во-первых, такой образ действий согласуется с официальной экономической теорией, хотя судя по тому, как Алекс усмехался, слушая Давенанта, у австралийцев иная точка зрения. Ну и проще будет провести хоть какую-нибудь подготовительную работу среди кандидатов, правда, времени на нее почти не осталось.

Король отложил бумаги и прошелся по кабинету. Пожалуй, уже можно делать и первые политические выводы. Главный из них был ясен уже давно – пусть не сейчас, но когда-то в будущем Австралия обязательно станет главным конкурентом Англии. И против нее не годится испытанный способ, неоднократно опробованный на континенте, то есть воевать чужими руками. Хотя... ладно, к этому еще будет время вернуться. Потому как в ближайшие десять лет, если не больше, с австралийцами придется поддерживать наилучшие отношения. Но, учитывая перспективу, надо уже в ближайшее время подкорректировать наши отношения с некоторыми европейскими странами. И в первую очередь с Москвией.

Молодой царь Петр все лето бился лбом в азовские стены, а осенью ушел несолоно

хлебавши. Но он упорный, так что все равно возьмет Азов, пусть и не в этом году. Но дальше его никто пускать не собирается – ибо московиты на Черном море не нужны ни англичанам, ни голландцам, ни полякам. И вообще никому. Пусть лучше ищут выход в море на Балтике, где они будут долго разбираться со шведами, таким образом исключив и себя, и Швецию из европейской политики. Да, так было задумано, но в свете только что открывшихся обстоятельств следует действовать иначе.

Пусть Петр берет Азов, но не останавливается на этом. Далее – Керчь, и русские корабли оказываются в Черном море. В этом мы окажем ему всяческую поддержку, причем, если потребуется, и не только дипломатическую. Естественно, русский царь скоро поймет, что он всего лишь выбрался из маленькой лужи в большую, и начнет точить зубы на черноморские проливы. Вот тут Турции, чтобы не потерять еще и их, придется принять чью-то помощь. И если подгадать момент так, что именно тогда Франции будет не до Турции, то единственным вариантом для турок станет помощь английская. Платой за которую будет предоставление концессии на прокладку канала из Средиземного моря в Красное. Ибо к моменту начала открытого противостояния с австралийцами Англия уже должна иметь более удобный путь в Индию, чем сейчас.

Между прочим, усмехнулся про себя Вильгельм, такой вариант следовало обдумать и независимо от появления австралийцев, ведь короткий путь в Индию нужен не только из-за них. Опять же есть хоть и небольшая, но все же вероятность, что московиты сравнительно быстро справятся со шведами. А их появление в Балтийском море принесет Англии больше неудобств, чем в Черном.

Однако канал – это проект на достаточно далекую перспективу, вынужден был признать Вильгельм. Ведь начинать его рыть можно только после того, как влияние Франции на Средиземном море будет существенно ослаблено. Вообще-то в последние годы с данной задачей неплохо справляется и сам Людовик, но необходимы дополнительные усилия в этом направлении. А если к ним удастся привлечь австралийцев, будет и вовсе замечательно. Тут надо все очень тщательно обдумать, но у него, Вильгельма, время еще есть. Он в самом расцвете сил, имеет неплохое здоровье, а универсальное лекарство от всех болезней, кроме отравлений, подаренное ему герцогом Алексом, уже показало свою замечательную эффективность против простуды.

Вдовствующая королева Марианна с раздражением отбросила свежий номер «Gacetta». О боже, до чего докатилась Испания! Король узнает важнейшие и прямо относящиеся к нему новости последним в Европе, да и то из какого-то никудышного листка. Было ли что-нибудь подобное, когда она, его мать, держала в руках нити управления государством? Нет, ничего подобного не было и быть не могло. А теперь – позор! – в Англию приплывают какие-то могущественные чужестранцы, Вильгельм принимает их как самых дорогих гостей, а Карлос не только не знает, что они прибыли из каких-то близких к испанским колониям земель, но и о самом событии его осведомили только сегодня!

Господи, услышь мои молитвы, привычно подумала вдовствующая королева, направляясь в часовню. Она не могла знать, что по этому маршруту, равно как и по любому другому из земных, ей осталось ходить всего три месяца.

Король Франции Людовик XIV, разумеется, узнал о прибытии австралийцев в Дувр на следующий вечер после этого события. И в самом начале нового, тысяча шестьсот девяносто шестого года у него уже имелось достаточно материалов, чтобы начать их обдумывать.

Да, он правильно почувствовал еще полтора года назад, что дело это очень перспективное. Но проклятый узурпатор, Вильгельм Оранский, и тут обошел христианнейшего короля! Переманил к себе Папена, который уже построил ему самодвижущуюся лодку. Главное, ведь этот Папен – француз! И как этот мерзавец мог забыть о своем долге рождения? О том, что долг перед своим королем – самый священный из всех? И если бы он один такой был, этот Папен. Более полутора сотен тысяч гугенотов, вместо того, чтобы смиренно принять католичество, сбегали только за последние двадцать пять лет! Нет, тут надо что-то делать. Может, дополнить эдикт шестьдесят девятого года

указанием о том, что смертной казни подлежат не только те беглецы, что стали работать кораблестроителями у чужих государей, но и вообще все? Конфискацию же имущества распространить и на их родственников. Но об этом еще будет время подумать. А пока...

Король уже понимал, что Франция испытывает жесточайший кадровый голод. Ушли в могилу великие полководцы, с которыми она выиграла столько войн, а новые... да откуда только берутся такие бездари, умеющие лишь лживо льстить его величеству? Тринадцать лет назад умер Кольбер. И, хоть он под конец своей жизни и осмелился осуждать политику своего короля, за что вполне справедливо был удален от двора, достойной замены ему так и не нашлось. Чем дальше, тем в большем расстройстве пребывают финансы Франции.

Однако французская разведка по-прежнему лучшая в Европе, подумал Людовик. Копии рисунков парового двигателя были доставлены в Париж еще полгода назад, но до сих пор никто из Академии наук так и не смог понять, как может работать изображенное там. Чем вообще занимаются эти бездельники?

Если бы король позволил себе вспомнить свой же указ, то легко ответил бы на этот вопрос. Академики в полном соответствии с королевской волей занимались изящной словесностью, сохранением и умножением богатств французского языка и тому подобными вещами, имеющими на редкость мало общего с паровыми турбинами. И с воздушными шарами тоже, потому что это изделие австралийцев, недавно упавшее между Лондоном и Виндзором, удалось, хоть и в не совсем исправном виде, доставить во Францию.

Король уже видел этот летавший по небу бумажный мешок, но вопрос оставался открытым – где найти ученых, которые разберутся, как это работает? А как было бы хорошо иметь кроме морского еще и воздушный флот. Но люди, люди... где их взять?

Людовик не знал, что по крайней мере один из таких людей все еще пребывал на земле Франции, но тому шли последние минуты. Ибо из-за мыса, закрывающего вход в небольшую бухту в десяти лье на восток от Тулона, уже показался низкий силуэт с двумя скошенными назад короткими мачтами. Корабль марокканских контрабандистов пришел за беглецами, которым уже нечего было терять во Франции, чтобы, как им обещал Воллан, доставить их на португальский остров Мадейра. Откуда их должны были скоро забрать возвращающиеся домой корабли австралийцев.

Глава 26

Только перед самыми новогодними праздниками до англичан наконец дошло, что и письменность, и язык австралийцев больно уж напоминают московитские, хотя, конечно, имеются и существенные отличия. Свифт с Темплом, не зная ни слова по-русски, смогли только подметить, что в нашем языке встречаются слова с греческими и латинскими корнями, и в алфавите есть буквы, похожие на греческие. И цифры у нас арабские.

– Все правильно, – объяснил я Вильгельму, – ведь до второй эпохи изоляционизма был длительный период, когда мы поддерживали довольно тесные связи с Европой и Азией. И не только торговые, тогда были особые люди, подвижники, их еще называли прогрессорами. Они видели смысл своей жизни в том, чтобы нести свет знаний отсталым народам. Кто именно научил арабов математике, я уже и не помню, но вот у славян работали последние наши прогрессоры, Кирилл и Мефодий. Они-то и научили их письму. Австралия тогда вообще с интересом относилась к славянским княжествам, у нас даже была своя миссия на Белом море, город Китеж. Не слышали? Ну, в общем-то это вполне понятно, мы же ее уже шестьсот лет как эвакуировали. Кстати, и мои далекие предки имели русское происхождение.

А дальше я рассказал королю волнующую приключенческую историю о том, как группу русских пленников, захваченных Батыем под Козельском, пригнали аж в Китай. Но там они под руководством молодого княжича Романа устроили побег и захватили китайский корабль. Их пытались ловить на севере, думая, что они поплывут к родным землям. Но козельцы всех обманули и двинулись прямо на юг, где их никто не ждал. И в конце концов

после долгого пути по океану оказались в Австралии. Где и прижились, со временем получив титулы за верную службу. Кстати, непечатные выражения в австралийском языке пошли именно от них. А что сейчас творится в русских княжествах, не знаете?

Вильгельм, само собой, знал, и неплохо. Но начал врать, зараза, что они до сих пор пребывают в дикости, а их новый царь вообще слаб на голову. Причем позиция у него была железная, ведь именно такие слухи тогда и ходили по Западной Европе. Если же вдруг выяснится, что сообщенное мне королем не совсем соответствует истине, он разведет руками и скажет, что разделял всеобщие заблуждения. Вот не хочется ему, чтобы мы после Англии завернули еще и в Россию.

На Новый год наше посольство устроило фейерверк. Вообще-то я всегда увлекался подобной пиротехникой, так что теперь, освободившись от всякого подобия административной или даже уголовной ответственности, что могло иметь место в местах моего прошлого проживания, спокойно отдался своему хобби. Вильгельм поначалу морщился, представив себе, что теперь будут говорить в Лондоне и окрестностях, но, потом, похоже, нашел в происходящем что-то положительное, просветлел лицом и исчез. Видимо, давать указания своему камердинеру или еще кому-нибудь из аналогичной конторы.

Ну, а после праздников мой путь лежал в Дувр. Надо было самому проследить за подготовкой трех кораблей, зафрахтованных нами для перевозки людей и грузов в Австралию. Но перед отъездом я ненадолго забежал в часовенку, имеющуюся при нашем здании, где гауптштурмпастыр отец Юрий быстренько сочетал меня законным браком с третьей женой, баронессой Элеонорой, урожденной Гастингс, которая с этого момента становилась герцогиней Романцевой. Кстати, ее больше всего поразил заключительный момент обряда, когда из недр походного алтаря громко и качественно заиграл марш Мендельсона. Ну, а сразу после венчания мы с новоиспеченной герцогиней отправились в Дувр.

Собственно говоря, зафрахтовал я только два судна, «Уайт Хорс» и «Мэри» – трехмачтовые посудины тонн по восемьсот, которые мне казались пинассами, но англичане считали, что это просто корабли. Кроме них имелся здоровенный фрегат «Винчестер» на полторы тысячи тонн, но он шел с нами за свой счет. На нем в должно было плыть английское посольство и завербованные на десять лет корабельные мастера. По прибытию же на место он останется демонстрировать английский флаг в Ильинске сроком на три года, будучи все это время в распоряжении посла.

На фрегате изначально было не очень много пушек, всего двадцать четыре, но и то десять сняли для получения дополнительного места. Я объявил, что идти мы будем на максимальной скорости и вообще не высаживаясь на сушу до самой Новой Австралии, чтобы обернуться туда за полгода. Ну или в крайнем случае за семь месяцев, если не повезет с погодой. Нытье капитанов о том, что пресная вода испортится, а солонина протухнет, было пресечено моим вежливым объяснением, что запасы воды я им буду возобновлять прямо в море, а продукты, если брать их нормального качества и правильно хранить, не протухнут и за несколько лет. Вообще-то капитаны уже читали бумагу о том, что на время плавания корабли считаются эскадрой под моим командованием и, как всякий порядочный адмирал, я буду вправе повесить кого угодно в любой момент и на любой подходящей детали такелажа. Причем шкиперы торговцев вообще не имели ничего против, ибо им было уже доплачено за неудобства, а вот капитану фрегата пришлось проглотить эту пилюлю задаром. И теперь он с каменным выражением лица выслушивал мои предупреждения о том, что если во время плавания из-за антисанитарии произойдет падеж среди пассажиров, то я немедленно воспользуюсь своим правом, и отнюдь не в отношении простых матросов.

Всю следующую неделю в Дувре царил бардак. Постоянно прибывали всякие каботажные посудины с заказанными нами товарами. Я непрерывно собачился с капитанами по поводу условий, в которых они собирались везти переселенцев, заставляя их организовать на своих корытах хоть какое-то подобие умывальников, раз уж тут нет душевых. Кроме того, на «Мэри» в камбузе обнаружилась совершенно неопишущаяся грязь, которая немного

уменьшилась только после того, как я лично набил морду коку и предупредил, что мои солдаты, которые в количестве четырех рыл поплывут на «Мэри», за такую стряпню просто пристрелят его, а готовить потом будут сами.

Мориори нужны были на английских кораблях для наблюдения за условиями перевозки и для связи с «Чайкой», так что моя команда уменьшилась до девятнадцати человек, не считая меня и свежеиспеченной герцогини. Хорошо хоть она не путалась под ногами, а смирно сидела в каюте, где раньше жили Свифт с Темплом, потихоньку осваивая там швейную машинку «Радом».

Старый дипломат Темпл, который сразу после нашего прибытия в Англию умотал в свое поместье, вроде как лечить обострившийся за время плаваний радикулит, теперь снова был в Дувре, свежий и полный сил. Чрезвычайным и полномочным послом назначили именно его, Свифт стал первым секретарем. А вообще английское посольство состояло из четырех дипломатов и восьми мушкетеров для охраны и представительства.

Я навестил Свифта с Темплом на «Винчестере», похвалил их двухкомнатную каюту, но заметил, что в ней темновато. Дело было уже после захода солнца, и она освещалась свечами. Англичане согласились, что светодиодные лампы куда лучше, но, увы, в Англии их делать не умеют. В ответ я продемонстрировал широту натуры и предложил на время плавания установить по два светильника в каждом помещении. И таки установил, а для подзарядки аккумуляторов приладил на корме шест с небольшим ветряком. Мало того, параллельно с лампами я смонтировал дипломатам еще и микрофоны с видеокамерами, но сообщить им об этом мне помешала моя врожденная скромность.

Вскоре начали прибывать переселенцы. Для них было приготовлено несколько больших палаток, ибо на кораблях еще продолжались работы, причем поначалу отопления временных жилищ вовсе не предусматривалось. А ведь на улице стоял хоть и английский, но все же январь, и все эмигранты были с детьми, причем некоторые с грудными. Узнав об этом, я вызвал Свифта и объяснил – сейчас ему еще раз доведется полюбоваться на работу носовой пушки «Чайки». После чего предложил пари, что я с километра разнесу в щебень магистрат Дувра, не затронув стоящих почти вплотную к нему домов, ну разве только там стекла повывлетают. Почему-то пари он не принял, но уже к вечеру в палатках появилось какое-то подобие буржук.

На следующий день я прошелся по палаткам. Меня интересовало, что заставило этих людей, бросив все, отправиться в далекую и неизвестную страну. Ответ был виден сразу и невооруженным глазом – нищета. То есть бросать им по сути было нечего. Кроме того, там было довольно много, почти треть от общего количества семей, вдов с детьми. Что в общем-то понятно – в случае потери кормильца шансы выжить у семьи английского крестьянина стремились к нулю, и переселение в далекую Австралию выглядело вполне приемлемым выходом. Вот небось Вильгельм лапки-то потирает, усмехнулся я. Вроде как и выполнил наши договоренности, но подсунул ни к чему не пригодный контингент! Однако вот здесь он крупно ошибался. В Ильинске при тамошнем климате даже вдова, работая на поле, прокормит как минимум человек пять, так что балласта среди переселенцев я почти не усмотрел. Не считать же им детей, которые на самом деле есть главная надежда Австралии! Тем более что половина из них вполне трудоспособного возраста, то есть им больше десяти лет. А вообще состав нашего пополнения выглядел следующим образом.

Сто тридцать одна семья. Пятьдесят два мужика в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти. Около восьмидесяти женщин и примерно триста сорок детей, из которых шестеро вообще грудные, а десятка три младше четырех лет. И два протестантских священника, причем откормленная рожа старшего из них наводила на мысль о том, что в вот уж он-то решился на переселение в неведомые края отнюдь не из-за беспросветной нужды. В общем, пока я решил по умолчанию считать обоих агентами, а чьими именно – потом разберемся.

По завершению осмотра я пригласил всех на короткое время выйти из палаток, после чего сказал им краткую речь.

– Господа! Позвольте вам сообщить, что с этого момента вы приобрели высокий статус иммигрантов великой и могучей Австралийской империи. Почему, спросите вы, я называю его высоким, хотя он не дает никаких прав, а только накладывает обязанность беспрекословно подчиняться любым распоряжениям представителей власти? Да потому, что империя с сегодняшнего дня тоже принимает на себя обязанность защищать вас и заботиться о вас. Поэтому о любых трудностях, притеснениях со стороны команды, болезнях и так далее вам следует незамедлительно сообщать солдатам империи, коих будет по четыре на каждом корабле. Обещаю вам, что каждый сигнал будет внимательно рассмотрен. Кроме того, статус иммигранта является первой ступенью к австралийскому подданству, а это уже совсем другое дело. Подданный империи имеет не только обязанности, но и права, записанные в конституции.

Если, конечно, Илья уже успел ее сочинить, подумал я и продолжил:

– Соблюдение каковых прав обеспечивается всей мощью империи. Теперь все зависит только от вас. На благодатной земле Новой Австралии не голодает никто, если, конечно, он не законченный лентяй. Верная же служба обязательно будет замечена. Перед вами теперь открываются сияющие перспективы вплоть до получения личного дворянства. Еще раз повторяю – отныне ваша судьба в ваших руках. И не надо пугаться предстоящего плавания. Да, оно будет долгим, но представители империи примут все меры для того, чтобы обеспечить его максимальную безопасность.

Завтра вы погрузитесь на корабли, а послезавтра мы выйдем в море. Имейте в виду, что до самого конца пути корабли не пристанут ни к какой суше. Вопросы есть? Нет? Странно. Тогда желаю вам счастливого пути и благополучного прибытия пункт назначения, то есть столицу Новой Австралии город Ильинск.

Вообще-то я не думал, что захваченных из Англии припасов хватит на семь месяцев пути. Но ведь «Чайка» по скорости превосходила любой из английских кораблей вдвое, а «Победа» – в полтора раза. Вот они-то и будут по очереди посещать встречные порты или просто высаживать на какой-нибудь берег охотничьи команды, догнать же потом эскадру им не составит особого труда. В частности, первый такой заход в сторону предполагался на Мадейру. Там можно будет прикупить свежей провизии, ну и забрать французских гугенотов, которых Воллан смог уговорить на переселение в Австралию. Если, конечно, у него это получилось.

Однако встретиться с французами мне пришлось несколько раньше, а именно этим же вечером. И посланы они были не Волланом, а в некотором роде его оппонентом, то есть Людовиком Четырнадцатым по кличке «Король-солнце».

В двенадцатом часу ночи вахтенный, обзвывая окрестности в ночной бинокль, увидел, что со стороны моря к «Чайке» приближается какая-то шлюпка. Так как я еще не спал, то, прежде чем освещать неведомых гостей прожектором, о них доложили мне. Я подумал, что для брандера посудина слишком мала, и вообще похоже, что кто-то хочет пообщаться с нами, не привлекая излишнего внимания. Так что мы не стали подсвечивать приближающуюся лодку, и вскоре она была пришвартована к борту «Чайки», один из прибывших остался в ней, а второй был препровожден в мою каюту, где он первым делом представился:

– Виконт Александр де Тасьен, личный посланник от его величества Людовика Четырнадцатого к его светлости герцогу Алексу Романцефф.

Представившись в ответ, я в некотором затруднении продолжил разглядывание посланника. Интересно, столь явственный красный с синим отливом оттенок физиономии у него от холода или от неумеренного пьянства? Хотя какая разница, что так, что этак человеку первым делом надо налить стакан, что я и сделал. Выпив предложенное так, будто там был не крепкий самогон, а боржоми, посланец с сожалением поглядел на дно стакана и без предисловий перешел к делу:

– Его величеству угодно узнать, какую сумму деньгами или чем-либо иным Австралийская империя запросит у Франции за помощь в создании воздушного флота.

Вот так, вынь да положь французскому королю ВВС, и все. Что тут можно ответить? А, была не была.

– Если мерить на деньги, то каждый воздушный корабль обойдется от трех до десяти тысяч фунтов золота, – озвучил я наши расценки. – Или, если это вдруг покажется его величеству несколько затруднительным, от тридцати до ста тысяч человек. Молодых, здоровых и готовых навсегда переселиться в Австралию. Причем доставка их туда за ваш счет и на ваших кораблях. Разумеется, заказы мы принимаем только на условиях полной предоплаты.

– Простите?

– Деньги вперед, – пояснил я для экономически малограмотных.

– То есть... (на лице посланника отразилась напряженная работа мысли) мы вам заплатим, и только после этого вы приступите к постройке воздушных кораблей? Сколько времени это займет?

– Не больше трех лет. Может, и за два управимся, но точно обещать не могу.

– Хорошо, я передам его величеству. Но как нам известить вас о его решении?

– Пошлите гонца на Филиппины, в Себу, – предложил я, – мы там бываем довольно часто. Или, если хотите, можем через некоторое время сами связаться с вами.

С этими словами я порылся в глубинах своего секретера и извлек пластиковый жетон московского метро. У меня еще с прошлого тысячелетия завалился десяток этих бледно-зеленых полупрозрачных кругляшей, и, отправляясь к Илье, я захватил их собой, благо места они не занимали.

– Вот, возьмите. Каждый, кто покажет такой знак, будет являться нашим представителем. Вы уж там парижскую полицию предупредите, что ли. Впрочем, это вам виднее.

Один такой жетон я при расставании на всякий случай вручил Анри Воллану. Теперь, если он попадется, у него появится шанс не сразу оказаться на виселице.

Через пять минут гонец, приняв на посошок еще один стакан, откланялся. Я начал было соображать, где же мы возьмем хоть один воздушный корабль в случае согласия Людовика, но потом плюнул на это дело. В конце концов, никто еще не отменял восточной мудрости о том, что к тем временам помрет либо ишак, либо эмир, либо Ходжа Насреддин.

А утром одиннадцатого января наша эскадра покинула Дувр и отправилась в свой далекий путь.

Глава 27

На семнадцатый день пути «Чайка» подняла все паруса и, быстро оторвавшись от ползущей со скоростью бегуна трусцой эскадры, понеслась вперед, то есть на юг. Но не в Антарктиду, нам туда было в общем-то не нужно, а всего лишь к острову Мадейра, до которого оставалось двести пятьдесят километров.

Этот остров имел довольно интересную биографию. Вообще-то открыли его в незапамятные времена, упоминание о нем встречалось и у древних римлян, но официально, то есть с втыканием флага в землю, это сделали португальцы в пятнадцатом веке. Причем сразу после открытия им захотелось чего-то эдакого, возвышенного – ну там посадить дерево, например, построить дом, а дальше, чем черт не шутит, и воспитать ребенка.

Однако даже с первым пунктом сразу возникли трудности. Ведь остров не зря получил свое название, которое переводится как «лесной». Он действительно весь был покрыт густым лесом. И где тут, спрашивается, сажать что-то, если все места уже заняты? Да и с домом тоже не очень. Ладно, под один можно и вырубить местечко, но вдруг их потребуется десять? Да с приусадебными участками, тут замучаешься пни корчевать.

Но господь не зря снабдил человека мозгами. Пораскинув ими, португальцы быстро нашли простое и красивое решение. Точно как обитатели Вороньей Слободки у Ильфа с Петровым, они взяли и подпалили этот остров со всех четырех углов. И, убедившись, что

горит он ярко, весело и тухнуть совершенно не собирается, зондеркоманда отплыла в свою Португалию, ибо оставаться на Мадейре стало решительно невозможно.

Через несколько лет португальцы вернулись на покрытый пеплом остров и начали сажать там деревья, цветы и сахарный тростник с виноградом, принялись строить дома... в общем, жизнь закипела. Вот только с тех пор на острове можно было встретить растения со всего мира, кроме тех, что произрастали на нем изначально.

Еще одной интересной особенностью данного клочка земли было то, что за него никто и никогда не воевал. Колонизация обошлась без эксцессов, ибо остров изначально был необитаем. Потом, в начале шестнадцатого века, произошел так называемый дружественный захват Мадейры испанцами. То есть они так и сказали, чисто по дружбе, что им этот остров нравится, и все тут. Испания тогда пребывала на пике своего могущества, так что португальцы утерлись. Но к концу века семнадцатого она с этой вершины скатилась уже весьма низко, и португальцы тихой сапой восстановили статус-кво. Похожая история произошла и при Наполеоне, когда в качестве дружественных оккупантов выступили англичане. Но до нее оставалось еще больше ста лет, а пока «Чайка» обогнула остров и около шести вечера бросила якорь в гавани Фуншала, его столицы.

Там было довольно оживленно, но при нашем появлении мелкие посудины бросились врассыпную, а единственный из крупных кораблей, пузатый бриг, тут же закрыл оружейные порты, поднял голландский флаг и вообще начал всячески демонстрировать свое миролюбие. В порту тоже поднялась суетня, завершившаяся прибытием к нам начальника порта. Все-таки в быстром распространении слухов есть положительные моменты, подумал я, принимая явившееся с визитом должностное лицо. И поставил его в известность о наших потребностях:

– Хотелось бы приобрести у вас десяток барашков и по пять бочек мадеры и сухого вина. Что? Ну разумеется, за деньги, мы же с вами не ссорились. Да и назывался бы тогда этот процесс не «приобрести», а «получить». Кроме этого, есть и еще один вопрос. Не прибывала ли к вам недавно партия французов, которые должны ждать нас здесь?

Начальник побледнел и залепетал что-то не очень вразумительное, из чего я понял, что этих людей марокканцы продали как рабов, так что сейчас они трудятся на виноградниках...

– Тогда мы желали бы купить еще и футов двести хорошей пеньковой веревки, – расширил я перечень текущих потребностей. Что интересно, чиновник мгновенно понял, зачем она нам понадобилась, и неуверенно осведомился, нельзя ли без такого как-нибудь обойтись.

– Можно, – обнадежил его я, – если не позже завтрашнего утра все эти люди будут на борту «Чайки», сытые, умытые, хорошо одетые и, главное, всем довольные. Вы уж как-нибудь договоритесь с ними, чтобы они не имели к вам претензий. Ибо в противном случае с городом могут произойти серьезные неприятности.

Начальник отбыл, на берегу почти сразу началась какая-то деятельность, несмотря на то, что солнце уже зашло. Всю ночь, по докладам вахтенных, там бегали с факелами и вопили, а в пять часов утра к нам снова подошла шлюпка, но ее прогнали, сказав, что герцог спит. Но пообещали, что выстрелят из пушки холостым сразу, как он проснется.

Ну, насчет сразу ребята, конечно, малость погорячились. А умыться, причесаться, выпить чашечку кофе? В общем, пушка бабахнула ровно в десять утра по гринвичскому времени. От берега сразу отделилась шлюпка портового начальника, а за ней – две более крупных, под завязку набитые людьми. Я взял бинокль на предмет посмотреть, не вооружены ли они, и вскоре почувствовал некоторое смущение. Говоря вчера про приличную одежду, я ведь имел в виду, чтобы людей на доставили не голыми и не в рванье! Но островитяне решили подстраховаться. Судя по всему, они как раз всю ночь и собирали самые роскошные одеяния. В частности, расшитый серебром коричневый камзол, в котором нас вчера посещал чиновник, теперь болтался, как на вешалке, на каком-то тощем парне лет двадцати. И почти все остальные были тоже одеты явно с чужого плеча.

Кое-как построив прибывших на палубе «Чайки», я их сосчитал. Сорок два человека,

среди них одна женщина. Даже, скорее, молоденькая девушка, вся заплаканная и прижимающаяся к парню чуть постарше ее. Что-то эта пара не очень похожа на всем довольных...

– В чем дело? – осведомился я, подойдя.

Девушка вообще заревела в голос, а парень бухнулся мне в ноги и что-то забормотал, из чего я смог разобрать только «не погубите». Да, кажется, конкретно от этих я если и дождусь связного рассказа, то не сейчас.

– Кто у вас тут старший?

Вперед вышел мужчина средних лет, один из немногих, на которых еще оставалась их одежда. Ничего так, лицо довольно располагающее, а главное, говорит связно и по делу.

В общем, история оказалась довольно банальной. Эти двое были влюбленной парочкой, которая решила сбежать, ибо девушку уже кому-то обещали. В плавание все было нормально, марокканцы относились к пассажирам уважительно и, кстати, никому их не продавали, а просто высадили на остров и уплыли. Ну, а тут, увидев людей и посчитав их бесхозным имуществом, местные решили, что им самое место в рабстве. Было это четыре дня назад, так что новоявленных рабов сегодня должны были в первый раз гнать на сахарный тростник, но девушку уже успели изнасиловать.

– Где виновные? – поинтересовался я у начальника порта.

Тот забормотал что-то вроде того, что это очень уважаемый человек, племянник губернатора, и девице уже дали два золотых в компенсацию...

Пока он не сказал про племянника, я слушал его спокойно, но после этих слов у меня внутри что-то повернулось. Ну надо же, и здесь свинячат родственники власть предержащих! А у нас, блин, как раз есть два десятка снарядов из первой партии, которые мы взяли просто на всякий случай, ибо прямо они летели только на пятьсот метров. Но тут-то до порта и четырехсот не будет! И народу не видно, так что вряд ли образуются жертвы среди мирного населения.

– Ограниченно годными заряжай! – рявкнул я. – Вака, пирс, вон тот сарай и стоящий за ним домик здесь совершенно лишние. Командуй.

Загрохотали все три пушки левого борта, и пирс окутался дымом. Затем сквозь него начали пробиваться языки пламени, потому как половина наших снарядов была зажигательными. Сарай же явно оказался складом, и вскоре он запылал куда ярче пирса. Чиновник стоял ни жив, ни мертв.

– Если вы и дальше будете изображать из себя памятник Колумбу, – вежливо обратился я к нему, – то через полчаса гореть будет уже весь ваш паршивый городишко.

– Но что я могу сделать?

– Например, объяснить горожанам, что единственный шанс сохранить свои дома, имущество, а то и жизни состоит в том, чтобы немедленно и в любом виде доставить сюда губернатора и его поганого племянника. Понятно? Тогда бегом, у вас есть ровно сорок минут.

Губернатор явился на борт «Чайки» сам, и сравнительно быстро. Он оказался старичком довольно благообразной внешности и, главное, настолько небогато одетым, что у меня даже зашевелилось что-то вроде совести.

– Ваша светлость, – сказал он, чуть не плача, – дон Ануш сбежал еще вчера, как только узнал, что ваш корабль пришел за этими людьми, и никто не знает, где он! К тому же он мне не племянник, а муж моей внучки. Умоляю, пощадите город!

– Я-то здесь при чем? Город намечен к уничтожению за оскорбление, нанесенное иммигрантке Австралийской империи. Если вам удастся как-то смягчить ее, он может остаться цел.

В общем, начальник порта с губернатором минут пять чуть ли не на коленях ползали вокруг этой девицы, выгребли ей все деньги с поясных кошель и отдали перстни с пальцев, пока она наконец вышла из ступора и проблеяла что-то, которое я счел возможным принять за прощение.

– Ваше счастье, что госпожа оказалась столь великодушна, – резюмировал я. – Но где, черт побери, заказанное нами, то есть вино и бараны? Мы и так торчим на вашем острове уже лишний час. Кстати, фрукты у вас тут какие-нибудь растут? Значит, и их два десятка больших корзин, ассортимент на ваше усмотрение. И, господа, прошу вас учесть на будущее. Вполне возможно, что на ваш остров прибудет еще одна партия переселенцев. Вы уж постарайтесь с ними повежливее, ладно? Между прочим, если бы не ваше хамское отношение к гостям, я бы заплатил вам за те неудобства, которые принесло вам их пребывание на вашем острове. То есть вы могли получить приличную сумму, а теперь вместо этого будете подсчитывать убытки от сгоревшего. Сколько с меня за продукты, вроде мы договаривались на двадцать восемь рублей? Вот вам три червонца, сдачи не надо, но не тяните время, прошу вас.

Моя просьба была совершенно лишней. До прихода лодок с провизией я только-только успел сказать новоявленным иммигрантам речь, в общем повторяющую ранее сказанную в Англии, но с добавкой типа «вы сами видели, как империя защищает своих людей». После чего «Чайка» подняла якорь и к явному облегчению островитян направилась в открытое море.

К четырем часам дня мы догнали эскадру. На короткое время корабли легли в дрейф, бараны и фрукты были поделены между всеми кораблями, французские переселенцы – между пинассами, но не все, двое остались на «Чайке». Один из них был тот самый старший, я хотел уточнить у него, почему его люди решили покинуть Францию и кто из них кто. Но, кроме него, остался еще и парень в камзоле с начальственного плеча.

Когда мы удалились от Мадейры километров на пять, я собрался было пообедать, но перед этим глянул на сидевших на палубе иммигрантов, ибо в трюме было тесно, а погода стояла отличная. И перехватил умоляющий взгляд того парня.

– Вы что-то хотите спросить?

– Да, ваша светлость... скажите, это правда, что в вашей стране люди умеют строить летающие машины?

– Разумеется, а чем они вас так заинтересовали?

Выяснилось, что паренек с детства задавался вопросом, отчего человек не летает. И самостоятельно догадался, что из-за недостатка сил. То есть он опытным путем выяснил, какое усилие галка может развивать своими крыльями, потом сравнил с аналогичным параметром для человека и пришел к выводу, что царь природы относительно своего веса слабее галки в пятнадцать раз и, значит, никакие крылья ему не помогут. Однако Франсуа, так звали энтузиаста авиации, вскоре сообразил, что дым почти всегда поднимается вверх. А если заключить дым в мешок, подумал молодой исследователь, то интересно, поднимется мешок в воздух или нет? Ясное дело, мешок никуда не поднялся. Но за этими занятиями Франсуа застукал графский управляющий, настучал графу, а тот вдруг почему-то возмутился, что его крестьяне иногда позволяют себе слегка поэкспериментировать. В общем, парень, не дожидаясь неприятностей, сбежал. И где-то через месяц бродяжничества встретился с Анри Волланом, который сказал, что далеко за морем есть страна Австралия, где люди давно научились делать небесные корабли и всюду на них летают. Вот так Франсуа оказался на борту «Чайки».

Я поинтересовался, грамотный ли он, и получил ответ, что да – его два года учил приходской священник. Кроме того, Франсуа неплохо считал в уме, хотя таблицы умножения не знал и результат получал многократным сложением. В общем, я показал ему фото нашего дельтаплана и сказал, что смогу взять его служить в авиацию, но для этого ему придется за время плавания выучить австралийский язык. И, значит, теперь он целиком погрузился в учебу, в основном по библии, ибо у меня нашлись ее тексты и на французском, и на русском.

Во время загрузки продуктов Свифт перешел на «Мэри», это было понятно – англичан заинтересовало, что за людей «Чайка» привезла с Мадейры. А через три дня, когда ветер ослаб настолько, что корабли еле плелись, он вернулся на «Винчестер», и вскоре я с

интересом слушал его беседу с Темплом.

– Знаете, я только теперь поверил, что герцог действительно начал бы стрелять в Дувре, если бы мы не позаботились об обогреве переселенцев, – признался Свифт.

– Вот поэтому тебе пока не доверен пост посла, и его величество вынужден посылать на край света твоего старого дядюшку, – усмехнулся Темпл. – Чего же тут удивительного? Согласен, его светлость Алекс милейший человек. Более того, он остается таковым, даже если немного затронуть его личные интересы. Но вот когда нарушаются интересы державы – совсем другое дело. Эти же люди в тот момент уже принадлежали Австралии, а скупость и нерасторопность магистрата могли привести к потерям среди них. Разумеется, герцог начал бы стрелять! Просто для того, чтобы подобное не могло повториться в будущем. Потому как хорошо знал, что король прекрасно поймет его побудительные мотивы, а чье-то возмущение подобным образом действий не отразится на торговых операциях между Англией и Австралией. И, между прочим, я не сомневаюсь, что если в пути умрет кто-нибудь из корабельных мастеров, то он, как и обещал, повесит нашего капитана. Потому что мастера нужны империи, да и за них уже заплачено, а кто будет командовать «Винчестером», капитан или старший помощник, Австралию не интересует.

– И, наверное, мне следует зашифровать и передать герцогу отчет о беседах с этими французами?

– Зашифровать – конечно. А вот передавать пока не стоит, мы еще не так далеко от Европы, вдруг да и подвернется оказия, с которой мы отправим твою бумагу.

– Но ведь шифр...

– Мальчик мой, эти люди воевали уже тогда, когда ни одной из европейских стран вообще не было, – наставительно сказал старый лис. – А война и шпионаж во всех его формах, включая шифровальное дело, неразделимы. Я уверен, что герцог прочтет твое послание даже с большей легкостью, чем ты прочитал бы письмо Цезаря протопретору Терму, где будущий император просто писал слова наоборот и без пробелов между ними. Кроме того, мне кажется, что твой доклад все же страдает некоторой однобокостью. Ты увлекся описанием событий, предшествовавших стрельбе в порту, потом самой этой стрельбы, но совершенно не отразил ничуть не менее важный момент. Заплатил ли герцог за доставленные ему продукты? Если да, то сколько? Жалко, что ты этого не знаешь, но у тебя еще есть время исправить последствия некоторой поспешности при расспросах. Лично я думаю, что Алекс заплатил, и причем даже несколько больше, чем обещал поначалу. Примерно так было в Себу, и, если подобное повторилось на Мадейре, это позволит сделать вывод об одном довольно интересном принципе австралийцев. Мне кажется, они считают – частные лица не должны отвечать по обязательствам государства или иных частных лиц. Но так это или нет, еще предстоит выяснить.

На этом я выключил аппаратуру. Мне тоже пора было приниматься примерно за то, что уже сделал Свифт, то есть приступать к писанию отчета о произошедшем на Мадейре. Кроме того, его следовало дополнить конспектом беседы английских дипломатов, после чего на ближайшем сеансе связи передать Илье. И, наконец, на основе этой беседы не помешает составить дополнительные инструкции для главы нашей резидентуры в Англии, а по совместительству чрезвычайного и полномочного посла Австралийской империи Уиро Мере-тики.

Глава 28

Еще когда нынешняя герцогиня Элли Романцева была моей невестой, а она проходила в этом звании целых три дня, ее заинтересовали вопросы австралийской женской моды. В частности, насколько сильно она отличается от европейской. Я объяснил, что если брать суть, то ничем. И там и там основная задача одежды – подчеркнуть выигрышные стороны фигуры и скрыть те, которые не полностью соответствуют представлениям зрителей о прекрасном. Но так как Австралия вообще-то страна рационалистов, то имеются и

существенные отличия. Например, у нас значительно меньше нижняя граница площади одежды, до которой она еще считается приличной.

Этого пассажи Элли не поняла, и пришлось подкрепить рассказ иллюстрациями. Первая из них изображала девушку в купальнике.

– Не очень приличным для появления на публике считается все, что меньше этого, – пояснил я. – В таком виде у нас можно ходить по улицам, если, конечно, погода позволяет. Но в колониях это бывает часто.

– А в церковь? – ужаснулась невеста.

– Да, для церкви и торжественных приемов правила чуть строже.

Я показал Элли следующую картинку.

– Тут уже нужна юбка, причем не короче, чем до середины бедра. И верхняя часть, в данном случае блузка. Причем зазор между ними не должен превышать десяти сантиметров, то есть четырех дюймов. Кроме того, возможен и брючный костюм.

Естественно, он тоже был подкреплён иллюстрацией, а я потихоньку продолжил свою лекцию.

– Таким образом, у дамы богатый выбор стилей и фасонов. Например, если она является обладательницей красивой попки и хочет обратить внимание окружающих именно на эту деталь своей фигуры, ей больше подойдет брючный вариант.

– А мне? – с неподдельным энтузиазмом поинтересовалась баронесса, – мне что больше всего подойдет, как ты думаешь?

– Да что угодно, у тебя все красивое, – отмахнулся я, не особенно погрешив против истины. Как уже говорилось, Элли была очень даже ничего на вид. На ощупь, впрочем, тоже.

– Так что выбирай сама, вот тебе пища для размышлений.

Я подал ей папку с вырезками из дамских журналов, текст на которых был заранее ампутирован.

– Вот в плавании ты и займешься своим гардеробом. Швейная машинка на «Чайке» есть, тканей тоже навалом. Ты, кстати, шить-то умеешь? Ну, раз тебе знакомо это дело, то машинку ты освоишь очень быстро.

В общем, до захода на Мадейру Элли почти не показывалась из каюты, превратившуюся ее стараниями в какое-то ателье. Отрезы китайского шелка семнадцатого века мирно соседствовали там с ситцем и синтетикой из того же Китая, но только века двадцать первого, а мне теперь приходилось перед каждым исполнением супружеских обязанностей еще и выступать в роли восхищенного зрителя. Тем временем вокруг уже довольно сильно потеплело, и герцогиня стала появляться на палубе не только в захваченных из Англии платьях, но и в шмотках своего собственного производства, сделанным в полном соответствии с последними веяниями австралийской моды. Но тут выяснилось, что существует такая вещь, как солнце, на котором можно обгореть и за десять минут. Элли была в растерянности, ибо, получалось, в ее новых костюмах днем можно было находиться только в каюте. Но я объяснил девочке, что по австралийским понятием белая кожа вовсе не является признаком аристократизма. Более того, дело обстоит с точностью до наоборот, потому как в холодном климате метрополии загореть не так-то просто, и это могут позволить себе только знатные и состоятельные дамы. После чего ей была показана фотография, где пожилые толстые тетki голышом загорали в солярии. И несколько цветных снимков загорелых чуть ли не до черноты фотомоделей. Элли прониклась и теперь, вставая с восходом, каждый день по часу валялась в мини-купальнике на самом краю юта, загорая в лучах нежного утреннего солнца. Надо было видеть рожу капитана «Винчестера», когда он, обозревая море в подзорную трубу, в первый раз увидел такое зрелище. Я даже сделал несколько снимков через телеобъектив, авось пригодятся.

Тем временем становилось все жарче и жарче, а когда мы оставили позади острова Зеленого Мыса, началась просто парилка. Оно и понятно, до экватора оставалось меньше тысячи километров. Вновь появились летучие рыбы, но поменьше и не такие вкусные, как были в Индийском океане. Увидев их, Франсуа, фамилию которого я до сих пор как-то не

удосужился узнать, осмелел настолько, что попросил у меня бинокль. Причем на «австралийском», хотя учил язык только вторую неделю. Правда, объяснить, зачем ему понадобился этот прибор, он смог только на родном языке. В общем, парень обратил внимание, что рыбы в полете вообще не машут крыльями, и хотел повнимательнее понаблюдать, как же они при этом летают. Я специально ничего не стал ему объяснять, хотелось посмотреть, до чего он сможет додуматься сам.

Двенадцатого февраля мы пересекли экватор. Ветер ослаб до полутора-двух баллов, и корабли еле плелись по тридцатиградусной жаре, которая почти не ослабевала и ночью. Причем все это на фоне практически стопроцентной влажности. Элли тихо радовалась, что успела нашить себе австралийских одежд, потому как ее английские платья для подобного климата не подходили совершенно. Судя по докладам моих солдат на английских судах, переселенцы хоть и страдали от жары, но пока дела обстояли все же терпимо, серьезно заболевших не было. Правда, кок на «Мэри» опять попытался накормить народ обедом с явственным привкусом тухлятины, и старший нашей тамошней группы на полном серьезе спросил меня во время очередного сеанса связи, не пора ли его пристрелить. Но я решил пока обойтись без крайних мер и велел просто выпороть кока шомполами, что и было сделано при полном одобрении команды. После чего, отправив его в трюм отлеживаться, мориори оккупировали камбуз. Я подкинул им свежей рыбы, а грязь они не переносили с детства, с этим на Чатеме было строго, так что через неделю боцман «Мэри» предложил им еще раз выпороть кока, а то ведь он уже почти оправился от экзекуции и скоро снова начнет травить команду и пассажиров своей вонючей стряпней.

Близкая к штилю погода продолжалась почти месяц, за который мы не прошли и тысячи километров. Причем на «Винчестере» народ ухитрился чем-то отравиться, так что вскоре его носовой свес оказался самым людным местом на корабле, там постоянно кто-то тужился в позе горного орла. Пришлось пожертвовать страдальцам активированного угля, и вроде это немного помогло.

Наконец пятнадцатого марта подул западный ветер, принесший с собой долгожданную прохладу. С каждым часом он крепчал и, достигнув примерно шести баллов к концу марта, с небольшими перерывами держался так почти три недели. При таком ветре «Чайка» могла развить почти тридцать километров в час, но у англичан не получалось выдать больше четырнадцати, да и то у фрегата периодически появлялись течи. Он был совсем новым кораблем, спущенным на воду за три месяца до нашего прибытия в Дувр, так что особенно удивляться не приходилось. Но все же мы за эти три недели дошли до Кейптауна, который пока еще был голландским перевалочным портом и назывался Капстад. И тут я совершил ошибку. Велев рулевому приблизиться к фрегату метров на пятьдесят, я взял мегафон и вызвал капитана с целью уточнить у него, может ли «Винчестер» продолжать плавание или ему требуется ремонт, каковой лучше произвести здесь, в Капстаде. Ошибка же заключалась в том, что я назвал английский корабль тем, чем его и считал, то есть корытом, употребив именно это слово – «пан». Капитан покраснел рожей и заорал в ответ, что его фрегат – один из лучших в Англии, и никакой ремонт ему не нужен. Так что мы прошли мимо будущего Кейптауна, а зря. На следующий день, когда эскадра была уже в Индийском океане километров на триста восточнее Игольного мыса, ветер потихоньку начал меняться на южный. А через три дня он усилился до восьми баллов, и фрегату стало очень нехорошо. Впервые, он не мог выдерживать курс поперек ветра, его постоянно сносило. Потом грот-мачта расшаталась настолько, что с нее пришлось убрать все паруса, и теперь «Винчестер» с трудом выдерживал курс на северо-восток, то есть куда-то в сторону Мадагаскара.

Через трое суток ветер утих, и вовремя, потому как на борьбу с течениями на фрегате были мобилизованы уже и пассажиры. Я определил наши координаты и выяснил, что снесло нас здорово, мы находимся ближе к Маврикию, чем к Мадагаскару. Ничего не поделаешь, придется сделать остановку на этом пока еще ничем не знаменитом острове, подумал я, командуя смену курса.

Двадцать четвертого апреля наши корабли достигли Маврикия и зашли в гавань, где

пока еще не было города Порт-Луи, потому как до исхода голландцев с последующей колонизацией острова французами оставалось пятнадцать лет. Но все же тут видны были следы человеческой деятельности. В частности, две небольших лодки и средних размеров сарай на берегу, где сейчас сустились и размахивали руками несколько человек. Похоже, корабли не так уж часто посещали эти места.

Ремонт фрегата занял неделю. За это время днище самого тихоходного члена нашей команды, «Уайт Хорс», было как-то почищено от выросших на него ракушек. «Винчестер» и «Мэри» имели медную обшивку днища и поэтому обрастали заметно меньше. Наши же экспедиционные корабли не обрастали вовсе из-за специальной ядовитой краски, которой я захватил с собой в прошлое около полутора тонн. Причем фирма-продавец, что интересно, честно предупредила меня – краска не соответствует каким-то там международным нормам, и в некоторые места корабль могут просто не пустить. По-моему, тут они малость перестраховались. Во всяком случае, до сих пор нас никто никуда не пытался не пускать. Но эта краска была невозможным ресурсом, и сейчас Илья вел работы по созданию чего-нибудь подобного на основе ядовитой австралийской флоры. Кажется, он был уже близок к первым результатам.

Стокосовавшиеся по твердой земле переселенцы восприняли заход на Маврикий как подарок судьбы и сейчас увлеченно охотились на еще остающихся тут черепах и дронтов. Хотя слово «охота» можно было смело брать в кавычки, ибо этот процесс выглядел к следующему образом. К объекту просто подходили, били его палкой по голове и тащили к костру на предмет сварить или пожарить. И единственная трудность тут заключалась в том, что дронтов осталось уже очень мало и их не так просто было найти.

Глядя на это, я вспомнил свою старую задумку и первым делом попробовал у одного из костров жареного на вертеле дронта. А ведь очень даже ничего, куда вкуснее индейки! За которыми, вообще-то говоря, Илья уже подумывал отправить экспедицию. Но ведь невкусная же скотина, только что большая и растет быстро! Однако именно эти свойства и требовали завезти ее в тоже большую и быстро растущую Австралию. Однако дронт на вкус ничуть не уступает курице, по размеру же ее существенно превосходя. Причем не факт, что переселенцам попались самые крупные.

Поэтому я объявил, что пожирание дронтов запрещено до того момента, пока на «Победу» не будет доставлено не менее дюжины этих птиц, причем абсолютно здоровых. За каждую из них я обещал заплатить по золотому рублю.

На острове сейчас жило чуть больше двух сотен голландцев, занимавшихся в основном выращиванием сахарного тростника и хлопка. Но особого дохода это не приносило, потому как сахарный тростник к тому времени можно было купить и поближе к Европе, да и хлопок тоже. Кроме того, его посевы, в отличие от более прочного тростника, часто уничтожались циклонами вроде того, что пригнал нас сюда. Кстати, крысы пока беспокоили колонистов не так сильно, хотя вроде бы голландцы покинут остров через пятнадцать лет именно из-за нашествия этих милых зверьков.

Я поинтересовался, есть у колонистов хлопок на продажу и если да, то почему. И вскоре на «Чайку» уже грузили купленные мной три тонны. Кроме того, мне удалось уговорить две семьи хлопкоробов на переезд в Австралию. Ибо там ураганы бывают реже, а спрос на хлопок гарантируется государством. Действительно, до сих пор мы получали клетчатку для производства пороха из местного речного тростника, но это, конечно, был суррогат, хлопок куда предпочтительней.

Утром первого мая мы снова вышли в океан. Перед отплытием я не удержался и сообщил островитянам, что если они выпустят почтовую марку голубого цвета с надписью «пост офис», то это скажется на экономике их колонии очень положительно. Кажется, моим словам не вняли, хотя я говорил чистую правду – в конце двадцатого века за марку «голубой Маврикий» давали до двадцати миллионов долларов.

Вопреки первоначальным планам, теперь мы собирались сделать еще одну остановку на пути до Австралии, на острове Амстердам. К такому решению меня подвигли

размышления об инерции мышления, которому, как оказалось, подвержен даже я, несмотря на определенные усилия по искоренению у себя этого свойства. Но тут, пожалуй, следует объяснить поподробней.

В свое время, когда я еще не был уверен, что отправлюсь в прошлое, но вполне допускал такой вариант, я познакомился с одним живущим в соседнем доме пенсионером, увлекающимся историей парового флота. Когда я сказал ему, что на технологиях середины девятнадцатого века можно создать котел с давлением в пятьдесят атмосфер, он долго смеялся, а потом объяснил мне, что тогда даже пять были недостижимой мечтой, а двадцатиатмосферный рубеж с трудом преодолели к первой мировой, да и то далеко не все. Так как свободного времени у меня было до фига, а, кроме того, хотелось проверить кое-какие мысли, то я предложил ему пари, что сделаю такой котел, причем максимум за неделю и из подручных материалов, используя свой настольный станок «Универсал». И действительно сделал, причем довольно просто. Ведь прямоточный котел представляет из себя всего лишь змеевик, нагреваемый пламенем горелки. Вода подается в него под давлением, и, согласно проходимой еще в средней школе физике, под точно таким же давлением с противоположного конца трубки свищет пар. И от конструктора требуется только подобрать такую трубку, которая выдержит заданное давление.

Насос я сделал очень просто, в виде толстостенного вертикального цилиндра. В него заливалась вода, а сверху под давлением подавался углекислый газ из баллона. Затем намотал из толстостенной медной трубки трехслойную спираль, теплоизолировал ее асбестом, просунул внутрь сопло паяльной лампы и пригласил соседа на испытания. Пока не кончилась вода в цилиндре-насосе, мое устройство исправно гнало пар под давлением в семьдесят атмосфер.

Что интересно, сосед обиделся. Как же так, в авторитетных источниках написано одно, а тут какой-то с трудом закончивший заочный институт самоучка все делает не так, то есть неправильно, но оно у него почему-то работает!

Человек просто не учел масштабного фактора. Ибо то, что невозможно для мощности в десятки тысяч лошадиных сил, может оказаться вполне работающим на просто десятках, без тысяч. Но на малых кораблях в основном используются дизели, поэтому такая схема и не получила распространения. Однако на «Чайке» у нас стояли примерно такие котлы, только с более сложными водяными насосами и конденсаторами отработанного пара.

Сосед умер в две тысячи третьем году, но, даже если бы он и оставался жив, я не пригласил бы его в прошлое. Зачем он тут нужен, объяснять, что вот это невозможно по одним причинам, а вон то по другим? Спасибо, обойдемся.

Так вот, во время сидения на Маврикии меня осенило. Я ведь все-таки время от времени задумывался о дирижабле, который вроде бы пообещал Людовику, но представлял себе или что-нибудь вроде «Гинденбурга», или современные полимерные. Ни то, ни другое мы в ближайшее время не могли построить в принципе. Но ведь, спросил я себя, какое дерево является самым прочным в мире? Вовсе не железное и не дуб, а бальса. Казалось бы, как это может быть, она ведь уступает даже липе? Но бальса очень легкая, и по соотношению прочности к весу она вне конкуренции среди древесины. Сравнительно небольшие конструкции из нее получаются даже лучше, чем из дюрала, пример тому англо-канадский бомбардировщик «Москито». И небольшой дирижабль из китайского шелка и бальсы получится ничуть не хуже новейших полимерных, просто дороже, но у нас иные условия.

С двигателем же для него тоже есть выход. Помните, я говорил, что наш трицикл неплохо воспринял в качестве топлива смесь спирта с рапсовым маслом? Так вот, тут обнаружилась интересная вещь. Как только головка его цилиндра хоть чуть-чуть покрывалось нагаром, он, нагревшись, переходил на калильное зажигание. То есть свеча ему уже была не нужна. А ведь именно система зажигания представляет для нас наибольшие трудности, если, конечно, делать ее без деталей из будущего. То есть и с движками проблема вполне решаемая, и теперь я прикидывал, где можно устроить промежуточные базы для

наших будущих воздушных лайнеров. Одно место уже есть, это тот самый Маврикий. А вот насчет второго я как раз и хотел посетить расположенный на полпути от Австралии до Африки остров Амстердам.

Глава 29

Второго августа тысяча шестьсот девяносто шестого года наша эскадра вошла в залив Порт-Филипп и вскоре стала на якоря в устье реки Ярра, напротив Ильинска.

Город за время нашего отсутствия сильно разросся. Особенно меня удивило то, что императорский дворец был уже полностью готов, включая шпиль. Мало того, он был окружен оградой, внутри которой располагался довольно приятный на вид сад. Кроме того, рядом с моим домиком тоже торчали какие-то двухэтажные хоромы вроде как законченного вида. Это, что ли, сюрприз, про который мне говорил Илья?

Но надувная лодка из шкуры полярной жабы была уже спущена на воду, и вскоре на землю Новой Австралии ступила чета герцогов Романцевых. Сам герцог – после долгого отсутствия, а герцогиня впервые.

Среди встречающих были обе моих жены с дочкой Наташей, которая здорово подросла и на встречу притопала на своих ножках. Я перецеловал свое семейство и представил ему пополнение, то есть Элли. Зоя с Таней были уже в курсе, что у них появилась коллега, так что представление прошло чинно и без эксцессов. А потом со стороны императорского дворца в нашу сторону вдруг направилось что-то вроде микроавтобуса.

– Едет император Илья, – пояснила мне Таня.

Вскоре я уже мог разглядеть детали. К нам приближался застекленный деревянный ящик на колесах, размером примерно два на два на семь метров, богато украшенный резьбой и какими-то позолоченными завитушками. Колеса тоже были деревянными, спицованными, судя по цвету – из железного дерева. Их обода оказались обшиты кожей. Сзади торчала труба наподобие самоварной, из которой валил дым. И, что меня особенно удивило, это устройство на ходу свистело и завывало, почти как турбина у Папена.

Оно чинно подкатилось к нам, встало. Сзади выскочили четверо мориори, быстро расстелили перед передней дверью колымаги ковер и распахнули ее. После чего оттуда степенно вылез император.

Памятуя, что на меня смотрит не только Элли, но и все на кораблях, имеющие острое зрение или подзорные трубы, я встал по стойке смирно, приложил руку к шляпе и отпартовал:

– Ваше величество! Посланная вами в целях установления дипломатических отношений с европейскими странами экспедиция успешно завершена. Отношения установлены, потерь в людях и технике нет, расход боеприпасов в пределах нормы, корабельные мастера и иммигранты доставлены. Начальник экспедиции, адмирал флота Австралийской империи герцог Романцев.

– Вольно, адмирал, – благосклонно кивнул император, после чего мы обнялись. Элли во все глаза смотрела на разыгравшуюся перед ней сцену.

– Ваше величество, позвольте представить вам мою новую жену, герцогиню Элеонору, – вспомнил про нее я.

– Очень приятно, – сказал Илья, после чего галантно поклонился и поцеловал даме ручку. – Я рад за герцога, ему повезло.

Элли в ответ затрещала, что его радость ничто перед ее восторгом при виде владыки огромной империи, который...

И далее она продолжала в том же духе еще минут пять. Причем не на английском, в плавании мы с ней занимались не только постельными развлечениями, но и австралийским языком, успехи в котором она сейчас и демонстрировала. Наконец она закончила, и я, отозвав Илью чуть в сторонку, смог задать не дающий мне покоя последние десять минут вопрос:

– У тебя что, в твоём рыдване стоит турбина?

– Ну вот еще, обычный уаттовский паровик, я отработывал конструкцию для привода станков. Ну а потом, чтобы добро не пропадало, соорудил вот такой экипаж для парадных выездов. Свист же записан на флешку и через усилитель воспроизводится динамиком с одной из твоих автомобильных сигнализаций. А чего это никто, кроме тебя, не покидает кораблей, им что, нужно специальное приглашение на разгрузку?

– Разумеется, – фыркнул я, – они же чай не в какую-нибудь глухомань прибыли, а в столицу Новой Австралии, чуть ли не под окна императорской резиденции. Так что нужно твое разрешение. Дашь? Ну вот и ладушки.

Я махнул рукой, рулевой моей лодки достал ракетницу и выпустил две зеленых ракеты. Почти сразу после этого на кораблях началась суеда. Я вообще-то собирался командовать разгрузкой и размещением прибывших, но Илья меня удержал.

– Под это дело уже выделены пятнадцать человек, будущая администрация новых поселений, вот пусть они и работают, а мы посмотрим, как получится. Если совсем плохо, то вмешаемся, а если не совсем, то пусть учатся на своих ошибках. Поэтому ты скажи своим дипломатам, что я приму их завтра, потом сходи посмотри свой новый дом и устрой там привезенную жену. Кстати, они в той Англии что, все такие? Тогда и мне как-нибудь не помешает туда съездить.

– Нет, они там не такие, а в основном бледные мымры с лошадиными мордами. И нефиг тебе делать в той глухомани, ты же великий император. Понадобится еще жена, в дополнение к имеющимся, давай техническое задание, в следующий раз и тебе привезу. Ужинать к себе приглашаешь? А то уж больно любопытно узнать, что и как тут у вас происходило. По радиограммам оно как-то не так воспринималось, да и дворец охота посмотреть изнутри.

И вот вечером, оставив Элли обживать выделенные ей комнаты в новом доме, я отправился в императорскую резиденцию.

Просторный холл был увешан картинами на тему австралийской жизни. По одной стене висели портреты наших великих исторических деятелей, то есть Сталина, Брежнева, Андропова, в компанию к которым непонятно как попали Елизавета II, Победоносцев и Остап Бендер в исполнении Арчила Гомиашвили. Всю вторую занимали раскрашенные и увеличенные фотографии дирижаблей. На торцевой стене по сторонам широкой двустворчатой двери я с удивлением увидел капитана Врунгеля и барона Мюнхгаузена. Судя по всему, это были наши великие путешественники. Если так, то когда-то тут примостится и мой портрет, подумал я, проходя в распахнутые двери и поднимаясь на второй этаж. Тут вообще-то была императорская приемная, но в данный момент она пустовала. Илья ждал меня на третьем, в своих личных покоях.

– Ну и как тебе у меня? – поинтересовался он.

– Ничего, но как-то больно уж все неудобно.

– Я же здесь живу всего четвертый день. И не стану этого скрывать от Свифта с Темплом – мол, подгадал свой приезд под прибытие посольства от ведущей европейской державы.

– Она вроде пока не так чтобы очень ведущая, – уточнил я.

– Тогда тем более им будет приятно слышать подобное. Со временем, конечно, обживусь. Кстати, как по-твоему, каких картин не хватает? А то на стенах осталось еще много пустого места.

– Ну, во-первых, парадного портрета твоего венценосного отца.

– Он же умер, когда мне было пять лет, от него осталась только одна мутная карточка!

– Так ведь венценосного же, а не физического! А этот, согласно нашей истории, освободил трон всего пять лет назад. Думаю, сойдет Александр III, тоже представительный был мужчина, хотя, конечно, до твоих кондиций он все же не дотягивал. Ну и женских портретов надо побольше. Помнишь, одно время была такая, в итальянском парламенте... как же ее, потаскуху, звали...

– Чиполлина?

– Чичоллина! – вспомнил я. – У меня в ноуте есть несколько довольно интересных снимков. И Лару Крофт с игры «Расхитительница гробниц», я привозил диск. И дадут мне когда-нибудь пожрать, интересно? Надеюсь, у тебя в меню не рыба, а то меня от нее уже воротит.

– Свиные отбивные с гречкой, – успокоил меня император.

Некоторое время вкушал дары щедрой австралийской земли, а потом, отодвинув пустые пластиковые миски, осведомился:

– Но как же тебе удалось тут столько всего понастроить за год с небольшим?

Действительно, в Ильинске было уже три с половиной улицы деревянных домов, а вокруг центральной площади, кроме императорского дворца, располагались ничуть не уступающая ему по размерам церковь и три двухэтажных кирпичных строения. Мой дом, напротив него еще один почти такой же, но немного недостроенный, а чуть в стороне стояло строение раза в полтора побольше. Кроме того, на западной окраине Ильинска имелась тюрьма, пока совмещенная с полицейским участком.

Причем церковь была существенно крупнее, чем предполагалось по проекту. Правильно, конечно, ведь это главный храм колониальных земель, названный в честь самого почитаемого австралийского святого, апостола Фомы, который, как известно, в конце жизни добрался до южного материка и основал там Австралийскую христианскую церковь. У нас он был известен как святой Фомен, и церковь, естественно, именовалась Фоменковским собором.

– Твой Гонсало не только на вербовал в Маниле, но и доставил сюда полторы сотни рабочих, в основном строительных специальностей, – пояснил Илья, – поэтому строительство резко ускорилось. В готовой двухэтажке располагаются министерства животноводства и обороны, а недостроенная – английское посольство. Специально не торопились, чтобы ты мог спокойно и без суеты оснастить его всей необходимой электроникой.

– Это мы запросто, опыт есть, – кивнул я. – А как тут вообще живут переселенцы, волнений или бунтов не было?

– Типун тебе на язык. Правда, одного испанца пришлось расстрелять за разжигание религиозной розни, а четверо за это же отбывают двухлетний срок на химии, нитроглицерин производят. Уже четвертый месяц трудятся и до сих пор не взорвались, прямо фантастика какая-то. Из первой партии человек пятнадцать женились на мориори и стоят в очереди на подданство. Кабатчик вообще в дополнение к своей привезенной жене взял еще двух, ему я подданство уже дал, но неофициально, чтобы это не мешало основной деятельности. Стучит, подлец, со всем старанием и так, что любо-дорого слушать! Пора, пожалуй, и об орденах задуматься.

– Про южноамериканские экспедиции расскажешь?

– Из Миши получился не только неплохой капитан, но и приличный политик. Там же сейчас коренных патагонцев завоевывают пришедшие с севера арауканы. Да, собственно, уже почти завоевали. Так он договорился с арауканами о поставках селитры в обмен на наши старые кремневые ружья, а патагонцам, которым процесс завоевания по каким-то причинам не очень нравился, предложил перебираться в Австралию. В результате чего у нас тут, кроме Ильинска, теперь есть и рыбацкий поселок километрах в пятидесяти юго-западнее. Там бухта с двумя островами, они обосновались на внутреннем. Вообще-то изначально поселок назвался Патагонка, но документы на него составлял совсем молодой секретарь, так что он слегка ошибся при записи. Однако получилось нормально, ибо падут они там действительно как папы Карло, так что название Потогонка их деревне подходит ничуть не хуже. Здоровые, кстати, ребята, человек пять даже выше тебя.

После ужина я еще около часа рассказывал Илье о нашей экспедиции. Это выступление носило обзорный характер, подробный доклад я ему написал за время плавания, но изучит он его чуть потом. К докладу прилагалась флешка с записями, как звуковыми, так и видео.

– В общем, не нравится мне этот Вильгельм! – закончил я свое выступление. – Не могу понять чем, вроде мужик не только обаятельный, но и умный, по дурацким причинам на обострение не пойдет, но все равно. Какое-то странное чувство осталось от последних бесед с ним. Такое впечатление, что он провел меня, как мальчишку, а вот в чем – не могу понять. Одна отрада – помрет он сравнительно скоро, а его наследник, Георг, птица совсем другого полета.

– А с чего это ты, Леша, взял, что он на радость тебе вот прямо возьмет и помрет? – осведомился Илья.

– В энциклопедии же написано!

– Так он ее не читал. А я, наоборот, читал, и вот что по этому поводу думаю. Помер он в той истории в общем-то случайно. Чуть простуженный поехал на охоту, упал с лошади и сломал плечо. В результате легкая простуда развилась в воспаление легких, и произошел летальный исход. Теперь представим себе, что и в нашей истории все почему-то будет идти точно так же. Несмотря на то, что все расписание Вильгельма уже давно не имеет ничего общего с тем, что было бы без нас. Не любил он Виндзор и не бывал там почти никогда, а теперь нашими стараниями в этом замке мастерские Папена. Опять же посольство под боком, про него еще доклад надо делать в палате общин, а Вильгельм не такой человек, чтобы не готовиться к своему выступлению. Ладно, предположим, что он каким-то чудом в то же самое время простудится, а потом поедет на охоту на той же лошади и по тому же маршруту. Но ведь, простудившись, он сожрет таблетку аспирина, которых ты по доброте душевной подарил ему аж две упаковки, пропотеет и обойдется без воспаления легких! Астма же у него совсем слабая, с такой и до восьмидесяти запросто живут. В общем, почитаю я твой доклад, послушаю да посмотрю записи, а потом уж и будем думать. Свифту с Темплом передай, что им назначено на семь вечера.

– О чем думать-то будешь, если не секрет?

– От тебя – нет. Естественно, я буду размышлять на тему о том, как в наших условиях реализовать творческое наследие Ивана Владимировича Мичурина. Ибо что он завещал всяким разным вроде нас с тобой? Не нужно, господа, ждать милостей от природы. Потому как можно и дожидаться, это я уже от себя добавляю. Так дожидаться, что мало никому не покажется.

Потом Илья, видимо оценив мою несколько обескураженную морду, уточнил:

– Но это вообще-то всего лишь один из вариантов, просто к нему надо быть готовым заранее. Когда потребуется, чесать репу будет уже поздно. Но может получиться и наоборот, что нам с этого Вильгельма придется сдувать пылинки и с рук кормить не то что аспирином, но даже антибиотиками. Пока же для принятия окончательного решения у нас слишком мало информации.

С утра я проехался по Ильинску на трехколеснике. Разумеется, город еще не настолько разросся, чтобы для перемещения по нему требовался транспорт, но положение герцога обязывало. Да и соскучился я по этой тарактелке за время экспедиции, как ни странно.

Выделенные Ильею мориори, которых он тренировал на администрацию, в общем нормально справились с размещением вновь прибывших. Единственное, что вызывало некоторые сомнения – послов с их мушкетерами они расположили вместе со всеми, правда, выделив им отдельную палатку. Но я тут же исправил упущение, предоставив посольству свой старый дом. Во-первых, все-таки представители сравнительно великой державы, а во-вторых, пусть будут поближе, а то мало ли что.

Через день после прибытия в Австралию ко мне подошел Франсуа и сказал, что, ежели моя светлость не возражает, ему хотелось бы показать мне кое-что.

Это «кое-что» было моделью планера, собранной молодым французом по результатам наблюдений за летучими рыбами. Кстати, как прототип они подходили для планера лучше птиц, ибо имели большее удлинение крыльев, и, кроме того, их хвостовое оперение четко разделялось на горизонтальное и вертикальное. Франсуа, наверное, думал, что я не видел, как он сразу после выгрузки с «Чайки» помчался на соседний с городом холм, запускать

свою игрушку. Но в первый раз она у него летала так себе, однако, раз он зовет меня посмотреть, то, наверное, ему удалось что-то улучшить.

– Поначалу я неправильно расположил центр веса относительно центра поднимающей силы крыльев, – пояснил Франсуа.

– Центр тяжести относительно центра давления, – поправил его я. – И сегодня восходящий поток немного не там, где он был вчера, давай-ка лучше перейдем вон туда, ближе к западному склону.

– Так вам все это уже известно, – опустил голову французский самородок.

– Разумеется. Но то, что ты смог додуматься до этого сам, не только ничего не зная ни об аэродинамике, ни о сопромате, но даже и не умея толком считать, говорит о том, что, если ты всему этому научишься, твое место будет в научной элите империи. Согласен учиться? Тогда запускай свой планер, мне все-таки интересно посмотреть, как он летает. А потом я представлю тебя его святости отцу Виктору, нашему пастырю, и ты пройдешь у него курс математики и австралийского языка до седьмого класса включительно. Если справишься меньше чем за год, то, значит, я в тебе не ошибся.

Глава 30

Вильгельм Оранский получил два первых донесения от Темпла почти одновременно, хотя по времени написания они различались на полгода. Первое письмо пришло с купеческим судном, возвратившимся из Индии. По дороге оно зашло на остров Маврикий, где шкиперу и вручили ранее оставленный Темплом пакет. Второе вчера принесли из австралийского посольства. Судя по дате, его передача уложилась в две недели. Так как это было первое из отправленных через австралийцев, то оно было довольно длинным, ибо по договору с герцогом половина неиспользованного в текущем месяце лимита переносилась на следующие. Оба письма были уже расшифрованы. И, хотя Натаниэль утверждал, что раскрыть новый шифр невозможно, король был согласен с Темплом – исходить надо из того, что для австралийцев он будет открытой книгой. Хотя как же можно расшифровать такое, король себе не представлял. Ключом к шифру являлось шестизначное число 245397, которое нигде не было записано, дипломаты и шифровальщики его просто запомнили. И каждая буква заменялась другой в соответствии с этим числом. То есть первая в сообщении на ту, что шла через две после нее, вторая – через четыре, и так далее. Кроме того, дополнительным ключом являлась дата отправления. В случае четной даты отсчет шел вперед по алфавиту, нечетной – назад.

В первом письме вкратце сообщалось об инциденте на острове Мадейра, про который король уже знал. И гораздо подробнее описывалось появление французских гугенотов, которых, оказывается, кто-то из Франции отправил на Мадейру, сказав, что оттуда их заберут австралийцы. Что означает – у них уже есть свои агенты по крайней мере во Франции. Кстати, Людовик несколько лет назад отправлял экспедицию на поиски южного материка. Если она его нашла, то тогда все очень хорошо объясняется. Но на всякий случай исходить надо из того, что австралийские агенты есть и в Англии. И, наконец, в письме была еще одна новость, которую Темпл счел самой важной. Из обмолвок герцога он понял, что в одной из новых австралийских колоний живут англичане! Кто такие, как они туда попали, он обещал написать позже. Но иносказательно, потому как не надеется на шифр, а следующее сообщение придется передавать через австралийцев. И вот теперь оно, уже расшифрованное, лежало перед Вильгельмом.

Так, что бы могло означать «земли вашего старого подданного»? Наверное, имеется в виду голландец, ведь английским королем Вильгельм стал, когда уже был статхаудером. И обязательно известный адресату, иначе иносказание лишается смысла. А кто ему известен из голландских мореплавателей, бывавших в тех краях? В первую очередь Абель Тасман. Значит, австралийская колония находится в месте, которое хоть где-то называется землей Тасмана. Дальше, вот интересная фраза – «друзья сэра Генри». Какого? Ну конечно,

Моргана! То есть пираты. Действительно, они есть и в Индийском океане, и в Тихом. А результат их попытки ограбить австралийский корабль нетрудно себе представить. Так что там, каторга или место ссылки? Скорее первое, решил король после недолгого раздумья. Ибо зачем австралийцам куда-то ссылать пленных пиратов? Если бы те были им совсем не нужны, их бы пристрелили прямо на месте. Будем считать, каторга. Находящаяся на острове неподалеку от столицы колоний Ильинска. Значит, к этим документам следует вернуться ... ну, скажем, послезавтра. За это время будет подготовлено все, что сейчас известно о земле Тасмана.

Как и собирався, король вернулся к обдумыванию документов через день. Теперь он уже знал, что интересующая его земля – это большой остров, примерно с Ирландию. И, получается, там добывают что-то полезное для австралийцев английские пираты? Очень интересно. Вряд ли их так уж сильно охраняют, ведь бежать некуда. Кругом дикие джунгли.

Вильгельм еще раз взглянул на карту. Вне всякого сомнения, остров лежит внутри зоны интересов австралийцев, с чем он согласился и даже подписал соответствующий документ. Поэтому проявлять к нему военный или торговый интерес ни к чему. Но вот какой-нибудь иной... или пусть интерес проявит якобы та страна, с которой герцог не подписывал ничего? Надо поручить Натаниэлю подумать об этом, решил король. Тем более что у нас есть что дать томящимся на каторге англичанам. Мы дадим им самую ценную вещь на свете – надежду.

Френсис Линсей, капитан посыльной шнявы «Свордфиш», смотрел на приближающийся Эдинбург со смешанным чувством. С одной стороны, он теперь один из самых молодых капитанов английского флота. Но с другой – капитан чего? Линейного корабля, фрегата? Нет и еще раз нет. Несмотря на проявленные им в боях с французскими каперами умение и отвагу, благодаря которым он и принял командование взамен умершего от ран капитана, этот пост – его потолок на ближайшие десять лет. Или даже до конца жизни, капитан не видел особой разницы. Ибо уже два года смыслом его жизни была она, Алиса. И если бы только этим ее имя и ограничивалось! Нет, оно звучало как Алиса Сесиль, графиня Кренборн. А вскоре, возможно, ее выдадут замуж за маркиза Солсбери. А даже если этот брак почему-либо и сорвется, захудалому шотландскому дворянину, коим был Линсей, графиню Кренборн все равно никто не отдаст.

Натаниэль Мосли отлично знал как это, так и многое другое. Он был в курсе, кто такая «она» и знал, почему и когда отец хочет выдать ее за престарелого лорда. А также когда и как молодые люди ухитрились познакомиться и полюбить друг друга. Более того, для него не являлось тайной то, что молодой капитан обладал великолепными способностями к языкам и говорил по-французски едва ли не лучше среднего парижанина, а испанский и голландский знал если и хуже, то ненамного. И теперь он из окна своей кареты наблюдал за гаванью Ферт оф Форт, где от бросившей якорь шнявы уже отошла шлюпка с капитаном. Вот он ступил на берег и, сказав что-то гребцам, направился к порту, скорее всего к почтовой станции. Кучер, не дожидаясь команды из кареты, тронул лошадей.

Френсис успел пройти всего пару сотен футов, когда его обогнала роскошная карета, запряженная четверкой. И встала. Открылась дверца, и на землю шагнул богато, но неброско одетый господин средних лет и совершенно незапоминающейся внешности.

– Натаниэль Мосли, личный камердинер его величества Вильгельма, короля Англии, – представился он. – Господин Линсей, король приглашает вас на ужин.

– Сейчас? – спросил ошеломленный Френсис, озираясь.

– Совершенно верно, – невозмутимо кивнул камердинер. – Его величество находится на борту своей яхты «Мария», которая стоит на якоре напротив почтовой конторы.

– Но я должен передать пакет от сэра Джорджа Рука лорду Каннингу, – неуверенно возразил молодой капитан.

– Это будет нетрудно, в данный момент лорд как раз наносит визит его величеству. И вы, если, конечно, примете приглашение короля, вполне можете и передать лорду свой пакет. Или в ваши планы входит до ночи стоять столбом посреди дороги?

Через шесть часов окрыленный Френсис покинул королевскую яхту, и вскоре шлюпка доставила его на борт «Свордфиша». В волнении он ходил по палубе своего корабля, вновь и вновь вспоминая подробности встречи с его величеством. Как неожиданно и волшебным образом повернулась судьба! Алиса не выйдет замуж за старика маркиза. Более того, король дал слово, что независимо от результатов миссии Линсея ее больше никто не посмеет принуждать вообще ни к какому замужеству, коего она сама не пожелает. А в случае удачи... господи, пошли мне силы выполнить все в точности... в случае удачи его величество будет сам просить ее руки для него, Френсиса! Да есть ли на свете что-нибудь, чего он не сможет совершить во имя такой цели?

Вильгельм тоже вспоминал только что закончившуюся встречу. Да, Натаниэль не ошибся, это очень способный юноша, и он действительно готов свернуть горы ради той девицы. Ох, молодость, молодость... Но на то и существует зрелость, чтобы направлять ее порывы в нужную сторону. В данном случае – сначала шесть тысяч миль на юг, а потом столько же на восток. Как, однако, вовремя герцогу Алексу понадобились английские кремневые ружья и мушкеты, о чем две недели назад сообщили из посольства! Вроде как австралийцы собираются торговать ими с какими-то дикарями, и им жалко поставлять настоящее оружие, потому как разницы дикари все равно не понимают. А нам они готовы обменять на это свои барабанные ружья в соотношении одно на пятьдесят. Вильгельм уже беседовал с оружейниками, которые изучили купленный на Филиппинах экземпляр и пришли к выводу, что даже когда в Англии научатся делать такие ружья, к чему пока есть очень серьезные препятствия, они получатся как минимум в сто раз дороже обычных.

Так что вскоре в Австралию отправятся два груженных оружием и припасами корабля – английский и голландский. Английский, даст бог, благополучно достигнет Ильинска, а голландский, под командой Линсея, которого, естественно, тогда уже будут звать как-нибудь иначе, например, Ван Бателаан, потерпит крушение у берегов земли Тасмана.

Виконт Александр де Тасьен набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание и, повернувшись в сторону сопровождающего его по коридорам Версаля дворецкого, сделал глубокий выдох. Пожалуй, кому послабее его хватило бы, чтобы зашататься, как от доброго кубка вина, но дворецкий не повел и ухом, он явно не относился к слабым натурам. А, главное, ничего не сказал, откуда можно было сделать вывод – появление на королевской аудиенции, как бы это помягче сказать... очень сильно после вчерашнего нарушением этикета не является. Строгость же Людовика XIV в вопросах этикета была общеизвестна. На всякий случай у виконта был при себе мускатный орех, но все же хорошо, что он не понадобится. А то, например, у его приятеля, шевалье де Кувре, жена по запаху безошибочно определяет, сколько тот выпил, чего, где, с кем и сколькими орехами потом пытался отбить аромат перегара. В общем, шарлатанство, и хорошо, что здесь можно обойтись без него.

Наконец они пришли в увешанную портьерами небольшую комнату с зеркалом. Дворецкий еще раз напомнил, как надо зайти к королю, где остановиться, как поклониться и что сказать после этого. И, велев виконту ждать, просочился за одну из портьер.

Александр употребил предоставленное ему время на разглядывание своего костюма в зеркале и вскоре признал, что придраться, пожалуй, не к чему. Все-таки он не первый раз был в Версале и даже встреча с королем являлась третьей в его жизни. Правда, в этот раз она получилась какая-то внезапная, оттого и вышли некоторые незначительные неувязки.

Наконец в комнате снова появился давешний дворецкий, отдернул одну из штор, открыл оказавшуюся за ней дверь, и вскоре виконт уже заходил в малую королевскую приемную. После церемонии представления Людовик перешел делу.

– Вы уже доложили мне все факты, связанные с выполнением вашей миссии, – начал он. – Теперь я хочу слышать ваше мнение, причем не скрывайте даже того, что вам просто кажется. Итак, насколько, по-вашему, герцог был искренен с вами?

– Настолько, насколько со мной был бы искренен приказчик ювелирной лавки, если бы я зашел туда с двумя ливрами в кармане прицениваться к брильянтовому колье, – не задумываясь, ответил виконт. – Его нисколько не удивили мои слова о летающих кораблях.

Его...

Де Тасьен замялся, подыскивая нужные слова.

– Говорите, даже если вам кажется, что сказанное будет мне неприятно!

– Его немного развеселило желание вашего величества сделать такую покупку.

– Ясно, – мрачно кивнул Людовик. – Приказчику в лавке было скучно, а тут подвернулось хоть небольшое, но развлечение. Виконт, вам снова придется стать тем посетителем. Только вдруг окажется, что ваш кошелек полон золота, а купить вы захотите не колье, а всего лишь небольшой брильянт. Вы отправитесь к австралийцам и скажете, что нам нужно самое малое из их воздушных судов, пусть даже и не обладающее боевой мощностью. Посыльное, например. И мы готовы дать за него одну сотую часть той цены, которую герцог определил как максимальную. Хоть деньгами, хоть людьми. Хотя второе нас устроило бы больше. Как по-вашему, они согласятся?

– Вполне возможно, – подумав, кивнул виконт.

– У вас есть какие-нибудь вопросы?

Тут де Тасьен почувствовал, что да, действительно, надо задать вопрос. Причем хоть и не откровенно дурацкий, но не самый умный, чтобы король смог почувствовать свое несомненное интеллектуальное превосходство.

– Ваше величество, вы посылаете меня на Филиппины?

– Нет, всего лишь в Лондон, в их посольство, – благосклонно улыбнулся Людовик.

На этом аудиенция кончилась. Интересно, подумал виконт, выходя из дворца, есть ли в посольстве тот божественный напиток, которым меня угощал герцог?

Разумеется, в посольстве он имелся. А среди многочисленных инструкций послу была и такая фраза:

«Если заявится де Тасьен, наливать ему из бутылки номер три, не менее чем по стакану зараз. После первого закуску не предлагать».

Глава 31

Двадцать третье сентября тысяча шестьсот девяносто шестого года выпало на воскресенье, и я, как это уже пару раз делал, выбрал время для посещения храма. Прихожан потихоньку становилось все больше и больше, в чем, без сомнения, была большая заслуга настоятеля Фоменковского собора штандартенпастыря отца Тимохи. Несмотря на свои неполные двадцать пять лет, выглядел он очень солидно для мориори, да и способности проявил просто выдающиеся.

Кроме технической и учебной литературы в прошлое мной было захвачено и полкубометра гуманитарно-художественной в бумажном виде. К гуманитарной я отнес по два десятка библий, евангелий от Матфея и молитвословов, а художественную представляли «Золотой ключик», обе книги «Повести о Ходже Насреддине», первые три повести Волкова про Изумрудный город и в последний момент взятый с собой томик татарских народных сказок.

Так вот, обстоятельно изучив литературу по специальности, отец Тимоха перешел на художественную, начав с «Ходжи Насреддина». Книга привела его в полный восторг, и теперь он в своих проповедях цитировал ее едва ли не чаще священного писания, а недавно спросил, нет ли у меня материалов по процедуре канонизации.

Сегодня в храме было особенно многолюдно, ибо завтра стартовала очередная экспедиция в Южную Америку. Теперь она отправлялась за бальсой в виде древесины, семян и саженцев, и за резиновыми деревьями, то есть гевеями. И многие моряки решили перед дальней дорогой получить порцию духовной пищи. Кроме того, старший из протестантских священников, пресвитер Питер Грейг, последнее время не пропускал ни одной службы. Младший же предпочитал таскать кирпичи на стройке протестантского храма.

Разумеется, в Австралии действовала абсолютная свобода веры. То есть верить можно было вообще во все что угодно, хоть в Ктулху, но потихоньку, незаметно для окружающих,

чтобы не мешать осуществлению ими этого же права. Для публичных же собраний и постройки молитвенных зданий уже требовалось разрешение. Оно предоставлялось после сделанного во всеуслышание заявления о том, что новое религиозное течение не имеет ничего против ранее существующих в империи. Ну, а для миссионерской деятельности простого разрешения было мало, требовалось еще и высочайшее одобрение. А оно давалось только по поручительству все тех же ранее существующих церквей.

Пресвитер, еще в плавании уяснив положения дел, сразу по прибытии в Австралию собрал народ и объявил, что протестантская церковь признает австралийскую христианскую не менее истинной, чем себя, и что она в его лице не видит никаких поводов для противостояния двух близких конфессий. Более того, закончил свою прочувствованную речь пресвитер, я надеюсь дожить до того момента, когда они объединятся на какой-нибудь общей платформе. И теперь, значит, он зарабатывал поручительство от Австралийской Христианской церкви. Судя по мечтательному выражению на его хитрой морде, он представлял себе, как в скором времени будет мурыжить обратившихся за поручительством уже к нему католиков.

По окончании богослужения меня поймал наш пастырь, Виктор, но на сей раз в ипостаси генерального животновода. Я, честно говоря, боялся, что он опять начнет приставать ко мне со слонами, но, как выяснилось, за время моего отсутствия он вник в проблему самостоятельно. В общем, везти их было еще рано, сначала требовалось создать инфраструктуру. И, кроме того, без специалистов по выращиванию и дрессировке они или одичают, или вовсе сдохнут. Работа тут уже велась, но сейчас у Маслова появился новый проект. Тоже достаточно глобальный. Вынь да положь ему стеллерову корову! Ведь в ней до четырех тонн мяса, много жира, ценная шкура, а при жизни ее можно доить. Конкретных цифр надоя Виктор, понятное дело, не знал, но был уверен, что они всяко больше, чем у коров сухопутных.

Я представил себе доярок в аквалангах, хмыкнул, но спросил про другое:

– Они же живут где-то на Камчатке. Там климат не совсем такой, как у нас. Очень, я бы сказал, не совсем, доводилось мне бывать в тех краях.

– Так ведь куда им было еще податься? – горячо возразил Виктор. – Животное совершенно беззащитное и существовать может только там, где у него нет естественных врагов. А так им ничего не помешает жить и у нас, водорослей тут более чем достаточно. Найдем подходящую бухту, устроим плотину и начнем разводить! Вы, дядя Леша, только представьте себе – одна морская корова заменит десять обычных.

Я обещал подумать и посоветоваться с Ильей. А ведь действительно, почему у человека нет морских домашних животных? Да потому, что всех кандидатов в таковые он истребил задолго до того, как появилась нужда в их одомашнивании. И зачем, спрашивается, нам тупо повторять будущие ошибки человечества? Одну, с дронтами, вроде уже исправили. Может, исправить и эту, с коровой?

Вечером по расписанию произошел сеанс связи с нашим лондонским посольством. В этот день прохождение радиоволн было отличным, и я без помех быстро принял всю информацию от наших ребят. Новостей было две с половиной. Первая касалась поставок кремневых ружей. Мы хотели в следующий наш визит привезти барабанки, естественно, сделанные по «модернизированной» схеме, а в обмен на них получить английское оружие. Вильгельм же предложил авансом отправить нам свои железяки, чтобы они оказались у нас поскорее. Сам он в смысле времени ничего не выигрывал, так как наш следующий визит планировался несколько раньше предполагаемого срока возвращения его кораблей. Правда, за свою любезность он просил три лодки из шкуры полярной жабы, но малых, то есть китайских по тысяче рублей. И ему необязательно из самки брачного периода, хотя, конечно, хотелось бы и хоть одну такую.

В принципе, конечно, пусть забирает, их в посольстве пять штук, и среди них две оранжевых. Но на кой хрен они ему так сильно сдались, что он ради этих пластиковых посуды собирается гнать корабль на край света?

В качестве второй новости выступал тайный ночной визит де Тасьена.

Виконт сообщил – Людовик все-таки очень хочет дирижабль, но заплатить за нормальный у него нет никакой возможности, так что он согласен и на недомерка. Ладно, мы тоже согласны, тем более что большой-то нам в ближайшее время и не построить. А вот маленький, тысячи на две-три кубов, пожалуй, и осилим.

В самом конце шла половинка новости. Вася Баринов решил на практике проверить свои теоретические познания о вербовке в процессе совместной пьянки. Строго по инструкции перед этим делом он обожрался жирной свининой, но его дилетантские потуги кончились полным провалом. Ну в самом деле, нашел с кем тягаться! Этот виконт, небось, хлестал как в прорву еще до Васиного рождения. В общем, наш доблестный разведчик сломался на четвертом стакане и до сих пор толком не может прийти в себя, хотя прошло уже два дня, а виконт выпил на посошок еще и с отцом Юрием, после чего спокойно и без шума удалился.

Послав в ответ распоряжение и думать забыть попробовать перепить де Тасьена или еще кого-нибудь, хоть отдаленно напоминающего его, я закончил сеанс связи.

В понедельник я с самого утра заявился к Илье – поделиться с ним новостью о предполагаемом открытии розничной торговли дирижаблями. Ну и попросить помощи в проектировании как самого аппарата, так, главное, и турбины для него. Ибо у нас и мысли не было показывать миру любые разновидности поршневых двигателей. Пусть как можно дольше считают их тупиковой ветвью развития техники.

– Мощност-то тебе какая нужна?

– В принципе и двадцати сил хватит, но вообще-то хотелось бы сорок. И час работы на одной заправке, больше не надо.

– Больше без системы конденсации и не получится, – заметил Илья. – А тут отработанный пар создаст еще и дополнительную реактивную тягу. Ладно, займусь, но без особой спешки. Все равно бальса появится не раньше чем через восемь месяцев, да и шелк в достаточных количествах тоже быстро не купишь.

– Да, кстати, и насчет пропитки для него тоже надо что-то придумать, – уточнил я.

– Ага, а то я бы сам не догадался. В принципе шелк можно прорезинивать, сок гевеи прибудет вместе с бальсой, но это я еще подумаю.

– Только не надо снабжать турбину гибким валом, – напомнил я Илье.

– Помню я, помню. Но у меня есть мыслишка, как можно обойтись без этого. Правда, такое решение применимо только на небольших мощностях, так это и хорошо. А хотя бы сопло Лаваля допустимо сделать? На простой трубе, как у Папена, боюсь, и двадцати сил не получится.

– Ладно, – сделал широкий жест я, – аллах с ним, с соплом. Все равно оно нашим последователям не сильно поможет, потому как основная проблема у них не с мощностью, а с долговечностью. Правда, тут уже есть кое-какие подвижки. Например, у последней турбины Папена наработка на отказ составляет целых пять минут.

– Хорошо, – кивнул Илья, – с турбиной ясно. Но самолет-то императору будет или нет? Положено, между прочим.

– Вот как только у нас первый, хоть самый убогий авиационный движок нашего производства появится, так на базе двух последних «Зет-ди-зетов» соорудим тебе воздушный лайнер. А пока – извини. Ну кто же виноват, что ты в «Колибри» не помещаешься! Я вон, хоть и выше, кое-как влез.

«Колибри» были самолетиками местного производства. Две таких машинки плюс притащенный из будущего дельтаплан и составляли пока весь наш воздушный флот. Самолет проектировался под не очень сильный движок, к тому же исходя из антропологических данных среднего мориори – рост метр шестьдесят пять, вес шестьдесят. Я из принципа как-то раз с трудом впихнулся на пилотское место и совершил облет окрестностей Ильинска. Одного раза мне вполне хватило, ибо лететь, зажимая коленями уши, оказалось как-то не очень удобно. Илья же вообще не помещался в кабину, но, даже

если его туда и получилось бы как-нибудь запрессовать, то вряд ли самолету удалось бы оторваться от земли. Он и меня-то поднял с большим трудом.

Далее мы еще где-то час обсуждали, как в наших условиях можно сделать авиационный мотор. Решили попробовать реализовать схему с калильным зажиганием, тем более что имеющейся катушки нихромовой проволоки нам хватит примерно на десять тысяч свечей. А наш алюминиевый комбинат работал уже третью неделю, выйдя примерно на половину проектной мощности, то есть полтонны крылатого металла в неделю. Изнашиваться в основной детали комбината, генераторе, просто нечему. Кроме подшипников, а их было захвачено достаточно, лет на сто непрерывной работы точно хватит. Причем весь дюраль пойдет на двигатели, самолеты у нас будут чисто деревянные. Именно дюраль, так как под руководством Ильи уже было получено больше килограмма марганца, а меди я вообще привез из Англии тридцать тонн.

Разумеется, европейцы, увидев наш первый дирижабль, быстро догадаются, что он сделан из бальсы и шелка, в результате чего спрос на эти вещи заметно возрастет. И ладно, пусть себе возрастает, потому как у нас к тому времени уже будут всю цвести бальсовые сады. Или не цвести, а колоситься, я точно не знал, что именно делает это заморское дерево. С шелком же мы работали сразу по двум направлениям. Во-первых, расширялись посевы новозеландского льна, ибо это растение имеет самые прочные в мире волокна, превосходящую синтетику, и мы уже научились их неплохо обрабатывать. А во-вторых, Гонсало при поддержке моих парней уже начал операцию по добыванию и шелкопряда, и тутовых деревьев. Если же эта гусеница согласится жрать какую-нибудь местную флору, будет и вовсе замечательно.

– Как бы эта насекомая тварь нам тут все подряд не сожрала, – выразил заботу о сохранении природы его величество.

– Так мы же ее, заразу, на свободу не выпустим. Тут полно островов, подберем подходящий, заселим его гусеницами.

– Тогда уж сразу и китайцами, чтобы получилась замкнутая экосистема.

Мне вспомнилась последняя идея Виктора, и я рассказал Илье о коровьих планах нашего пастыря.

– А что, – согласился император, – дельная мысль. Сейчас жир для нашей химии мы получаем из котиков, так за ними теперь приходится плавать довольно далеко, из Порт-Филиппа они ушли. Я даже хотел предложить тебе построить китобойное судно, но с коровами, если получится, выйдет даже лучше. Во-первых, они всегда будут под боком, а во-вторых, кит все-таки слишком большой. За один присест нам столько не переработать, значит, придется заморачиваться еще и с хранением. Опять же мясо морской коровы вкуснее китового, так что, действительно, подумай над экспедицией к Командорским островам.

Но, как ни интересны были технические, а потом животноводческие вопросы, мы, подобно героям «Золотого тельника», не смогли обойтись без обсуждения нашего международного положения. Или, точнее, одного его аспекта – с чего это Вильгельм вдруг проявляет такую любезность в оружейном вопросе.

– Может, в Англии появился какой-нибудь гениальный химик, который взялся раскрыть секрет пластика, для того ему и понадобились лодки? – задумался Илья, но сам же себе и ответил:

– Нет уж, если кто такое обещал, то он, конечно, великий, но не химик, а комбинатор. Ни шиша у них не выйдет, тут и думать нечего.

– Но Вильгельм-то этого не знает! – уточнил я.

– Может быть, может быть... слушай, а вдруг весь смысл отправки корабля в доставке оружия? Например, привезет он на обмен пятьсот стволов, а тысячу потихоньку сгрузит налево.

– Как, куда и кому?

– Ночью, да еще в плохую погоду, наши самолеты не летают, так что отходи километров на двести от Ильинска в любую сторону и разгружайся на здоровье. Кому?

Наверное, аборигенам, мы же с ними уже пару раз конфликтовали.

– Я бы, например, на них не надеялся, больно уж они дикие, да и воинственностью не блещут.

– Да, но англичане-то откуда знают про это?

Тут Илья задумался.

– Может, среди переселенцев есть их агенты?

– Сколько – два или целых десять? – резонно спросил я. – Да уж, чтобы вооружить такую армию, обязательно нужно гнать из Англии корабль. В общем, мы за ним, конечно, проследим, как приплывет. Радиомаяк – штука хорошая и незаметная, а у нас они пока есть. Кстати, посольство можно заселять, я уже установил и микрофоны, и камеры.

Оборудовав электроникой английское посольство, я на скорую руку провел прослушку и в храм, в комнату, где отец Тимоха принимал важных гостей. Но не тайком, а по его личной просьбе. Ибо последнее время они с Грейгом по вечерам вели богословские дискуссии, и штандартенпастыря интересовало, все ли он говорит правильно. Опыта-то мало! В общем, вскоре я слушал беседу наших святых отцов.

– Я, конечно, понимаю всю пользу изучения естественных наук, – осторожно вещал пресвитер, – но прямо в проповеди заявлять об их приоритете перед священным писанием – не слишком ли это смело?

– Не думаю, – возразил отец Тимоха. – Возьмем крайний случай. Пусть человек не учил вообще ничего и никогда. Много ли он поймет в писании, если начнет с него? Ровным счетом ничего, ибо читать он не умеет, а картинок там нет. То есть перед тем, как браться за библию, надо как минимум научиться читать. Согласны?

Против этого пресвитер не возражал, и Тимоха пошел дальше.

– Но это только начало. Итак, читать наш человек научился. Можно ли ему приступить к изучению священных текстов? Увы, нет. Я могу навскидку назвать несколько евангельских притч, для понимания которых умения считать только до трех мало. Значит, нужна как минимум еще и арифметика. На самом деле и ее недостаточно, я, например, нашел пару мест в библии, где без тригонометрии не разберешься.

Тут я хмыкнул. Ладно там тригонометрия, но ведь в этой самой библии гораздо больше мест, в которых, во всяком случае мне, принципиально невозможно разобраться без поллитры! И что теперь?

А отец Тимоха тем временем закончил:

– Вывод – правильно понять завещанное нам господом может только хорошо образованный человек, что я и пытался втолковать прихожанам.

Нормально, подумал я. Нет, конечно, пресвитер, если захочет, найдет что возразить, а толку? Ведь в вопросах религии главное – вера. То есть в момент произнесения своей речи оратор должен свято верить, что глаголет истину. А потом, закрыв рот, можно и признаться самому себе, что нес полную ахинею, но это именно потом. Так вот, с этой точки зрения у меня претензий к настоятелю Фоменковского собора не было. Значит, пусть, фигурально выражаясь, он пока тренируется на кошках. Потому как протестантские пасторы в полном соответствии с основной доктриной своей конфессии смогут проявить достаточную широту взглядов, если, конечно, она послужит материальному успеху. А вот с православными батюшками такой лафы уже не будет. Появления же их у нас я не исключал, ибо следующий визит в Англию мы собирались подгадать к прибытию туда великого посольства царя Петра.

Глава 32

Решение встретиться с Петром и вообще установить нормальные, а получится – и дружеские отношения с Россией было продиктовано не только нашим с императором происхождением или читаным-перечитанным романом Толстого, хотя и это тоже сыграло свою роль. Но все же главным являлось иное соображение. Австралийской империи был позарез необходим стратегический союзник, причем не абы какой. Во-первых, у него должна

иметься долговременная перспектива, в силу чего Испания или, скажем, Польша на эту роль не годились совершенно. Да и Австрия с Францией представляли собой не идеальные кандидатуры, а про Турцию лучше вообще помолчать, хотя она пока еще и довольно мощная держава. Значит, оставались Германия, которой по сути дела еще не было, и Россия, которая очень даже была. Причем у России имелось заметное преимущество – не только сейчас, но и в обозримом будущем ей было абсолютно нечего делить с Австралией. Серьезно ущемить интересы друг друга эти страны просто не имели физической возможности, а вот союз мог оказаться выгодным и нам, и им.

То, что сейчас у нас были самые дружеские отношения с Англией, особой роли не играло. Вряд ли она откажется от идеи морского господства, а на этом пути ей обязательно придется конфликтовать с Австралией, даже если та вдруг ни с того ни сего станет белой и пушистой.

И вот я засел за изучение всех материалов о Великом посольстве царя Петра, которые только нашлись в моем и Виктора ноутбуках. И потихоньку начал вникать, зачем оно вообще было отправлено, чего удалось достичь согласно предварительным планам, чего вопреки им, а что было чистой импровизацией.

Не знаю, те ли источники, что я, изучал Толстой при написании своего романа, но вот выводы у нас получились немного разные. В романе Петр отправлялся за голландской и английской помощью в войне против Турции, и, когда узнал, что Австрия собирается заключить с ними мир, был очень этим удивлен. А по моим источникам выходило, что одной из главных причин отправки посольства как раз и были сведения, полученные Петром о том самом предполагаемом мире. И главной его целью было как-то договориться, чтобы по условиям этого мира к России отходила Керчь, иначе взятие Азова России практически ничего не давало. Да, в той истории Петру этого не удалось. Интересно, что будет в этой?

Стоп, одернул я себя. Для интереса потом можно будет и еще разок роман Толстого почитать, а пока надо прикинуть, что окажется выгоднее нам. Итак, Россия пока не определилась, к какому морю она будет выходить в первую очередь – Балтийскому или Черному. Значит, еще не поздно помочь ей в этом вопросе.

Я сверился с картой. От нас до России через Черное море оказалось чуть-чуть ближе, но именно на какую-то ерунду, разница меньше тысячи километров. Гибралтарский пролив нашим кораблям не препятствие, даже если на обоих его берегах будут стоять самые дальноточные на сегодняшний или даже завтрашний день пушки. А вот Босфор с Дарданеллами – другое дело. Особенно Босфор, ну прямо тебе тонкая кишка, а не морской пролив. Но, с другой стороны, даже на самом небольшом броненосце пройти его будет не очень трудно, если не экономить на снарядах. Это, так сказать, ситуация на сегодняшний день. Но ведь мы хотим, чтобы вслед за ним наступило светлое завтра, и готовиться к нему надо заранее. А вот из этих соображений Черное море выглядело предпочтительнее. Ибо после прорытия Суэцкого канала путь через него будет куда как ближе, чем через Балтику.

Да, но вроде эти земли сейчас принадлежат туркам? Все правильно, только ключевое слово в этой фразе – «сейчас». Я помнил, что где-то лет через сто с небольшим какой-то не то шах, не то эмир поднял в Египте восстание, причем настолько успешное, что нейтрализовать его удалось только совместными усилиями Англии и России. Но неужели свободолюбивый египетский народ, или кто там сейчас живет вдоль будущего канала, не сможет начать святую борьбу за свободу немного пораньше? Еще как сможет, особенно если ему покинуть не только денег, но и оружия. Тем более что там Эфиопия рядом, она так и вовсе православная, а с турками совершенно не дружит. Ну, а в благодарность за нашу бескорыстную помощь свободный Египет даст нам концессию на постройку канала, предоставит рабсилу и сдаст соответствующую территорию в аренду лет на четыреста, больше не надо.

Итак, нам следует помочь Петру сделать правильный выбор. В первую очередь, конечно, деньгами.

Тут я вздохнул. Уже почти две сотни наших мориори мыли золото вокруг Ильинска!

Благо месторождения здесь были хоть и небольшие, но удобные. И их много, у меня вся карта окрестностей утыкана значками «Au». Потому как европейцев к этому делу привлекать было ну никак нельзя, при виде золота им наверняка снесет крышу. Стоп, но, может, попробовать привлечь к золотодобыче патагонцев? Они ведь, как и мориори, тоже еще не подвергались тлетворному влиянию Запада.

Сделав пометку в блокноте, я вернулся к прерванным рассуждениям.

Итак, с нашим интересом все более или менее ясно. А в чем он для России? Ну, начать можно с того, что сейчас не самый выгодный момент для войны со Швецией. Карл XII, хоть его многие и считают мальчишкой, на самом деле неплохой администратор и талантливый полководец. Но, что вселяет определенные надежды, весьма отважный человек. То есть не надо мешать ему сломать себе шею, он, скорее всего, с этим неплохо справится и сам. Ведь он собирался слегка завоевать Польшу? Флаг ему в руки! И большое спасибо от грядущих поколений россиян, которых он избавит от такого геморроя. Пусть на здоровье усмиряет панов, это такие люди, что кого хочешь доведут до могилы. Ну, а при наследниках Карла Россия сможет и потихоньку оттяпать себе кусок балтийского побережья. Тем более что шведы к тому времени будут сильно заняты решением очередного польского вопроса, которые не могут не возникать с завидной регулярностью. Пожалуй, надо будет попробовать донести все эти мысли до Петра. Но ведь он спросит, как ему в одиночку воевать с Турцией! Ибо Австрия собирается заключить мир. Да, не помешало бы срочно прояснить позицию Англии по данному вопросу. Однако как это сделать, не показывая заранее нашего интереса к России? Решения пока не было.

Однако уже следующим вечером оно появилось, точнее, пришло в виде радиограммы из лондонского посольства. Вильгельм интересовался нашим мнением относительно Суэцкого канала, правда, пока называя его египетским. И задавал вопрос, по силам ли австралийским инженерам решение подобной задачи.

Я немедленно отбил ответ, где сообщал, что они могут и не такое, после чего пошел советоваться с Ильей.

– Все правильно, – ничуть не удивился император, – это тест.

– Кого и на что?

– Нас на чистоту помыслов. С точки зрения Вильгельма, как мне кажется, ситуация выглядит так. Если мы вынашиваем коварные планы в отношении Индии, то нам следует всячески противиться постройке канала. Потому как без него у англичан мало шансов на защиту своих тамошних владений именно от нас. А если в обозримом будущем мы не собираемся тянуть лапы к Индии, то, наоборот, этот канал существенно укоротит нам путь в Европу. Так что надо соглашаться, тем более что дело это все равно долгое. Сначала же надо как-то нейтрализовать Турцию, потом позаботиться, чтобы французы не мешались, вот Вильгельм пусть этим и занимается. А мы пока производство взрывчатки наладим, нам оно тоже пригодится. Думаю, хлоратная тут окажется в самый раз. И с Эфиопией тоже неплохо будет законтачить, тут ты прав. Не смотрел, есть у нее сейчас выход к морю?

– Есть, к Красному. И, между прочим, там у них сейчас сидит какой-то великий император, самое время с ним познакомиться.

– Ага, мало тебе одного Вильгельма, хочешь, чтобы тебя еще и этот великий эфиоп за нос водил? В общем, не будем торопиться. Вот сплаваешь в Европу, уточнишь, кто там за кого, тогда и будем думать. Кстати, это и к России относится. Рано нам еще принимать глобальные решения. Так что на ближайший год твоя задача – говорить «мы в общем-то не против» на любые предложения.

– Вплоть до военных союзов?

Илья посмотрел на меня с некоторым даже сожалением.

– Разумеется. Другое дело, что не с кем угодно, но дать боевой опыт хотя бы сотне наших солдат и моряков будет очень кстати. До сих пор, за исключением разве что вашей стычки с португальцами, это была просто стрельба по мишеням.

С технической точки зрения у нас с Ильей особых сомнений по поводу египетского

канала не было. Уровень Красного и Средиземного морей одинаковый, возвышенностей на трассе нет, единственную трудность представляет собой отсутствие пресной воды. Почти в два раза более длинный Беломорканал, например, был построен меньше чем за два года и практически без применения серьезной техники. Правда, там хорошо поработали взрывники, так и у нас с этим даже сейчас неплохо, а дальше будет еще лучше. Шлюзов строить не надо, только знай взрывавай заряд за зарядом да следи, чтобы местные рабочие интенсивнее шуровали лопатами и тачками.

Утром я собрался заехать в английское посольство. Именно заехать, хотя до него не набиралось и ста метров. Пора было показать англичанам очередную техническую диковинку, которая укрепит их впечатление об огромном отрыве австралийской промышленности от европейской. В качестве нее выступал велосипед «Стелс» с планетарной втулкой, причем дамский. Я решил выделить его на нужды посольства, а с такого проще падать. Причиной же визита была необходимость ознакомить дипломатов с последней инициативой их монарха, ну и послушать комментарии, если они вдруг появятся.

Однако сразу сделать это не удалось, ибо велосипед увидела Элли, которой мгновенно захотелось такой же. Поэтому пришлось задержаться, причем сразу по нескольким причинам. Сначала я показал ей, как ездят на этом механизме. Потом замазал йодом ссадины на локте и колене, образовавшиеся после первой же ее попытки применить полученные знания на практике. Затем вынужден был минут десять убеждать пострадавшую, что на ее привлекательности полученные травмы не отразились. После чего объяснил, что у нас есть и велосипеды поменьше, один из которых я обещал доставить ей вечером. А пока, чтобы дама не скучала, просветил ее, что для езды на велосипедах существует специальная одежда и объяснил, какие к ней предъявляются требования. Таким образом активность герцогини была направлена в менее травмоопасное русло, и я наконец смог отправиться в посольство.

Свифт с Темплом пили чай и пригласили меня составить им компанию. Своих чайных плантаций в Австралии еще не было, приходилось довольствоваться тем, что нам привозил Гонсало, и, судя по всему, такое положение дел будет сохраняться достаточно долго.

Услышав новость о предложении Вильгельма насчет египетского канала, Темпл прямо-таки вспыхнул интересом к велосипеду. Минут пятнадцать они со Свифтом вертелись вокруг предоставленного в их распоряжение транспортного средства, задавая массу вопросов, а я пытался сообразить, с чем связан этот взрыв любознательности. В конце концов пришел к выводу, что Темплу нужно время на обдумывание услышанных сведений, и переключился на объяснения.

Как и час назад, они кончились практическими занятиями с почти тем же самым результатом. «Почти» заключалось в том, что Свифт ободрал локти и колени с обеих сторон, а не только с одной и, кроме того, его камзол обзавелся парой дыр. Но так как англичанин женой мне не являлся, я просто дал ему пузырек йода и объяснил, как им пользоваться. Не знаю, в связи ли с моим уточнением, что в старости сломанные кости срастаются гораздо хуже, Темпл сам пробовать не рискнул, ограничившись советами своему секретарю.

По окончании же возни вокруг велосипеда посол сказал мне, что инициатива его величества Вильгельма ему, Темплу, очень интересна, но комментировать он ее пока не берется.

Весь вечер я проторчал у монитора. И, как выяснилось, зря – со Свифтом, а уж тем более с двумя другими англичанами сэр Уильям не советовался. Он ходил по своему кабинету и думал. Время от времени садился и начинал измерять что-то на карте, подаренной ему императором. Это была очень хорошая карта, некоторые ее неточности касались исключительно австралийского материка, а в остальном она, конечно, являлась бесценной бумагой, и Темпл уже спрашивал, нельзя ли ее переправить в Англию. Я вынужден был разочаровать его, сказав, что наши курьеры всего лишь запоминают информацию, а переносить что-либо материальное, тем более столь весомое, как эта карта, они не в силах.

Примерно в это время далеко на северо-запад от Австралии царь Петр читал срочно

доставленное ему из Архангельска письмо.

«Доношу, государь, что третьего дня прибыл в Архангельск аглицкий торговый корабль известного тебе негоцианта Андрея Бланта, с коим по договоренности ходил наш купчина Василий Нежин. И рассказал он вещи зело предивные.

Прибыли они в городок Дувр второго числа марта месяца по православному календарю и вот что там Нежин услышал.

Аккурат за месяц с двумя неделями до них заходили в городок два корабля из далекой страны Австралии, лежащей аж за землей Индийской. Один мал размером, примерно с наш архангельский коч, другой средний. На каждом по две мачты с парусами, как у голландских яхт, но они тем кораблям и не дюже надобны. Ибо могут они ходить без парусов и без весел, а двигаясь силой пара. Встречать их приезжал сам штатгальтер Голландский и король Аглицкий Вильгельм, и обращался с ними ласково.

В городке говорят, что люди из Австралийской страны зело приветливые и богатые, ни разу ни один не заторговался, сколько спрашивали, столько они платили, а иногда и больше. Но упаси господь им хоть самую малость сказать поперек. Слова худого не говоря, тут же начнут стрелять из пушек. В Дувре так чуть не начали, когда купленные ими холопы были приняты нерасторопно. Хорошо, там лорд оказался, он уладил. А моряки сказывали, что на португальском острове обидели какую-то девку, так корабли австралийцев за это разрушили полгорода. Хотели весь, да португальцы вином и фруктами откупились.

Пушки у них небольшие, но сильно длинные и бьют на тысячу сажений, а то и более, и от их ядер великие разрушения происходят. Говорят, те ядра из яиц каких-то заморских птиц делают. И стреляют австралийские пушки часто, от выстрела до выстрела и двадцати ударов сердца не проходит. Один моряк говорил, что они при этом никогда не промахиваются, куда целят, туда и попадают. Мол, на пути в Аглицкую землю малый корабль утопил французский фрегат.

Главным у них дюк Алекс, и в его титул, говорят, входит и прозвание Романов. Ходит дюк всегда с пистолетом, он хоть и маленький, но за пятьдесят сажений насквозь пробивает кирасу. И еще говорят, что пистолет этот заряжать никогда не надо, только знай себе стреляй. Брешут или нет, Нежин не знает.

Было на тех кораблях много всяких вещей диковинных. По ночам они зажигали фонари, что светят только в одну сторону, но ярко, как солнце, за версту на оный фонарь смотреть невозможно. От кораблей на берег и обратно плавали самодвижущиеся лодки. Говорят, из каких-то жаб сделанные и сами на жаб похожие.

Австралийцы отправили в город Лондон посольство, и Вильгельм его в своем дворце поселил, и с тем посольством дюк ездил на две недели. На Рождество устроил он огненную потеху фейерверк, так про нее потом весь город говорил три дня.

А потом дюк вернулся на корабль, привез с собой из Лондона неопишуемой красоты девку. То ли графиню, то ли баронскую дочку. Одни говорят, что так взял, а другие – что в жены. И с той девкой и богатыми подарками от Вильгельма, кои в три больших корабля еле поместились, отплыл он в свою страну Австралию, пообещав вернуться через два года».

Глава 33

В конце сентября мы отправили «Ястреб» за стеллеровыми коровами и заложили еще два корабля в добавление к тому, чей корпус был уже почти закончен. Он был примерно как у «Чайки», но на два метра длиннее и с чуть большим углублением. Однако имеющее в нашем распоряжении количество квалифицированных корабелов позволило заложить еще два «Груманта», то есть систершипов «Победы». На один из них предполагалось поставить дизель с «Газели», которая за несколько рейсов к Чатему протекла и расшаталось настолько, что плавать на ней дальше полукилометра от берега было просто страшно, а приводить в порядок бессмысленно, проще построить новый корабль. Другой «Грумант» будет оснащен паровым движком.

Но в середине октября размеренное течение событий было прервано радиограммой с Чатема. Точнее, ее обрывком, где сообщалось, что на остров напали маори, после чего связь прервалась.

Через три с половиной часа «Чайка» вышла в море. Мы шли под всеми парусами и четырьмя движками, развивая до сорока километров в час, но такой темп удалось выдерживать только половину пути. Сначала забарахлил второй котел, и «Чайка» шесть часов шла на одном, пока я, проклиная все на свете, вырезал пробитый отрезок трубки, потом сваривал стянутые концы, после чего напаяли на пораженное место бандаж и герметизировал его. Почему-то на берегу, когда я процессе изготовления котлов попробовал произвести для тренировки такую операцию, она прошла куда легче. Только я успел помыться после работы, как загремел четвертый движок, и мне снова пришлось лезть в машинное отделение и менять ему вкладыши. Но как бы там ни было, а мы дошли до Чатема меньше чем за четверо суток.

Когда до острова оставалось километров тридцать, я вылетел на дельтаплане с целью разведки. И через полчаса уже был над пожарищем на месте бывшего поселка Ваутанги. В семи километрах восточнее догорала верфь, на которой когда-то была построена «Победа».

Я летел достаточно высоко, поэтому на меня пока не обращали внимания. И так, с положением в центральной части острова все ясно. Каное прибывших маори стояли у южной оконечности, так что и там живых мориори можно было не искать. Оставался северо-запад, где за лагуной весь полуостров занимали поля с новозеландским льном.

У западного берега лагуны я увидел около сотни маори, которые, похоже, изображали что-то вроде оцепления. А пролетев чуть дальше, обнаружил и мориори. Они тоже увидели меня, начали махать руками.

В общем, диспозиция была ясна. Уцелевших островитян заперли на полуострове, а основные силы сейчас подкрепляются, вокруг бывшего Ваитанги горели костры, на которых что-то жарилось. Хотя чему там быть, кроме островитян! Гастрономические пристрастия маори не были тайной ни для кого.

Так вот, поев, основная когорта сядет на каное и высадится на западной оконечности Чатема. После чего будет еще один пир, и остров начнут обживать новые хозяева. Или не начнут, а уплывут обратно.

Я передал на «Чайку» приказ повернуть на юго-восток, первым делом следовало уничтожить каное. И вскоре сел на воду рядом с ней, после чего мой дельтаплан был втащен на борт.

На уничтожение лодок потребовалось минут пятнадцать, затем «Чайка» развернулась на север и вдоль берега пошла к бухте Ваитанги, где глубины позволяли подойти метров на тридцать к берегу. К сожалению, маори оказались не идиотами и ждать нас не стали. Мы все равно перед высадкой обстреляли все подозрительные места, но этого оказалось недостаточно. Когда первый отряд десанта высадился на берег, из-под травы выскочили пять замаскированных маори, и один из наших солдат был убит, а другой серьезно ранен, прежде чем нападающих уничтожили. Этот эпизод говорил о достаточно высоком боевом духе и железной дисциплине наших противников, ведь оставленные в засаде были смертниками, чьей задачей было хоть чуть-чуть задержать нас.

А потом началось прочесывание острова. Если бы на нем сохранился хоть самый убогий лесок, мы бы эту кампанию проиграли с треском, и не только из-за численного преимущества противника. Дрались они как черти, мне в одного пришлось стрелять три раза, хотя и первое попадание в грудь было смертельным. Но он, зараза, будучи уже практически убит, все равно рвался дотянуться до меня своей деревянной саблей! Единственным местом на Чатеме, где можно было хоть как-то замаскироваться, были льняные поля, да и то маскировка получалась так себе, ведь кусты росли не вплотную, а примерно на расстоянии трех метров друг от друга.

Еще нам повезло в том смысле, что у маори не было луков. Все их метательное оружие составляли дротики и обработанные под звезды камни на веревках. Но ведь ими нельзя

пользоваться из положения лежа, и перед броском маори вскакивали. Кроме того, за кустом новозеландского льна можно спрятаться только от взгляда с одного направления. Наши же солдаты наступали цепью, да сверху еще периодически летал я на дельтаплане.

Несмотря на подавляющее преимущество в оружии, мы возились с прочесыванием почти двое суток. Потери среди солдат экспедиции составили двенадцать человек убитыми и около двадцати раненых. Пленных взять не удалось. От полутора тысяч мориори, населяющих остров до этого набега, в живых осталось чуть больше двухсот. И если раньше они ни в какую не желали переселяться в Австралию, то теперь, наоборот, все так и рвались уплыть с острова этим же рейсом «Чайки». Слишком уж впечатляющее зрелище представлял из себя когда-то тихий и мирный остров, меня так и то пару раз чуть не вырвало.

Однако наш корабль был не резиновый, так что мы взяли только около сотни человек, в основном женщин и детей. И оставили тридцать солдат при трех тридцатимиллиметровых пушках и двух «Сайгах». Остальные были вооружены барабанками, да и у островитян еще оставались кремневые ружья.

Утром двадцать второго октября «Чайка» отправилась в обратный путь. К обеду следующего дня мы подошли к южной оконечности Южного острова Новой Зеландии, но не стали его огигать, а двинулись на северо-восток вдоль берега. Дело было в том, что среди мориори еще сохранились знатоки татуировок, и по ним пришельцы были опознаны как жители именно Южного острова. И мы хотели показать оставшимся, что плавать на восток им больше нельзя.

Двое суток «Чайка» шла вдоль берега, стреляя во все оказавшиеся в пределах досягаемости каное, неважно, в море они были или на берегу. Процесс не прекращался и ночью, причем один раз хозяева лодок вместо того, чтобы разбежаться, попытались организовать нападение на «Чайку». В результате чего после уничтожения всех плавсредств мы подошли к самому берегу и сожгли деревню, расположенную метрах в пятистах.

Наконец вечером двадцать пятого мы вошли в пролив Кука, где утопили еще четыре каное, последние за эту экспедицию. Я вовсе не собирался оставлять маори хоть малейшую возможность еще раз посетить Чатем до того, как мы эвакуируем оттуда последних мориори и заберем все хоть мало-мальски ценное.

Вот так и закончился первый этап человеческих поселений на архипелаге Чатем. Теперь он снова становился необитаемым. Возможно, лет через сто его откроют и начнут заселять европейцы. Австралии же пока было не до него. Новозеландский лен можно ничуть не хуже растить и на материке.

В Ильинске рассказы уцелевших мориори и привезенные мной фотографии произвели должный эффект. Служба в армии у нас была добровольной, так вот, добровольцев мгновенно стало в несколько раз больше, чем могла себе позволить содержать Австралия. Но мы ввели систему сборов, на которых кандидаты учились азам обращения с оружием, и там же происходил первичный отбор уже в профессиональное войско. Что интересно, вскоре ко мне пришла петиция от французов-переселенцев, обратиться к императору они не рискнули. Дело было в том, что подданство империи после трехлетней службы в армии предоставлялось автоматически, а в случае успехов это событие могло случиться и раньше. И, значит, двадцать три человека выразили горячее желание послужить в нашей армии. Так что из французов на полгода был сформирован кандидатский взвод. Все командные посты там занимали мориори, причем участники новозеландских походов. А кандидатам за предоставленные полгода следовало освоить не только азы солдатского ремесла, но и научиться говорить и, главное, хоть по складам читать на австралийском.

Нам же с Ильей произошедшее поставило последнюю точку в сомнениях насчет Новой Зеландии. До этого мы долго не могли решить, как относиться к возможным попыткам европейцев колонизировать Новую Зеландию. Теперь же решение было принято, и оно гласило, что относиться следует с одобрением. Вплоть до помощи, если нам это будет нетрудно. Ибо самобытность всяких коренных народов – вещь, конечно, хорошая, но в меру. А когда она имеет вид каннибализма, то тут о ее охране уже не может быть и речи. Поначалу

мы с Ильей даже поспорили, что в данном случае будет лучше – химическое или бактериологическое оружие, но потом решили для начала попробовать подписать на это дело европейцев. Чем уничтожать американских индейцев, которые при всех их недостатках все-таки никого не едят, пусть лучше займутся аборигенами Новой Зеландии.

От новозеландских аборигенов наша беседа незаметно перетекла на австралийских. Нет, эти не баловались каннибализмом, да и бойцы из них были так себе. Настолько так себе, что иногда даже жалость брала в них стрелять, а приходилось.

В окрестностях Ильинска, как выяснилось, издревле обитало два племени, а недавно появилось третье.

С первым удалось договориться, что они не воруют наш скот и не топчут посевы, за что им было выдано четыре железных ножа единовременно, и периодически дарились излишки мяса, а в основном субпродуктов.

Второе было совершенно диким и просто не понимало, чего от него хотят. Как это, почему они не могут копать растущие в земле вкусные клубни? Аргумент «не вы их сажали» до аборигенов не доходил. И ладно бы они просто таскали картошку и свеклу, мы бы это еще стерпели. Они портили в десять раз больше, чем утаскивали! Так что охрана полей имела приказ стрелять по воришкам и выполняла его. Правда, старались стрелять так, чтобы только ранить, но не из-за избытка гуманизма, а потому, что иначе им потом пришлось бы еще и убирать труп. А вот кенгуру, которые тоже пакостили на полях, били насмерть как обладателей вкусного мяса и неплохой шкуры.

Третье племя пришло откуда-то с востока и тоже начало с попытки украсть пару свиней. Но быстро поняло, чем это чревато, однако его вождь сам явился на переговоры. Получив от наших полеводов свои четыре ножа и пояснения, куда и когда приходиться за мясными обрезками, делегация удалилась, но ненадолго. Вскоре они явились снова и сказали, что племя у них большое, четырех ножей им мало, а кроме мяса, не помешала бы еще и картошка. Наверное, давать требуемое было ошибкой. Потому как недавно состоялся еще один визит, где самый здоровый среди пришедших абориген объяснил лично мне через переводчика-мориори, что он, великий вождь Очень Большая Собака, победитель кого-то там и еще кого-то, так и быть, разрешает нам жить на его землях, но за это мы должны каждую луну давать ему...

Дальше я его слушать не стал. Поднялся, примерился и от души врезал в ухо. Подождал, пока он поднимется, и добавил в глаз, теперь уже с левой руки. Убедившись, что собеседник сам подниматься уже почему-то не хочет, для порядка немного попинал его и велел убираться к чертям, пока не пристрелили.

Вождь внял доброму совету, но затаил злобу. И где-то через неделю на стоящий несколько на отшибе домик картофелеводов был совершен ночной налет. Но рабочие заперлись в своем сарае и полчаса отстреливались из имеющихся у них двух ружей, пока не подоспела подмога.

Племя Большой Собаки действительно оказалось крупным, потому как в ночном нападении участвовало человек сорок. Во всяком случае, после боя мы насчитали тридцать семь убитых и тяжело раненых, но суки-вождя, к сожалению, среди них не было.

– По-моему, проблема совместного проживания диких племен и технологической цивилизации в общем виде приемлемого решения не имеет, – вздохнул Илья. – Возьмем, например, самое приличное племя. Как оно там называется?

– Дети какого-то дерева, – припомнил я. – Какого именно, наш переводчик не знает.

– Вот-вот. Помню я, как они за продуктами приходили. На малышей вообще смотреть жалко! Ладно, когда взрослые через одного рахиты, но детям-то за что мучиться? Да и мрут они как мухи, небось, до зрелости и один из трех не доживает. И что делать? Отбирать детей и обеспечивать им нормальные условия? В наше время как-то австралийцы практиковали именно такое. Так дикари начали прятаться, и детям стало еще хуже. Не говоря уж о моральной стороне дела.

– Пусть потихоньку приучаются отрабатывать жратву, – предложил я. – Давать им

продуктов покачественнее и побольше, но не на халяву, а за что-нибудь. Хотя лес валить они не хотят, это у них табу. Может, пусть какой-нибудь канал роют? Пора уже помаленьку приступать к искусственному орошению.

– Попробуй, – сомнением протянул Илья. – Но чем это поможет их детям?

– Этим – почти ничем. Но со временем кому-то понравится иметь гарантированное пропитание, глядишь, их потребности возрастут и до крыши над головой. А вот когда они начнут жить в поселке, можно будет их потихоньку начинать цивилизовать. Ты прав в том смысле, что с дикарями нам не ужиться. Их уход – просто консервация проблемы, когда-нибудь уходить станет некуда. Так что либо они перестанут быть дикарями, либо в конце концов вымрут вместе со своей якобы самобытной культурой, никаких признаков которой мне пока обнаружить не удалось.

Через весьма непродолжительное время выяснилось, что ни малейшей склонностью к копанию канав дети неизвестного науке дерева не обладают. То есть пока на них смотрели и покрикивали, они еще кое-как ковыряли землю, иногда доходя до производительности полкубометра грунта в день всем племенем. Но стоило не то чтобы уйти, а просто отвернуться, как работы тут же прекращались. Я уже совсем было собрался плюнуть на прогрессорство среди аборигенов, как они сами предложили вполне приемлемый выход. А именно – забирать у них лишних детей, иногда и вместе с матерями. В качестве же благодарности какое-то время кормить племя.

Решив, что лучше так, чем вовсе никак, я согласился. Вскоре были составлены расценки, из коих следовало, что один больной ребенок стоит три своих веса мяса плюс десять – картошки. Здоровый ценится вдвое дороже. Если же ребенок идет в комплекте с матерью, цена снова удваивается, а если до кучи к ним добавят и отца, то удвоение произойдет еще раз.

Тут, по-моему, дети дерева, которых я для краткости именовал буратинами, окончательно потеряли привязку к реальности. Столь сложная арифметика далеко выходила за пределы их понимания. Но суть они уяснили верно. Даже за никому не нужного больного ребенка, который все равно скоро помрет, им дадут провизию. Если же отправить к нам целую семью, то племя получит возможность очень долго после этого только жрать, не занимаясь более ничем.

Так что вскоре на окраине Ильинска появился новый микрорайон, названный Буратиновкой.

Глава 34

В середине декабря мы спустили на воду корпус младшего, но чуть более крупного брата «Чайки», названного «Кадиллаком». Увеличение размеров было в основном связано с тем, что туда мы собирались ставить куда более тяжелые, чем на «Чайке», низкооборотные паровые машины низкого давления. Главной причиной такого решения было то, что почти вся захваченная из будущего толстостенная трубка ушла на котлы «Чайки», а производить сами мы ее пока не могли. Кроме того, во время походов выяснилось, что надежность компактных высокооборотных движков оставляет желать лучшего. В принципе ничего страшного в этом не было бы, имейся у нас хоть еще один механик сравнимой с моей квалификации, ибо ремонт машин «Чайки» неплохо получался и на ходу, но только у меня. В общем, водоизмещение «Кадиллака» составляло двести двадцать тонн. Следующая экспедиция в Европу планировалась в конце девяносто седьмого года и на двух практически однотипных кораблях.

Однако моя, а точнее наша с Ильей и учениками из мориори работа на достройке корабля будет заключаться только в установке и запуске машин, со всем остальным неплохо справятся и английские корабли. Но пока я возился с вооружением для нашего флагмана.

Практика первой экспедиции показала, что для уничтожения больших по площади целей на берегу наши длинноствольные пушки подходят не идеально, и было решено

дополнить вооружение обоих кораблей минометами. С ними вроде получалось неплохо, благо у нас имелись тонкостенные стомиллиметровые трубы. Опытный экземпляр показал предельную дальность в три километра, причем две трети мин ложились в эллипс семьдесят на сто метров. И теперь потихоньку начиналось их, так сказать, серийное производство. Произвести следовало шестнадцать штук до нашего отбытия в экспедицию и восемь после него, а потом кончатся трубы.

Кроме минометов, на «Кадиллак» требовалось и восемь длинноствольных пятидесятимиллиметровых пушек, предназначенных для поражения кораблей противника и малоразмерных целей. Но такие делались уже не первый год и производство их худо-бедно обходилось без нас с Ильей.

Помимо технических, с предстоящей экспедицией были связаны и организационно-юридические вопросы. Первый из них касался пиратского экипажа, уже почти год как отбывшего свой трехлетний срок на тасманийском лесоповале. То есть теперь эти люди официально были свободны и теоретически могли в любой момент покинуть свой остров, но практической реализации данного права мешало то, что по нашим законам Тасмания имела статус не колонии, а поселения, ибо нога императора туда еще не ступала. Из чего следовал вывод, что если кто-то из бывших пиратов воспользуется своим правом для посещения Ильинска, то с момента вступления на землю настоящей колонии вступит в действие трехлетний мораторий на пересечение границ Австралийской империи. Но более двух третей пиратов не нашли в этом ничего особо страшного и уже успели по нескольку раз побывать в Ильинске. Для большинства подобный отпуск быстро заканчивался вместе с пропитыми деньгами, и они возвращались в Вудтаун, так назывался их поселок. Но столь беззаботный образ жизни вели не все. Четверо женились и устроились работать на верфь, а еще двое тоже вступили в брак, но приезжали к своим женам только раз в месяц на неделю, а остальное время работали в Вудтауне, где можно было заработать побольше. То есть люди копили деньги на будущее.

Восемь же человек твердо решили возвращаться в Европу, и поэтому путь в Ильинск был им заказан. Перед самой экспедицией они будут доставлены в свободную экономическую зону, то есть небольшой огороженный загон, примыкающий к порту, где и проживут несколько дней до выхода экспедиции в море. Кстати, Илья, в первый раз увидев СЭЗ, изрек:

– Не знаю, насколько это у тебя получилось свободным и экономическим, но вот по поводу «зон» никаких вопросов не возникает.

Однако если первый вопрос был в общем-то предсказуем и легко решаем, то про второй так сказать не получалось. Ибо Элли захотела идти со мной в экспедицию.

Поначалу она просто готовила почву, живописуя мне, как трудно и плохо придется во время долгого пути без женской ласки. Ну, здесь я был в какой-то мере согласен, в первой половине прошлой экспедиции действительно при желании можно было усмотреть некоторые трудности. Потом ее потянуло в теоретические аспекты многоженства. Она заявила, что несколько жен даются человеку вовсе не для того, чтобы им всем вместе сидеть у домашнего очага. Для этого хватит одной, ну максимум двух. Но должна быть еще и подруга, сопровождающая мужчину в его дальних и опасных странствиях!

Здесь я попытался уцепиться за слово «опасных» и предложил герцогине сначала научиться стрелять. Что интересно, она за две недели очень неплохо освоила револьвер и барабанку! Более того, выяснилось, что она кое-как владеет основами ножевого боя в приложении к небольшому узкому стилету.

Вот тут я взглянул на свою третью супругу другими глазами и предложил ей записаться на прием к императору, ибо вопросы моратория на пересечение границ находятся исключительно в его компетенции.

После чего обе стороны неделю готовились к визиту. Ну, Элли понятно, однако Илья тоже развил какую-то совершенно излишнюю активность. Он гонял свою охрану, чтобы в ее поведении одновременно можно было усмотреть и величавость, и глубочайшее преклонение

перед его персоной. Припахал меня на предмет улучшения звуковых и световых эффектов в приемной. Потом настоял, чтобы я провел туда не только прослушку, но и видеонаблюдение. По-моему, Илья немного опасался, что я начну подозревать его в шашнях со своей женой.

Но, наконец, исторический визит свершился. Элли таки удалось уболтать императора, и вскоре она, до невозможности гордая, сообщила мне, что я – ограниченный субъект.

Поначалу я не совсем понял, что имеется в виду и откуда вообще у нее в лексиконе взялись такие слова, но вскоре все разъяснилось. Оказывается, Илья нашел несколько необычный способ решения поставленной перед ним задачи. Он взял да и произвел меня в субъекты ограниченного императорского территориального права.

Само по себе это право означало, что всякая земля, на которую ступила нога императора, становится австралийской колонией, если, конечно, она в общепринятом порядке не принадлежит другому государству. Так вот, теперь это право было распространено и на меня, но с ограничениями во времени и в пространстве. То есть земля приобретала статус колонии не навсегда, а только пока я на ней стою плюс еще семь с половиной минут после этого. И не вся, а только в радиусе трехсот сорока четырех метров от меня. Более того, Илья написал уточнение к указу, где пояснялось, что даже кому-то принадлежащая земля все равно приобретает одно из свойств колонии, то есть нахождение в таком месте пересечением границ не считается. И теперь Элли могла сопровождать меня куда угодно, и от нее требовалось только не удаляться более чем на триста сорок четыре метра.

– Как думаешь, – спросил меня Илья, когда вечером я зашел к нему поужинать и обсудить подробности прошедшей днем аудиенции, – с чего это ее потянуло на подвиги? Не хочет надолго отпускать тебя, типа как бы ты из похода еще пару жен не привез, или просто желает поделиться с руководством добытыми сведениями?

– Думаю, и то и то, но в качестве второстепенных мотивов. Главный же – показаться в Лондоне, пусть все завидуют, какой она теперь стала! Уже села шить из светоотражающей ткани платье цветов австралийского флага и у меня начала клянчить сапфир покрупнее, грамм на полтора, чтобы его на золотой цепи на шею повесить. Фасон для парадной кобуры сочиняет, револьвер требует анодировать голубым, то есть под цвет глаз! И велосипед просит украсить рубинами со светодиодной подсветкой. В общем, моя супруга твердо намерена произвести фурор в высшем свете Лондона.

Тут нам принесли шашлык, и мы отдали должное искусству императорского повара. После чего под стаканчик привезенного с Мадейры сухого Илья озвучил свои пожелания насчет дополнительной жены, которую я должен был поискать для него в Европе.

– Не факт, что в Англии такая найдется, – на всякий случай предупредил я его.

– Так мне же не горит. Не найдется сейчас – потом легче искать будет. И не обязательно в Англии, француженки, говорят, тоже бывают довольно-таки ничего.

– Да ну их в задницу! – осенило меня. – Мы же собираемся устанавливать отношения с Петром, а него есть сестра. Толстой даже утверждает, что любимая.

– Вообще-то я имел в виду для души, а ты меня подбиваешь на какой-то династический брак.

– Песню «Все могут короли» помнишь? Поэтому терпи, тем более что ты не ограничен в количественном плане. Да и потом, откуда ты знаешь, что Наталья, это так зовут сестру, окажется крокодилицей или коровой? Если по роману судить, так она была довольно красивой. Так что придется еще твою парадную парсуну фотошопить на предмет отправки невесте. Ты уж как-нибудь потренируйся строить хоть сколько-нибудь благообразную морду лица, а то возможности компьютерной обработки, да еще в моем исполнении, не безграничны.

В апреле девяносто седьмого года вернулась из второго южноафриканского похода «Победа» под командой Коли Баринава. Она снова ходила за алмазами. Во-первых, добрать их из второго ручья, обнаруженного рядом с описанным в реферате, а во-вторых, попробовать начать добычу со дна моря у Берега скелетов. Аквалангисты на ее борту были

всегда, а теперь в список оборудования вошло и нечто вроде мини-драги, которую можно было сравнительно быстро установить на корме. В общем, этот агрегат себя оправдал, экспедиция привезла почти полтора грамма алмазов. Так что Мерсье, который уже получил не только подданство, но звание императорского ювелира второго ранга, предстояло много работы. Впрочем, у него уже имелись два довольно способных ученика.

Вообще-то алмазы имелись и в Австралии, причем не очень далеко от Ильинска, всего километрах в восьмистах. Но, во-первых, до них еще нужно было дорыться, а во-вторых, восемьсот километров по каменистой пустыне преодолеть сложнее, чем десять тысяч по морю. В общем, пусть наши алмазы пока остаются стратегическим резервом, а мы будем плавать на юг Африки. Только под командованием уже другого капитана, потому как Коле Баринову вскоре предстояло принимать «Кадиллак». Но пока он еще достраивался, я засадил парня за изучение основ придворной жизни, ибо в этой экспедиции мы хотели официально представить его как принца, сына императора. В качестве пособия для начала пошел все тот же «Ходжа Насреддин», в нем было вполне достаточно описаний жизни высших слоев общества. Правда, средневекового узбекского, но не один ли хрен, если подумать? После «Насреддина» парню предстояло осилить «Асканио», а к тому времени Элли подготовит что-то вроде небольшого курса лекций о нравах английского высшего света конца семнадцатого века. Кстати, узнав, что ей придется заниматься расширением кругозора аж самого принца, да к тому же стоящего вторым в порядке наследования, она отнеслась к порученной задаче очень ответственно и теперь почти каждый вечер что-то записывала в выделенную ей для этого тетрадь.

Мое же воспитание было сочтено вполне достаточным для выполнения возложенных на меня функций. Правда, Илья поинтересовался, что я стану делать, если кто-нибудь вздумает оказывать выходящие за рамки допустимого знаки внимания моей жене. Я ответил, что буду поступать строго в пределах австралийского этикета. В ответ император пожелал узнать, какие именно действия находятся в этих самых пределах.

— Простые и естественные, — пожал плечами я. — Сначала, конечно, вежливо предупредить, что за такие дела можно и схлопотать в рыло. Не поможет — тогда сапогом по яйцам, а потом, придерживая за парик, коленом по зубам. Если соискателю покажется мало — дуэль на пистолетах, причем каждый стреляет из своего.

Услышав мой ответ, его величество успокоился. Интересно, а чего он думал, я их в зад, что ли, целовать буду или хотя бы сделаю вид, что не заметил? Да я бы такого и просто как Леша Романцев делать не стал, и уж тем более как герцог, адмирал и представитель великой Австралийской империи.

Еще в конце января из Лондона отбыл корабль с оружием, и, если в пути не произойдет ничего непредвиденного, он достигнет Ильинска до отбытия второй английской экспедиции. И Свифт с Темплом засели за пространные отчеты, причем писалось сразу два документа. В целом они были очень похожи, но второй, предназначенный к отправке с английским кораблем, содержал некоторые дополнительные сведения. Как будто мы, подобно каким-нибудь мелкотравчатым шпионам, собираемся в пути срывать печати и читать их бумаги! Зачем, когда я в процессе написания документов уже ознакомился с ними.

Кстати, Илья даже чуть обиделся на меня, когда я предоставил ему ключ к английскому шифру. Он-то хотел опробовать на нем возможности ноутбука в криптографии, ну, а у меня все получилось гораздо проще. Ведь Свифт шифровал документы под лампой, а, значит, и под телекамерой тоже. Так что, имея один и тот же текст до шифровки и после, да еще наблюдая, как Свифт морщит лоб и водит карандашом по алфавиту, я вычислил его секретное число минут за пятнадцать.

Илья, правда, все-таки запустил ноутбук и получил то же самое число, но это было уже не так интересно.

Среди сведений, которые попали только во второй доклад, имелись и довольно любопытные предположения Темпла. Они касались расового состава той части населения Ильинска, которая явно не относилась к недавним иммигрантам.

Мориори Темп посчитал коренными австралийскими жителями. Кстати, проявив недюжинную наблюдательность, он заметил, что они родом из какого-то более холодного места, чем Новая Австралия. Все правильно, климат на Чатеме по сравнению с австралийским можно считать весьма и весьма прохладным.

Но далее он обратил внимание, что все высшие посты в колонии занимают люди, в общем-то похожие на европейцев, но с одним отличием. Они существенно крупнее. Имелись в виду мы с Ильей, Виктор, который хоть и напоминал комплекцией ручку от швабры, но все же имел рост метр восемьдесят пять, и четверо сыновей Ильи от первой жены, которые пошли не в мать, а в отца.

Так вот, припомнив какой-то разговор со мной, он сделал вывод, от которого я и сам офигел. Оказывается, Платон описывал атлантов как очень крупных людей, и Темпл решил, что правящий ныне император, а также, судя по портрету, и его покойный отец именно потомки атлантов. Мол, Австралия с Атлантидой воевали не всегда, были и периоды мирного сосуществования. Вот тут да, я действительно произносил эти слова.

В общем, Темпл собирался выяснить, как давно занимает австралийский трон нынешняя династия. Еще – нет ли в обществе каких-либо расовых и национальных трений. Наконец, его совсем уж ни к селу ни к городу заинтересовал еврейский вопрос. Тут он точно поторопился, ибо ближайший представитель богоизбранного народа находился в Себу, да и то он был так называемым новым христианином, то есть крещеным в католичество иудеем.

Однако вопрос о том, как давно династия Бариновых правит Австралией, подлежал уточнению с императором. После недолгого торга мы пришли к выводу, что она сравнительно молодая и начинается с Иосифа Великого. Правда, Илья настоял, чтобы Никиту из его прямых предков выкинули и отнесли к предыдущей династии, а на освободившееся место поместили Рокоссовского под именем Константин Победоносный. Причем свою позицию по Никите Илья аргументировал железно:

– Да как же эту задницу с ушами можно принять за атланта?!

Глава 35

Двадцатого августа в Ильинск пришел английский корабль «Портсмут», не только привезший оружие, но и заполнивший ранее упоминавшийся мной пробел в национальном составе австралийского населения. Одним из первых на берег сошел господин весьма характерной внешности, представился сэром Мозесом Ротшильдом и спросил, у кого здесь можно получить разрешение на открытие торгового дома. Его отправили ко мне. Вообще-то до старта «Кадиллака» с «Чайкой» оставалась неделя, так что дел у меня хватало, но данного господина принять все же пришлось.

Я не стал ему задавать вопрос, из тех ли он Ротшильдов. Во-первых, он этого и сам наверняка не знал, а во-вторых, какая мне разница? Точно так же обошелся без уточнения вопрос, на достаточных ли основаниях он именуется сэром. В конце концов, данное звание не входило в перечень высочайше утвержденных титулов империи, и, значит, его использование в любом случае не будет самозванством.

Первое, что мне захотелось узнать у гостя – это насколько хорошо он знаком с австралийским законодательством. Ответ был ожидаемым – в самых общих чертах. Все правильно, в Англии мы почти не оставили документов на эту тему. Но насчет главного, то есть государственной монополии на торговлю деньгами в любой ее форме, он был в курсе.

– До десяти лет каторжных работ, – предупредил я сэра Мозеса.

В ответ собеседник заверил меня, что он собирается торговать исключительно товарами. Из Европы и Индии. Их будет привозить его брат Карл, который остался на «Портсмуте», чтобы не попасть под мораторий на пересечение границ. Кое-что, в основном ткани, привезено и в этот рейс.

В принципе Ротшильды объявились вовремя, потому как одно предприятие международной торговли у нас уже было. Его содержал приказчик Гонсало, некий Нуньес, и

он, как мне казалось, последнее время начал потихоньку задирать цены на чай и кофе, объясняя это неофициальностью их поставок. Ну что ж, конкуренты, тем более такие, ему будут очень ко времени. Да и национальный состав империи лишится некой неполноты, которая явно присутствовала ранее. Теперь у нас все как у людей, подумал я, выписывая разрешение на открытие торгового дома. И вернулся к занятию, от которого меня оторвал только что закончившийся визит. Следовало отобрать рубины и сапфиры, которые будут взяты в эту экспедицию.

В свое время Илья захватил в прошлое три кило сапфировых и рубиновых отходов, а потом я добавил к ним еще девяносто восемь. Такого количества хватило бы, чтобы обрушить рынок драгоценных камней во всей Европе, и, пожалуй, не один раз, поэтому мы тратили их сравнительно осторожно. Всего с начала торговых операций ушло чуть больше девятисот грамм, примерно треть – в необработанном виде. Но в эту экспедицию предстояли большие расходы, так что я брал с собой без малого килограмм.

Но теперешний поход отличался от предыдущих не только этим. Возьмем, например, наше первое появление в Себу. Тогда вообще никто не представлял, кто мы такие, откуда взялись и чего от нас можно ожидать. Теперь же в поход отправлялась эскадра известной в Европе державы, пользующейся немалым международным авторитетом. Ибо он зависит не от того, что вы думаете о себе, и даже не от ваших возможностей. А от того, что про них думают другие. Так вот, сейчас их считали очень немалыми, и в значительной мере оправдано. Даже опасения Вильгельма насчет того, что мы можем выкинуть англичан из Индии, и то имели под собой основания. Ведь какими силами они там оперировали? От трехсот до пятисот солдат при поддержке трех, иногда четырех кораблей!

Тем более что Свифт с Темплом уже видели первенца нашего официального воздушного флота. Не «Колибри» и не дельтаплан, этого им никто не показывал. Но Франсуа под моим руководством довольно быстро соорудил нечто наподобие дирижабля. Эта колбаса имела объем всего в двести пятьдесят кубов и приводилась в движение двумя авиамодельными моторчиками. Когда она, завывая ими, пролетала над Ильинском, выглядело это очень внушительно. Результатом стал оживленный обмен сообщениями между Темплом и Вильгельмом, и теперь в числе прочего нам с ним предстояло обсудить, на каких условиях Англия сможет обзавестись воздушными кораблями. Про наш предстоящий гешефт с Людовиком английский король уже знал.

Кстати, на примере последнего можно было убедиться в том, какое влияние ныне оказывает на европейскую политику Австралия одним фактом своего существования. Вопреки курсу истории из двадцать первого века, король-солнце пошел на мир с Аугсбургской лигой не в сентябре, а в мае. И, кажется, на чуть худших условиях, но тут я был не уверен. То есть французский король явно спешил хоть как-нибудь закончить эту войну, чтобы лучше подготовиться к следующей. А то, что за испанскую корону скоро придется воевать, особых сомнений ни у кого не вызывало. Илья прогнозировал, что каждая из сторон попытается перетянуть нас к себе или по крайней мере получить гарантии нейтралитета. Мне же предстояло на месте решить, в какие суммы это им обойдется.

Элли же не переставала меня приятно удивлять. Я опасался, что к моменту отплытия у нее что-нибудь не будет готово и она поднимет писк насчет задержаться. Но нет, за пять дней до назначенной даты она заявила, что полностью готова к путешествию. Я устроил смотр.

Четыре здоровенных баула были аккуратно упакованы и ждали только носильщиков для перетаскивания на «Чайку». Сама же герцогиня выглядела просто потрясающе. В платье из желтой светоотражающей ткани с черными вставками, на шее – золотая цепь со здоровенным сапфиром. Кстати, когда Мерсье увидел его впервые, с нашим ювелиром чуть не случился инфаркт. До этого он не представлял себе сапфиров не то что такой, а даже втрое меньшей величины.

Платье было довольно длинным по австралийским меркам, сантиметров на десять ниже колен. Впрочем, это компенсировалось большими вырезами спереди и сзади. На ногах у

герцогини красовались изящные пластиковые сапожки, богато украшенные золотом и драгоценными камнями. На сплетенном из разноцветных проводов широком ремне висела открытая кобура с револьвером. Заморский облик дамы дополняли бронзовый загар и зеркальные солнцезащитные очки.

Она проехала на велосипеде, и я признал, что не могу придраться к ее водительскому мастерству. В общем, подумалось мне, лондонскому высшему свету скоро придется весьма несладко, о чем я и сообщил Элли.

Двадцать шестого августа мы вышли в море, причем это событие было обставлено очень торжественно. Приехал Илья на своем императорском рыдване и сказал прощальную речь, причем не абы как, а через усилитель с мощными динамиками. На европейскую часть населения столицы это произвело сильное впечатление. Потом фрегат «Винчестер», так и стоящий в гавани с момента своего прибытия к берегам Новой Австралии, салютовал нам пятью залпами из пушек. Все какое-то развлечение для команды, которая совсем измаялась от безделья. Свифт уже не раз писал в Англию, что корабль потихоньку обрастает ракушками, его капитана можно чаще встретить в кабаке, чем на борту своего фрегата, дисциплина среди матросов падает, а восемь человек вообще сбежали и попросили политического убежища в Австралии, которое им и было предоставлено. Но только на последнюю депешу пришел ответ, что кораблю разрешается помочь австралийцам в их борьбе с дикарями. Свифт сообщил об этом мне, а я, по традиции сделав вид, что слышу новость в первый раз, предложил отправить «Винчестер» к берегам Новой Зеландии, патрулировать ее восточное побережье. Стреляя во все, что плавает по воде или шевелится на берегу. Так что вскоре после нашего отбытия фрегат тоже покинет залив Порт-Филипп. Замаскированную же под один из камней балласта мину мы решили пока не извлекать, а то мало что может произойти в дальнейшем.

Сейчас, покидая Ильинск на год или даже больше, я был сравнительно спокоен. Ничего похожего на ситуацию с первой экспедицией в Себу, когда после моего отбытия мгновенно встали почти все работы, теперь произойти не может. И не только потому, что в столице оставался Илья. Инженерные и административные кадры из мориори уже набрались достаточно опыта.

Между прочим, полтора десятка кремневых барабанов, которые мы везли в Англию в обмен на доставленные «Портсмутом» семь сотен ружей, были сделаны почти целиком из местных материалов и руками наших с Ильей учеников. Единственной деталью из будущего там являлась жила левой задней ноги хихервохера, то есть леска, взводящая пружину запального колеса. Более того, ребята почти освоили и выпуск настоящих барабанов, ибо все мои заготовки были уже использованы.

Проект дирижабля на три с небольшим тысячи кубов мы с Ильей уже составили, часть бамбука и шелка Гонсало привез еще в июле, а где-то недели через две должен прийти «Соболь» с бальзой, и Франсуа с помощниками сможет приступить к изготовлению первого настоящего дирижабля. С крылатыми машинами придется обождать до появления более или менее подходящих двигателей. То, что получилось у нас с Ильей, имело мощность тридцать сил при весе за сто двадцать кило, то есть в качестве самолетного движка не годилось. А турбина для аппарата, который мы обещали Людовику, существовала пока только в виде маленькой модельки с тягой в два килограмма. Правда, эта модель отлично работала.

Я проводил взглядом удаляющийся берег якобы новой, а на самом деле единственной Австралии. Пять лет назад мы прибыли сюда на «Победе», и тогда на холме сиротливо торчали несколько домиков, обнесенных частоколом. Сейчас же в вечерней дымке помаленьку таял хоть и небольшой, но вполне приличный город. В порту остались стоять четыре больших корабля, а вокруг сновали лодки всех размеров. Интересно, что я увижу тут еще через пять лет?

Эпилог

Я спустился в свою каюту. По сравнению со всеми прошлыми походами на «Чайке» в ней появилось новшество – большой, метр на полтора размером, парадный портрет императора. В стенном шкафу лежали еще три точно таких же и два десятка маленьких, формата А4.

Портрет был поясным. Весь центр занимала фигура Ильи в красной майке, чуть не лопающейся на могучей груди. Из-под майки курчавилась рыжая шерсть. Борода императора, в реальной жизни более всего напоминающая лопату, на портрете была сравнительно аккуратно подстрижена под Александра III. Скипетр из железного дерева казался игрушкой в огромной волосатой лапе. В принципе тут должна быть и еще какая-то «держава», но я не знал, что это такое, искать в ноутбуках было лень, а Илья сказал, что сойдет и так.

По бокам и чуть сзади Ильи стояли два гвардейца в парадной форме, я их ввел в кадр для масштаба.

Картина имела многоплановый фон. Далеко на горизонте вздымались к небу белые вершины ледяных гор. Чуть впереди них уже простирались австралийские холмы, кое-где поросшие лесом. Прямо за императором угадывался город. Сам же повелитель огромной империи твердо и уверенно смотрел вперед, то есть в будущее.